

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

22 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Александрович Флоренский* (1882–1937), священник Русской православной церкви, богослов, религиозный философ, поэт, инженер.

Павел Флоренский родился в 1882 году в городе Евлахе, который расположен на территории современного Азербайджана. Отец его, Александр Иванович, был инженером и работал на железной дороге. Хотя сам Александр Иванович происходил из династии священнослужителей, к религии он относился весьма сдержанно. Его жена принадлежала к знатному роду крупных армянских землевладельцев и исповедовала армяно-григорианскую веру. По воспоминаниям Павла, родители старались избегать разговоров о религии.

Довольно рано мальчик увлекся математикой, а после поступления в гимназию показал блестящие результаты в учебе. Не ограничиваясь учебной программой, Павел изучал все доступные ему на тот момент материалы по физике, астрономии и геологии. Он закончил гимназию с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там он познакомился с теми, чьи имена впоследствии оказались неразрывно связаны с культурой Серебряного века: Андреем Белым, Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гippiус, Александром Блоком.

В годы студенчества Флоренский обратился к трудам религиозного мыслителя Владимира Соловьева. Вообще вопросами философии он заинтересовался еще в гимназии. Он увлекался модным в то время толстовством и даже хотел отказаться от дальнейшего обучения, но отец советовал ему продолжить образование. Перед выпуском из университета, когда Флоренскому предложили остаться на математической кафедре, молодой человек уже был настроен на поступление в Московскую духовную академию. Затем Флоренский принял священнический сан и занял должность редактора богословского журнала.

В мировоззрении Флоренского наука и религия не противоречили друг другу, а, напротив, были неразрывно связаны. Наиболее значимая теологическая работа Павла Флоренского, «Столп и утверждение Истины» (1914), примечательна благодаря особому взгляду автора на мир, его попытке найти в окружающей среде указания на истину православия.

В работе «Храмовое действо как синтез искусств» (1918) отец Павел подошел к богослужению как к проявлению «высшего синтеза разнородных художественных деятельностей» — синтезу искусств, который восходит к античной трагедии, соединяя поэзию, музыку и хореографию. Он воспринимал богослужение как целостный организм, живущий реальной жизнью в формах православного церковного искусства, имеющего национальные традиции на русской почве: многоярусный иконостас, знаменный распев и другие.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кандауров Д. А.

Конкуренция общей и специальной норм
в уголовном праве: критерии разграничения
и типичные ошибки квалификации 289

Каргин Д. Ю.

Особенности правового регулирования
положения депутата Государственной Думы
и сенатора Российской Федерации 291

Клипка И. С.

Теоретические основы определения
содержания и форм вины в уголовном праве
Российской Федерации 294

Коваль М. В.

Изменения советского законодательства
в годы Великой Отечественной войны:
чрезвычайная модель правового
регулирования 297

Королева В. Ю.

Проблемы определения понятия убийств
прошлых лет в криминалистической науке 301

Кружалова М. Д.

Проблемы квалификации истязания и пути
совершенствования законодательства 304

Леонович В. А.

Особенности продажи заложенного имущества
в процедуре банкротства 306

Любимов М. Г., кандидат ю. н.

О значении экономических знаний
в профессиональной компетентности
прокурорского работника 308

Майоров В. Р.

Обеспечение информационной безопасности
при договорном регулировании отношений
в сфере интернет-услуг 310

Маслов А. М.

Правовое регулирование транспортировки
и хранения углеводородов 312

Меринов В. Н.

Совершенствование воинского учета
в организациях: проблемы и пути решения
в 2026 году 320

Молчанова И. Е.

Правовое регулирование рекламных
маркетинговых платформ 323

Муртазина Р. Ш.

Конституционно-правовые механизмы
обеспечения защиты прав человека
в Российской Федерации: вопросы теории
и практики 325

Муртузалиев С. З.

Уникальность российской модели
принудительных работ в контексте
международного опыта: доктринальные
и законодательные аспекты 327

Никонов Л. Е.

Преступления, совершенные по мотиву
религиозной ненависти или вражды 331

Новиков С. В.

Не всё самовольное незаконно: эволюция
упрощённого порядка легализации объектов
вспомогательного использования и амнистий
объектов, возведённых без разрешения 333

Орлов Н. Г., Иродов В. Ю.

О некоторых вопросах участия
общественных организаций в экологических
правоотношениях 336

Остапенко Е. В.

Правовая природа недействительных сделок
противных основам правопорядка или
нравственности 338

Петренко Е. А.

Электронные доказательства как
новый вид доказательств в УПК РФ:
практические проблемы изъятия и правовая
неопределенность 341

Пичугина С. К.

Право на необходимую оборону как
составная часть правового статуса личности ... 344

Пичугина С. К.

Понятие и правовая природа завещания 345

Пичугина С. К.

Уголовно-правовые последствия
превышения пределов необходимой
обороны 347

Подкопаева В. Н., Вернер А. С.

Дефекты правового сознания: виды,
причины возникновения и последствия 348

Притьмов Д. Е.

Полномочия прокурора по надзору
за исполнением законодательства в сфере
оборонно-промышленного комплекса..... 352

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конкуренция общей и специальной норм в уголовном праве: критерии разграничения и типичные ошибки квалификации

Кандауров Даниил Артемович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В настоящей статье нами исследуются теоретические и практические аспекты конкуренции общей и специальной норм в уголовном праве. Анализируются законодательное закрепление данного вида конкуренции в части 3 статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также доктринальные подходы к определению общей и специальной нормы. Выявляются критерии разграничения указанных норм, рассматриваются правила квалификации преступлений при их конкуренции. Особое внимание уделяется типичным ошибкам правоприменителя, возникающим при разграничении общего и специального составов мошенничества, а также при квалификации деяний, предусмотренных статьёй 159.6 УК РФ. На основе проведённого анализа нами формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: конкуренция норм, общая норма, специальная норма, квалификация преступлений, мошенничество, правовая определённость, Уголовный кодекс РФ.

Competition between general and special norms in criminal law: criteria of differentiation and typical qualification errors

Kandaurov Daniil Artemovich, student

Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

In this article we examine the theoretical and practical aspects of competition between general and special norms in criminal law. The legislative consolidation of this type of competition in part 3 of article 17 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as doctrinal approaches to the definition of general and special norms are analyzed. The criteria for differentiating these norms are identified, and the rules for qualifying crimes in case of their competition are considered. Special attention is paid to typical law enforcement errors arising from the differentiation of general and special components of fraud, as well as from the qualification of acts provided for by Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis, we formulate proposals for improving criminal legislation and the practice of its application.

Keywords: competition of norms, general norm, special norm, qualification of crimes, fraud, legal certainty, Criminal Code of the Russian Federation.

Проблема конкуренции уголовно-правовых норм неизбежно возникает перед правоприменителем всякий раз, когда совершённое деяние одновременно подпадает под признаки двух или более статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Законодатель прямо не определяет понятие «конкуренция норм», однако в части 3 статьи 17 УК РФ закрепляет важнейшее правило: «Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме» [1, ст. 17, ч. 3].

Данное предписание, на наш взгляд, является ключевым для понимания всей конструкции конкуренции, но оно не даёт ответа на вопросы о том, какую норму следует считать общей, а какую — специальной, и по каким критериям их разграничивать.

В теории уголовного права под общей нормой понимается предписание, регулирующее определённый вид общественных отношений в целом, безотносительно к особым условиям или способам совершения деяния. Специальная же норма, как отмечает М. А. Байдарова, «максимально конкретизирует общие, корректирует временные и про-

странственные условия их реализации, способы правового воздействия на поведение субъектов права» [2, с. 59]. Мы разделяем эту позицию и полагаем, что специальная норма всегда производна от общей и не может существовать изолированно. Она призвана учесть специфику отдельной группы случаев, которые с точки зрения законодателя заслуживают дифференцированной уголовно-правовой оценки. При этом, как справедливо подчёркивается в литературе, специальная норма не устанавливает принципиально иного правила, нежели общая, а лишь детализирует его применительно к определённым ситуациям.

Однако на практике далеко не всегда очевидно, какая из двух конкурирующих норм является общей, а какая — специальной. Нам представляется, что критерием здесь выступает объём регулируемых отношений. Общая норма охватывает все возможные случаи совершения деяния данного вида, тогда как специальная норма выделяет из этого множества отдельную подгруппу, руководствуясь дополнительными признаками — способом совершения, субъектом, объектом или обстановкой. Как указывает О. В. Савюк, «конкуренция общей и специальной норм представляет собой конкуренцию норм о составах, во-первых, одного и того же преступления, во-вторых, самостоятельных преступлений» [5, с. 132]. Мы обращаем внимание на то, что во втором случае речь идёт о ситуациях, когда общий и специальный составы формально закреплены как самостоятельные преступления, но по существу одно из них поглощает другое. Примером может служить соотношение статьи 105 УК РФ (убийство) и статьи 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля): последняя является специальной нормой по отношению к общей, поскольку содержит дополнительный признак — потерпевший.

Правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм, как показывает анализ судебной практики, сводятся к безусловному приоритету специальной нормы. Однако внутри этого общего правила существуют более частные положения. Во-первых, если преступление предусмотрено статьями с основным и привилегированным составами (например, статья 105 и статьи 106–108 УК РФ), применению подлежит привилегированная (специальная) норма. Во-вторых, если конкурируют квалифицированный и особо квалифицированный составы, закреплённые в разных частях одной статьи, деяние квалифицируется по части, предусматривающей более строгое наказание, но с указанием всех квалифицирующих признаков в описательной части приговора. В-третьих, при конкуренции общей и специальной норм не допускается двойная квалификация одного и того же деяния — совокупность преступлений отсутствует. На наш взгляд, последнее правило не всегда очевидно для правоприменителя, и мы нередко встречаем случаи, когда суды первой инстанции вменяют лицу и общий, и специальный составы, что впоследствии исправляется вышестоящими инстанциями.

Одной из наиболее сложных проблем, связанных с конкуренцией общей и специальной норм, является разграничение мошенничества в его традиционном понимании (статья 159 УК РФ) и мошенничества в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ). Как пишет А. М. Зацепин, «если в Уголовный кодекс Российской Федерации вводятся составы преступлений, с помощью которых устанавливается ответственность за отдельные случаи совершения деяний, любой случай совершения которых отражен в других составах, тем самым из общей нормы исключается то, что включается в специальную норму» [3, с. 84]. В случае со статьёй 159.6 УК РФ законодатель, по нашему мнению, нарушил это правило. Мошенничество по общему определению — это хищение чужого имущества или приобретение права на него путём обмана или злоупотребления доверием. Статья 159.6 УК РФ описывает совершенно иной способ — вмешательство в функционирование компьютерной информации, при котором потерпевший не вводится в заблуждение, а имеет место воздействие на технические средства. Следовательно, мы имеем не конкретизацию общей нормы, а создание самостоятельного состава хищения, который ошибочно назван мошенничеством.

Данную проблему детально анализирует Е. А. Куликов, который приходит к выводу, что «специальная норма не может предусматривать принципиально иного варианта, нежели общая норма, специальная норма лишь конкретизирует некоторые аспекты общей нормы, оставаясь в обозначенных ею пределах» [4, с. 75]. С этим мы полностью согласны. Однако в статье 159.6 УК РФ отсутствуют такие обязательные для мошенничества признаки, как обман или злоупотребление доверием. На практике это порождает две типичные ошибки. Первая ошибка — попытка квалифицировать по статье 159.6 УК РФ деяния, связанные с обманом, но совершённые с использованием компьютера (например, рассылка ложных сообщений). Здесь суды зачастую не могут определить, требуется ли доказывать факт введения потерпевшего в заблуждение. Вторая ошибка — квалификация по статье 159 УК РФ хищений, совершённых путём взлома программного обеспечения, что противоречит специальной норме. Мы полагаем, что единственным способом разрешения этой коллизии является исключение из статьи 159.6 УК РФ слова «мошенничество» и переименование её в «Хищение чужого имущества путём неправомерного доступа к компьютерной информации» либо аналогичное изменение. Только тогда будет устранена правовая неопределённость.

Ещё одной областью, где конкуренция общей и специальной норм вызывает трудности, является разграничение должностных преступлений и злоупотреблений полномочиями в коммерческих организациях. Однако, учитывая объём настоящей статьи, мы остановимся лишь на мошенничестве как наиболее показательном примере. Нам хотелось бы также обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 11 декабря 2014 года № 32-П указал, что специальные со-

ставы мошенничества «не означают криминализацию каких-либо деяний, не подпадающих под действие его ст. 159, которая охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Мы считаем, что данная правовая позиция должна быть распространена и на статью 159.6 УК РФ, однако в её нынешней редакции это невозможно, поскольку способы, перечисленные в этой статье, выходят за рамки обмана и злоупотребления доверием.

Подводя итог нашему исследованию, мы формулируем следующие выводы. Конкуренция общей и специальной норм в уголовном праве является объективным следствием дифференциации уголовной ответственности. Критерием разграничения общей и специальной норм выступает объём регулируемых отношений: общая норма охватывает все случаи деяния данного вида, специальная — выделяет подгруппу по дополнительным признакам. Часть 3 статьи 17 УК РФ устанавливает безусловный приоритет специальной нормы перед общей, что исключает двойную квалификацию. Наиболее типич-

ными ошибками правоприменителя являются: неверное определение того, какая норма является специальной; квалификация деяния по общей норме при наличии специальной; двойное вменение; а также ошибочное применение статьи 159.6 УК РФ без установления обмана или злоупотребления доверием.

Для преодоления выявленных проблем мы предлагаем: 1) принять разъяснения о соотношении статей 159 и 159.6 УК РФ, указав на необходимость доказывания обмана при квалификации по статье 159.6 УК РФ до внесения изменений в закон; 2) внести изменение в УК РФ, исключив слово «мошенничество» из названия и диспозиции статьи 159.6, заменив его на «хищение компьютерной информации» или иную нейтральную формулировку; 3) законодательно закрепить в Общей части УК РФ правило о том, что при конкуренции общей и специальной норм специальная норма подлежит применению, если она конкретизирует общую, но не вводит принципиально иные признаки состава. Реализация этих предложений, на наш взгляд, позволит повысить определённую уголовно-правовых запретов и снизить количество судебных ошибок.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Байдарова М. А. Конкуренция общей, специальной и исключительной нормы: вопросы теории и практики // Вестник ПАГС. 2019. № 3. С. 57–64.
3. Зацепин А. М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 84–100.
4. Куликов Е. А. Уголовная ответственность за мошенничество и контрабанду с позиций соотношения общей и специальной нормы, а также принципа правовой определенности // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 70–80.
5. Савюк О. В. Конкуренция общего и специального состава преступлений при квалификации преступлений // Молодой ученый. 2026. № 1 (604). С. 132–135.

Особенности правового регулирования положения депутата Государственной Думы и сенатора Российской Федерации

Каргин Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье на основе комплексного анализа положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона № 3-ФЗ (в редакции 2020–2024 гг.), а также доктринальных источников исследуется конституционно-правовой статус депутата Государственной Думы и сенатора Российской Федерации. Автор рассматриваются понятие и структура статуса парламентария, формы деятельности, система прав, обязанностей и гарантий. Особое внимание уделяется новеллам законодательства, принятым в результате конституционной реформы 2020 года и последующих изменений 2023–2024 годов.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, депутат Государственной Думы, сенатор Российской Федерации, парламентское право, формы деятельности депутата, депутатская неприкосновенность, гарантии депутатской деятельности, сравнительное правоведение.

Конституционно-правовой статус депутата парламента является одним из центральных институтов парламентского права, поскольку именно через его за-

крепление и реализацию раскрывается сущность народного представительства как основы конституционного строя. Как справедливо отмечается в юридической лите-

ратуре, категория «конституционно-правовой статус» является комплексной и многоаспектной, что обуславливает необходимость ее детальной регламентации на уровне Основного закона государства и федеральных законов [1].

Актуальность исследования обусловлена существенными изменениями, внесенными в законодательство о статусе парламентариев в результате конституционной реформы 2020 года, а также принятием в 2023–2024 годах федеральных законов, закрепивших новые обязанности и ограничения для сенаторов и депутатов. Целью настоящей статьи является комплексный анализ конституционно-правового статуса депутата Государственной Думы и сенатора Российской Федерации, включая его структурные элементы, формы деятельности, права, обязанности и гарантии.

Переходя к непосредственному изложению результатов исследования, следует отметить, что работа построена по проблемно-структурному принципу: последовательно анализируются понятие статуса, формы деятельности, права и обязанности, а также система гарантий.

Прежде чем перейти к анализу отдельных элементов правового положения народных избранников, представляется необходимым определить содержательные границы исследуемой категории. Как обоснованно указывает С. А. Авакьян, статус депутата включает в себя следующие структурные элементы: права и обязанности, гарантии деятельности, ответственность, а также ограничения и запреты, связанные с замещением публичной должности [2]. С нашей точки зрения, применительно к парламентариям права и обязанности образуют ядро правового статуса, поскольку именно через их реализацию раскрывается фактическое содержание правосубъектности.

Принимая во внимание двухпалатную структуру российского парламента, необходимо констатировать, что правовое положение депутата Государственной Думы и сенатора имеет как общие черты, так и значимые различия. Как отмечает Е. И. Колюшин, двухпалатная структура Федерального Собрания предопределяет наличие двух самостоятельных видов парламентариев, правовой статус которых имеет как общие черты, так и существенные различия, вытекающие из порядка формирования и компетенции соответствующей палаты [3].

Ключевым критерием дифференциации, как показывает анализ, выступает порядок формирования. В отличие от депутатов Государственной Думы, избираемых непосредственно населением по смешанной избирательной системе, сенатор Российской Федерации наделяется полномочиями соответствующим законодательным и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ. Данное обстоятельство предопределяет различия в характере наказов избирателей и механизмах ответственности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что российская модель правового статуса парламентариев базируется на двухпалатной структуре парламента,

различном порядке формирования палат и дифференцированном объеме правомочий депутата и сенатора.

Переходя к анализу форм деятельности, следует подчеркнуть, что они представляют собой установленные законодательством способы реализации парламентариями своих полномочий. Формы деятельности депутата и сенатора закреплены в статье 7 Федерального закона от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ. Перечень включает участие в заседаниях палат, работу в комитетах и комиссиях, выполнение поручений палат, участие в парламентских слушаниях, внесение законопроектов и запросов, обращение с вопросами к членам Правительства, а также требование принять меры по пресечению нарушения прав граждан [4].

Как справедливо отмечает А. В. Безруков, пленарные заседания являются основной формой коллективной законотворческой деятельности парламентариев, поскольку именно на них принимаются федеральные законы и иные акты палат [5]. В свою очередь, работа в комитетах и комиссиях является наиболее значимой формой с точки зрения законотворчества, поскольку именно на этом уровне осуществляется предварительное рассмотрение законопроектов, их экспертиза и подготовка к пленарному заседанию.

Особо следует отметить, что работа с избирателями является формой деятельности исключительно депутата Государственной Думы. Как обоснованно указывает А. С. Орлова, депутат обязан поддерживать связь с избирателями, рассматривать обращения граждан, лично вести прием граждан не реже одного раза в два месяца, а также проводить встречи с избирателями не реже одного раза в полгода [6].

В дополнение к сказанному, следует подчеркнуть, что перечень форм деятельности, закрепленный в законе, не является исчерпывающим, что позволяет парламентариям использовать иные способы реализации своих полномочий, не противоречащие законодательству.

Анализируя систему прав и обязанностей, необходимо прежде всего остановиться на праве законодательной инициативы, закрепленном в статье 104 Конституции РФ. Данное правомочие является важнейшим полномочием парламентария. Как отмечают Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин, именно через его реализацию депутаты и сенаторы непосредственно участвуют в формировании правовой системы государства [7]. При этом депутаты Государственной Думы обладают индивидуальным правом законодательной инициативы, тогда как сенаторы реализуют данное право только в составе группы не менее одной трети от общего числа членов палаты.

Переходя к анализу новейших изменений в законодательстве, следует отметить, что существенные коррективы в систему прав и обязанностей парламентариев внесла конституционная реформа 2020 года. Как справедливо отмечает Т. П. Виноградов, реформа привела к существенной трансформации конституционно-правового статуса парламентариев, что выразилось, в частности, в замене термина «член Совета Федерации» на «сенатор

Российской Федерации», а также в расширении оснований для досрочного прекращения полномочий [8].

Важнейшей новеллой, заслуживающей отдельного рассмотрения, явилось принятие Федерального закона от 13 июля 2024 года № 179-ФЗ, закрепившего новые обязанности парламентариев по согласованию выезда за пределы Российской Федерации с Председателем соответствующей палаты [9]. По нашему мнению, данная обязанность направлена на обеспечение постоянного присутствия парламентариев на территории страны для выполнения ими своих функций, что особенно актуально в условиях действия санкционных режимов.

Обращаясь к анализу системы гарантий, следует отметить, что она включает организационные (функциональные), материальные (социально-бытовые) и специальные (юридические) гарантии. Центральное место среди них занимает институт депутатской неприкосновенности (парламентский иммунитет).

Как обоснованно указывает Л. А. Нудненко, неприкосновенность сенатора и депутата не является их личной привилегией, а служит публично-правовым институтом, обеспечивающим независимость народного представительства от неправомерного воздействия со стороны исполнительной власти [10]. В соответствии со статьей 19 Федерального закона № 3-ФЗ, парламентарий не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, задержан, арестован или подвергнут обыску без согласия соответствующей палаты [4].

В контексте рассмотрения материальных гарантий следует отметить, что по объему социальных гарантий сенаторы и депутаты приравниваются к федеральному министру, а председатели палат — к Председателю Правительства РФ.

Таким образом, система гарантий деятельности российских парламентариев создает необходимые предпосылки для независимой и эффективной законотворческой работы, однако отдельные элементы этой системы нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Подводя промежуточный итог, следует выделить основные тенденции развития законодательства о статусе парламентариев в период 2020–2024 годов.

Во-первых, происходит последовательное ужесточение антикоррупционных ограничений и расширение перечня оснований для досрочного прекращения полномочий.

Во-вторых, наблюдается сужение пределов парламентского иммунитета, выражающееся в отказе от его распространения на отдельные виды административных правонарушений.

В-третьих, расширяются контрольные полномочия парламентариев через совершенствование процедур депутатских запросов и парламентских слушаний.

В-четвертых, ужесточаются требования к соблюдению депутатской дисциплины и обязанности по согласованию выезда за границу.

Как нам представляется, указанные тенденции носят объективный характер и соответствуют общемировым

трендам на повышение ответственности публичных должностных лиц.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Конституционно-правовой статус депутата Государственной Думы и сенатора Российской Федерации представляет собой сложное, многоуровневое правовое образование, включающее права, обязанности, гарантии и формы деятельности. Двухпалатная структура Федерального Собрания предопределяет существование двух самостоятельных статусов — депутата Государственной Думы (как представителя народа) и сенатора (как представителя регионов).

2. Формы деятельности парламентариев подразделяются на общие (участие в заседаниях, работа в комитетах, внесение законопроектов) и специальные, присущие исключительно депутатам Государственной Думы (работа с избирателями, участие во фракциях). Перечень форм деятельности является открытым.

3. Система гарантий деятельности парламентариев включает организационные, материальные и специальные (юридические) гарантии с центральным институтом депутатской неприкосновенности. Объем гарантий дифференцирован в зависимости от статуса парламентария.

4. Законодательство о статусе российских парламентариев находится в состоянии перманентного развития, характеризуясь ужесточением антикоррупционных ограничений, сужением пределов иммунитета и расширением контрольных полномочий.

На наш взгляд, дальнейшее развитие института конституционно-правового статуса парламентариев в Российской Федерации должно идти по пути сохранения разумного баланса между необходимостью обеспечения независимости народного представительства и принципом равенства всех перед законом, усиления контрольных полномочий парламентариев, расширения гарантий депутатской деятельности, а также совершенствования механизмов ответственности за ненадлежащее исполнение депутатских обязанностей. При этом, как нам представляется, любые нововведения не должны подрывать сущностных характеристик парламентской деятельности, прежде всего принципов независимости, гласности и свободного мандата.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что конституционно-правовой статус депутата Государственной Думы и сенатора Российской Федерации, представляющий собой сложный комплекс прав, обязанностей, гарантий и форм деятельности, в целом обеспечивает реализацию представительной функции парламента. Вместе с тем, отдельные элементы этого статуса нуждаются в дальнейшем совершенствовании, в частности, в части уточнения механизмов ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по работе с избирателями, детализации процедурных аспектов реализации депутатского иммунитета, а также гармонизации законодательства о статусе парламентария с общими принципами противодействия коррупции.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С. А. Авакьян. — М.: Норма: Инфра-М, 2023.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. Практикум: учебное пособие для вузов / С. А. Авакьян. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Городец, 2021. — 480 с.
3. Колюшин Е. И. Конституционное право России: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2023. — С. 312–315.
4. Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 2. — Ст. 74; 2024. — № 29. — Ст. 4109. — Ст. 7.
5. Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие. — М.: Юстиция, 2024. — С. 188–189.
6. Орлова А. С. Вопросы досрочного прекращения полномочий депутатов Государственной Думы // Государственная власть и местное самоуправление. — 2025. — № 9. — С. 23–25.
7. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — С. 350.
8. Зуев О. Е., Бахлов И. В. Российский парламентаризм после конституционной реформы 2020 года // Социально-политические науки. — 2023. — № 4. — С. 74–79.
9. Федеральный закон от 13 июля 2024 года № 179-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 6 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы...» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 29. — Ст. 4109.
10. Нудненко Л. А. Конституционное право России: учебник для вузов. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — С. 282.

Теоретические основы определения содержания и форм вины в уголовном праве Российской Федерации

Клипка Ирина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Хожаинова Оксана Васильевна, старший преподаватель

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

Данная статья посвящена особенностям определения содержания вины и её форм — умысла, неосторожности, а также двойной (смешанной) формы вины, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. В работе проводится глубокий анализ правовой природы данных категорий, их классификации и значения для квалификации преступлений.

Ключевые слова: вина, содержание вины, формы вины, умысел, неосторожность, легкомыслие, небрежность, сложная вина, случай, преступление, субъективная сторона преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Внутреннее состояние человека, отражающее его сознание и волю к совершению определенных действий (или бездействий) и предвидение их результатов, представляет собой субъективную сторону. Изучение этой стороны имеет ключевое значение для понимания уровня вовлеченности (осознанности) человека в противоправное деяние, степени его заинтересованности (или ее отсутствия), что, в свою очередь, определяет соответствующую меру наказания. Отношение индивида к своим поступкам и их результатам служит индикатором наличия или отсутствия вины, являющейся фундаментальным признаком преступления.

Среди признаков субъективной стороны выделяют вину, цель и мотив. Вина является непременным условием для признания деяния преступлением. Цель и мотив в некоторых случаях выступают обязательными элементами

состава преступления, как, например, хулиганские побуждения или корыстная цель. В прочих ситуациях они носят факультативный характер и могут служить основанием для смягчения или ужесточения наказания.

В Конституции Российской Федерации нет прямого упоминания форм вины. Однако некоторые положения Конституции Российской Федерации связаны с принципом вины и уголовной ответственностью, которые находят отражение в уголовном законодательстве.

Например, статья 49 Конституции Российской Федерации закрепляет презумпцию невиновности: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1]. Этот принцип подразумевает, что никто не может быть

привлечён к уголовной ответственности, если не установлена его личная вина в отношении общественно опасного деяния и его последствий.

Вина представляет собой оценку субъектом своего поступка и его результатов. Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности исключительно при установлении его вины. Данное основополагающее положение уголовного права известно, как принцип субъективного вменения. Применение ответственности без вины, к примеру, захват в заложники членов семьи злоумышленника, или преследование родственников за деяния виновного, а равно аналогичные методы привлечения людей к ответственности без их непосредственного участия и вины, являются проявлениями объективного вменения, что категорически запрещено уголовным законодательством.

Для наступления уголовной ответственности и установления ее пределов требуется наличие вины как по отношению к самому деянию, так и к его последствиям, связи между ними, а также к обстоятельствам, отягчающим преступление и, соответственно, уголовную ответственность.

Вина многогранна и проявляется в различных формах:

- в социокультурном контексте вина означает поведение, заслуживающее осуждения и влекущее за собой ответственность;
- с точки зрения психологии, вина представляет собой внутреннее отношение индивида к общественно опасному деянию, проявляющееся как прямой умысел или неосторожность (в соответствии со ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2]);
- юридическая интерпретация вины сводится к тому, что это предусмотренная законом форма отношения субъекта к совершенному им преступлению, влекущая за собой наказание.

Определяя, виновен человек или нет, как правило, учитываются все эти три стороны вины. Однако в общественном сознании, включая и правосознание представителей юридической сферы, не всегда на первый план выходит лишь один из аспектов. Иногда, несмотря на явную причастность человека к преступлению и установленную законом его вину, общество или отдельные его группы могут найти оправдание его поступкам. Или же, наоборот, общественное мнение может осуждать человека за причиненный преступным путем вред, даже при полном отсутствии как психологических, так и юридических оснований для такого обвинения.

Рассматривая вину с психологической точки зрения, можно выделить два ее компонента:

- интеллектуальный (когнитивный) аспект вины: этот элемент подразумевает осмысление субъектом совершенного действия или бездействия, а также предвидение его последствий;
- волевой аспект вины: данный компонент отражает отношение воли субъекта к совершаемому деянию и его результатам.

Большинство исследователей полагают, что предвидение общественно опасных последствий доступно лишь

при осознании лицом характера своих действий. Однако принятие этой позиции порождает сложности при квалификации деяния.

Так, В. А. Якушин отметил: «воля не может рассчитать. Рассчитывает, взвешивает все «за» и «против» интеллект человека, а не его воля» [7, с. 28]. По его мнению, ключевым элементом в механизме преступления выступает интеллект, а не воля. Именно рассудок позволяет проанализировать и спланировать те или иные поступки.

Схожей точки зрения придерживается А. Ю. Ширяев, соглашаясь с В. А. Якушиным в том, что «предвидеть последствия возможно исключительно благодаря интеллектуальной деятельности» [6, с. 39].

Н. А. Иванов в своих трудах отмечает: «установление формы вины не всегда учитывает такие признаки, как осознание общественной опасности деяния и желание наступления вредоносных последствий» [4, с. 25].

Исходя из характера содержания данных компонентов (сознания и воли) и способа их взаимодействия, вина может проявляться в двух основных формах: умысле и неосторожности.

Согласно ст. 25 УК РФ, умышленная форма вины предполагает, что индивид осознает общественную опасность своего поведения (действия или бездействия) и предвидит возможность наступления негативных последствий (интеллектуальный компонент умысла). Кроме того, он либо желает наступления таких последствий, либо сознательно допускает их, либо относится к ним нейтрально (волевой компонент умысла).

В рамках умышленной вины разделяют две основные формы: прямой умысел и косвенный умысел. Интеллектуальная сторона в обоих случаях идентична — она включает осознание общественной опасности совершаемого деяния и предвидение возможных вредных последствий. Ключевое различие между этими видами умысла лежит в сфере волевого компонента.

При прямом умысле виновный активно желает наступления общественно опасных последствий, именно для их достижения и совершается преступное действие (так, убийство с корыстной целью может быть осуществлено лишь с прямым умыслом). В случае с косвенным умыслом лицо не имеет прямой заинтересованности в наступлении подобных последствий, однако осознанно допускает их возможность, относится к ним безразлично и не предпринимает действий для их предотвращения.

Умысел по моменту формирования может быть внезапно возникшим или заранее обдуманым (предумысел). Первый появляется в результате случайной ситуации, непредвиденных условий, страха или интенсивного эмоционального напряжения (аффектированный умысел). Предумысел обычно включает выполнение подготовительных мероприятий, создание схемы правонарушения и маскировки его признаков, привлечение других участников и подобные действия. Такие деяния чаще представляют повышенную общественную опасность сравнительно с поступками, совершаемыми под воздействием спонтан-

ного душевного состояния. В уголовном законодательстве момент возникновения умысла не влияет на квалификацию деяния, однако принимается во внимание при определении вида и объема ответственности.

По уровню предвидения возможных последствий умысел классифицируется как:

- конкретизированный (определенный);
- не конкретизированный (неопределенный);
- альтернативный.

При конкретизированном умысле лицо осознает и стремится достичь строго заданного результата. Например, производя выстрел в область головы, виновный предполагает исключительно смертельный исход для жертвы. Конкретный умысел может ориентироваться на достижение противоправного итога посредством различных или совокупных действий. В подобной ситуации умысел именуется общим. Таким образом, если при убийстве сначала применялась еда с ядом, затем в жертву было произведено несколько выстрелов, а после этого ее тело поместили в водную среду, то здесь присутствует единая цель — добиться смерти любым из использованных методов.

При неопределённом умысле лицо допускает возможность возникновения различных последствий своего действия. Например, совершая сильный удар в область лица, субъект осознаёт, что результат может варьироваться от легких повреждений до серьёзных травм, включая смерть. Таким образом, ответственность возникает за реально причинённый вред.

Альтернативный умысел характеризуется тем, что виновный предполагает наступление одного из нескольких, чаще двух, конкретно возможных результатов.

В соответствии со ст. 26 УК РФ деяние признается совершенным по неосторожности если лицо:

- предвидело возможные вредные последствия, но самонадеянно рассчитывало их избежать (легкомыслие);
- не предвидело этих последствий, хотя при должной внимательности и осмотрительности должно и могло их предвидеть (небрежность).

В случае преступного легкомыслия (самонадеянности) лицо действует исходя из уверенности в собственной способности избежать негативных последствий. С интеллектуальной точки зрения такая форма неосторожности характеризуется полным пониманием вероятности возникновения опасного результата. Волевая составляющая выражается в расчете субъекта на управление событиями и недопущение общественно вредного итога.

Легкомыслие необходимо четко отделять от косвенного умысла. По интеллектуальному критерию — пониманию возможности последствий — они схожи. Однако волевой элемент различен. При легкомыслии субъект активно стремится не допустить вред, основываясь на конкретных, реальных обстоятельствах и своих возможностях. При косвенном умысле лицо лишь пассивно не желает негативного результата, не принимая каких-либо практических мер для его предотвращения.

При легкомыслии субъект, осознавая потенциальную опасность, надеется предотвратить вредоносный результат, опираясь на конкретные факторы: личные способности и навыки, поведение других людей, объективные природные явления и так далее. В случае косвенного умысла виновный относится к возможным опасным последствиям безразлично, не желая их, но и не отвергая их наступления [3, с. 26].

При преступной небрежности лицо вообще не предвидит вредных последствий своего деяния (отрицательный признак небрежности), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (положительный признак небрежности) [5, с. 81].

Интеллектуальная составляющая данного вида вины заключается именно в непредвидении вероятности общественно опасных последствий. В вину ставится само это отсутствие предвидения и понимания рисков. Волевой аспект здесь проявляется исключительно как отсутствие желания наступления вредных последствий.

Отсутствие предвидения последствий может признаваться виновным лишь при соблюдении конкретных условий, поскольку невозможно предусмотреть абсолютно всё. Ответственность за небрежность возникает только при совпадении двух критериев, касающихся способности к предвидению: объективного и субъективного.

Объективный критерий формулируется как «лицо должно было предвидеть». Эта обязанность возникает при нарушении общепринятых норм поведения или пренебрежении правилами безопасности в повседневной жизни и распространяется на любого человека, вне зависимости от его личного опыта, уровня образования или иных индивидуальных качеств.

Субъективный критерий выражается принципом «лицо могло предвидеть». Он указывает на то, что обычный человек не всегда в состоянии осознать сложные причинно-следственные связи, особенно в областях, далеких от его непосредственной деятельности. В отдельных ситуациях — при сложной обстановке, чрезвычайных обстоятельствах или в рамках профессиональной деятельности — для адекватной оценки происходящего необходимы специальные знания, высокая квалификация и соответствующий практический опыт.

При явной субъективной невозможности человека прогнозировать результаты своих действий либо в условиях воздействия природных явлений или экстремальных ситуаций, существенно изменяющих нормальные параметры оценки обстановки (способность предвидеть результаты), лицо может быть исключено из обязанности предполагать потенциальный вред и, как следствие, от уголовной ответственности.

Для преступлений с материальным составом необходимо установить вид вины как относительно действия, так и относительно его результатов. Формальный состав не включает в себя последствия, поэтому вина устанавливается исключительно относительно самого деяния. В такой

ситуации деяние считается умышленным, если лицо осознавало общественную опасность своих действий и стремилось их осуществить. Преступление с формальным составом считается совершенным по неосторожности, если лицо не осознавало общественно опасный характер своего деяния, хотя обязано было и имело возможность осознавать. Преступление, не предполагающее наступления последствий, может быть совершено по неосторожности лишь при наличии преступной небрежности.

Сложная (двойная или смешанная) вина представляет собой ситуацию, когда в рамках одного преступления сочетаются разные формы виновности — умысел и неосторожность (ст. 27 УК РФ). Умышленная составляющая здесь относится к самому деянию, тогда как неосторожность касается исключительно наступивших последствий. В целом такое преступление квалифицируется как умышленное.

Понятие сложной вины становится обязательным, если другие комбинации умысла и неосторожности в данном составе невозможны.

Сложная вина рассматривается как допустимая, когда в отношении действия возможны обе формы — умысел или неосторожность. Однако в части последствий (на-

пример, смерти) вина всегда должна быть только неосторожной.

В случае, когда лицо не осознавало общественную опасность своих действий и по обстоятельствам ситуации не было обязано или не способно было это осознать, а также не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и не должно или не могло их предвидеть, такое деяние считается совершённым без вины (ст. 28 УК РФ). Причинение вреда при отсутствии вины именуется случаем (несчастливым случаем, казусом).

Следовательно, можно утверждать, что вина, выступая ключевым признаком субъективной стороны состава преступления, сформировалась как обязательный компонент психического отношения лица. Касательно внутреннего содержания вины, оно определяется единством интеллектуального и волевого элементов, а также характером их взаимодействия. В зависимости от степени осознания и направленности воли, вина подразделяется на формы. Действующее уголовное право предусматривает умышленную форму вины, состоящую из прямого и косвенного умысла, а также форму неосторожности, к которой относятся легкомыслие и небрежность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 N 1-ФКЗ) // «Российская газета» от 04.07.2020, № 144;
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026); первоначальный текст документа опубликован в изданиях: «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954; «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996;
3. Бавсун, М. В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учебник для вузов / М. В. Бавсун, С. В. Векленко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 143 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18049-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт];
4. Иванов С. А. Осознание как ключевой элемент вины в уголовном праве России. Москва: Норма, 2023. — С. 25–33;
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А. В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп.). — М.: «Проспект», 2021. — 1137 с.;
6. Ширяев А. Ю. Об онтологическом статусе некоторых уголовно-правовых понятий. Опыт деконструкции умышленной вины. Российское право: образование, практика, наука, по. 2 (110), 2019. — С. 36–42;
7. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение / В. А. Якушин. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 126 с.

Изменения советского законодательства в годы Великой Отечественной войны: чрезвычайная модель правового регулирования

Коваль Михаил Владимирович, студент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются основные направления изменения советского законодательства в годы Великой Отечественной войны. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях военной угрозы право стало одним из ключевых инструментов мобилизации государства, экономики и общества. Анализируются введение военного положения, создание Государственного Комитета Оборона, расширение компетенции военных трибуналов, усиление уголовной ответственности, трудовая мобилизация, а также изменения в гражданском, семейном и наследственном регулировании.

Цель статьи состоит в выявлении правовой логики чрезвычайных преобразований и их последствий для статуса личности и отраслевой структуры советского права. Делается вывод, что законодательство 1941–1945 гг. сформировало особую чрезвычайно-мобилизационную модель, в которой эффективность управления достигалась за счет концентрации власти, ограничения правовых гарантий и приоритета публичного интереса над индивидуальными правами.

Ключевые слова: советское законодательство, Великая Отечественная война, военное положение, Государственный Комитет Обороны, военные трибуналы, трудовая мобилизация, уголовная ответственность, семейное право, чрезвычайное право, правовой статус личности.

Transformation of soviet legislation during the Great Patriotic war: an emergency model of legal regulation

The article examines the main directions of changes in Soviet legislation during the Great Patriotic War. The relevance of the topic is determined by the fact that in wartime law became one of the principal instruments for mobilizing the state, economy and society. The article analyzes the introduction of martial law, the establishment of the State Defense Committee, the expansion of military tribunals, the tightening of criminal liability, labor mobilization, and changes in civil, family and inheritance regulation. The purpose of the article is to identify the legal logic of emergency transformations and their consequences for the legal status of individuals and the structure of Soviet law. The author concludes that the legislation of 1941–1945 formed a special emergency mobilization model in which administrative efficiency was achieved through the concentration of power, limitation of legal guarantees and priority of public interest over individual rights.

Keywords: Soviet legislation, Great Patriotic war, martial law, State Defense Committee, military tribunals, labor mobilization, criminal liability, family law, emergency law, legal status of the individual.

Великая Отечественная война стала для советской правовой системы не только военным, но и институциональным испытанием. Довоенные юридические механизмы, рассчитанные на плановое функционирование государства, в июне 1941 г. были дополнены чрезвычайными решениями, направленными на оперативное управление армией, промышленностью, трудовыми ресурсами и общественным порядком. Поэтому изменения законодательства данного периода следует рассматривать не как набор разрозненных указов, а как целостную мобилизационную перестройку права.

Исходной конституционной базой оставалась Конституция СССР 1936 г., закреплявшая права граждан и полномочия высших органов власти. В то же время она предусматривала возможность объявления военного положения в интересах обороны и государственной безопасности [1]. Уже 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» был введен особый режим в ряде территорий, а военным властям предоставлялись полномочия по охране общественного порядка, регулированию передвижения, привлечению граждан к трудовой повинности и применению мер, необходимых для обороны [2]. Тем самым начался переход от обычного конституционного управления к чрезвычайной форме правового регулирования.

Ключевым звеном этой формы стало образование 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны. В постановлении об образовании ГКО указывалось, что в его руках сосредоточивается вся полнота власти в государстве, а все граждане и органы обязаны беспрекословно выполнять его решения [3]. Юридическая особенность ГКО заключалась в том, что этот орган не вписывался

в обычную систему разделения полномочий между Верховным Советом, Совнаркомом и наркоматами. В условиях войны это обеспечивало скорость принятия решений, но одновременно вело к фактическому ограничению конституционных процедур и усилению персонализированного централизованного управления.

Чрезвычайная модель проявилась и в судебно-правовой сфере. В тот же день, 22 июня 1941 г., было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий [4]. Военные трибуналы получили расширенную компетенцию по делам, связанным с обороной, безопасностью и общественным порядком. Их деятельность строилась на ускоренном рассмотрении дел и особом порядке пересмотра приговоров. В результате судебная система в значительной части была подчинена задаче оперативного пресечения деяний, которые государство оценивало как угрозу фронту и тылу.

Ограничение конституционных прав граждан стало одним из наиболее существенных последствий военного законодательства. Свобода слова и обмена информацией были сужены Указом от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», устанавливавшим наказание по приговору военного трибунала в виде тюремного заключения от двух до пяти лет [5]. Введение военной цензуры, контроль переписки и расширение полномочий силовых органов усиливали режим государственной безопасности. Эти меры объяснялись военной необходимостью, однако с правовой точки зрения они означали приоритет охраны государства над гарантией индивидуальных свобод.

Особенно показательной была трансформация трудового законодательства. Уже 26 июня 1941 г. был принят Указ о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время. Он предоставлял директорам предприятий право устанавливать обязательные сверхурочные работы от одного до трех часов в день и отменял очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией [6]. В трудовом праве произошел переход от договорной логики к административно-мобилизационной: труд стал рассматриваться не только как право или обязанность гражданина, но и как элемент обороноспособности государства.

Дальнейшее развитие этой линии выразилось в закреплении работников за предприятиями военной промышленности. Указ от 26 декабря 1941 г. был направлен на ликвидацию самовольных уходов рабочих и служащих с военных заводов и усиливал ответственность за такие действия [7]. В феврале 1942 г. последовала мобилизация трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве. Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работавших в государственных учреждениях и предприятиях; уклонение влекло уголовную ответственность [8]. Эти акты показывают, что трудовое право военного времени фактически сблизилось с административным и уголовным правом.

Уголовное законодательство также приобрело мобилизационный характер. Его задача состояла не только в наказании уже совершенных преступлений, но и в предупреждении поведения, способного дезорганизовать фронт, производство или общественный порядок. Поэтому усиливалась ответственность за распространение тревожных слухов, нарушения трудовой дисциплины, уклонение от мобилизации, преступления против военной службы и государственной безопасности. Расширение подсудности военных трибуналов означало, что обычные гарантии уголовного процесса уступали место ускоренной юстиции, ориентированной на немедленный результат.

В гражданско-правовой сфере изменения были менее заметны внешне, но не менее значимы по содержанию. Массовая эвакуация, оккупация территорий, перемещение предприятий и утрата имущества требовали особого регулирования имущественных, жилищных и обязательственных отношений. Договорные связи в ряде случаев заменялись плановыми заданиями, а хозяйственный оборот все больше подчинялся административному распределению. Государство сохраняло базовые гражданско-правовые конструкции, но использовало их в пределах военной экономики, где приоритет принадлежал снабжению фронта и восстановлению производства.

Финансовое законодательство также было встроено в общую мобилизационную систему. Указом от 29 декабря 1941 г. был введен военный налог, к которому привлекались граждане СССР, достигшие 18 лет [9]. Наряду с государственными займами, карточной системой и регулированием снабжения этот налог выполнял функцию перераспределения ресурсов в пользу обороны. Поэтому

финансовые меры военного времени следует рассматривать не отдельно, а как часть единого правового механизма концентрации материальных средств.

Семейное и наследственное законодательство изменялось под влиянием демографических и социальных последствий войны. Указ от 8 сентября 1943 г. регулировал вопросы усыновления [10], а Указ от 8 июля 1944 г. усиливал государственную помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, вводил почетное звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства» [11]. Эти акты решали одновременно социальную и государственную задачи: поддержать семьи, воспитывающие детей, и компенсировать тяжелые демографические потери военного периода. Наследственное право было скорректировано Указом от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», что отражало необходимость урегулировать имущественные последствия массовой гибели и пропажи без вести граждан [12].

Отраслевые изменения советского права имели общий признак: они усиливали публично-правовое начало. Конституционное право трансформировалось через военное положение и чрезвычайные органы; трудовое право — через мобилизацию и закрепление работников; уголовное и процессуальное право — через расширение компетенции военных трибуналов и ускорение рассмотрения дел; гражданское право — через подчинение хозяйственных связей планово-распределительным задачам; семейное право — через государственную поддержку материнства и детства. В совокупности это позволяло государству управлять обществом как мобилизационным ресурсом.

Оценка этих преобразований требует баланса. С одной стороны, чрезвычайные меры способствовали концентрации ресурсов, эвакуации промышленности, поддержанию дисциплины и функционированию тыла. С другой стороны, высокая управленческая эффективность достигалась путем резкого сокращения гарантий личности, расширения принудительных механизмов и ограничения обычных судебных процедур. Следовательно, правовая система военного времени демонстрирует противоречие между необходимостью защиты государства и риском чрезмерного ограничения прав граждан.

Завершение войны не означало мгновенного возвращения к довоенной правовой модели. Только 4 сентября 1945 г. был принят Указ «Об упразднении Государственного Комитета Обороны», в котором прекращение его деятельности связывалось с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране [13]. Однако многие институты военного времени, включая усиленный контроль над трудовыми ресурсами и распределением материальных благ, сохраняли влияние в первые послевоенные годы. Это показывает, что чрезвычайное законодательство обладает инерцией и не исчезает автоматически после устранения первоначальной угрозы.

Таким образом, советское законодательство 1941–1945 гг. можно определить как чрезвычайно-мобилизационную модель правового регулирования. Ее содержание

заклучалось в концентрации власти, административном перераспределении ресурсов, уголовно-правовом обеспечении дисциплины и ограничении ряда конституционных гарантий. Историко-правовое значение этой модели состоит в том, что она позволила обеспечить управляемость государства в экстремальных условиях, но одновременно

создала правовые последствия, связанные с ослаблением процессуальных гарантий и приоритетом государственной целесообразности. Изучение данного опыта важно не только для истории советского права, но и для понимания пределов допустимого ограничения прав в условиях чрезвычайной ситуации.

Литература:

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Исторический факультет МГУ. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 25.05.2026).
2. О военном положении: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 8/160 от 22.06.1941 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/1348698> (дата обращения: 25.05.2026).
3. Об образовании Государственного Комитета Оборон: Постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131032-ob-obrazovanii-gosudarstvennogo-komiteta-oborony-postanovlenie-ot-30-iyunya-1941-g> (дата обращения: 25.05.2026).
4. Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 9/160 от 22.06.1941 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/1348700> (дата обращения: 25.05.2026).
5. Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 15/160 от 06.07.1941 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/1348756> (дата обращения: 25.05.2026).
6. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/176134-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-rezhime-rabochego-vremeni-rabochih-i-sluzhaschih-v-voennoe-vremya-26-iyunya-1941-g> (дата обращения: 25.05.2026).
7. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131191-ob-otvetstvennosti-rabochih-i-sluzhaschih-predpriyatij-voennoy-promyshlennosti-za-samovolnyy-uhod-s-predpriyatij-ukaz-ot-26-dekabrya-1941-g> (дата обращения: 25.05.2026).
8. О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/1 от 13.02.1942 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246570-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-13-fevralya-1942-g-o-mobilizatsii-na-period-voennogo-vremeni-trudosposobnogo-gorodskogo-naseleniya-dlya-raboty-na-proizvodstve-i-stroitelstve> (дата обращения: 25.05.2026).
9. О военном налоге: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.12.1941 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/311443-o-voennom-naloge-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ot-29-dekabrya-1941-g> (дата обращения: 25.05.2026).
10. Об усыновлении: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.1943 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199944-ob-usynovlenii-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ot-8-sentyabrya-1943-goda> (дата обращения: 25.05.2026).
11. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131179-ob-uvlichenii-gosudarstvennoy-pomoschi-beremennym-zhenschinam-mnogodetnym-i-odinokim-materyam-usilenii-ohrany-materinstva-i-detstva-ob-ustanovlenii-pochetnogo-zvaniya-mat-geroinya-i-uchrezhdenii-ordena-materinskaya-slava-i-medali-medal-materinstva> (дата обращения: 25.05.2026).
12. О наследниках по закону и по завещанию: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1945 // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_14.03.1945_о_наследниках_по_закону_и_по_завещанию (дата обращения: 25.05.2026).
13. Об упразднении Государственного Комитета Оборон: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.09.1945 // Исторические материалы. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/380784-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-locale-nil-ob-uprazhdenii-gosudarstvennogo-komiteta-oborony-locale-nil-4-sentyabrya-1945-g> (дата обращения: 25.05.2026).

14. Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права. 2010. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-pravo-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 25.05.2026).
15. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2. Уголовное право / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М.: Юридическое издательство, 1948 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/1054528> (дата обращения: 25.05.2026).

Проблемы определения понятия убийств прошлых лет в криминалистической науке

Королева Валентина Юрьевна, аспирант

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Данная статья посвящена изучению термина «убийства прошлых лет» и соотношению его с термином «преступление прошлых лет». Установлено, что в настоящее время одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации является расследование и раскрытие преступлений прошлых лет. Однако в науке до сих пор возникают споры относительно эпистемологической основы данного понятия, а также его определения. Можно ли преступление прошлых лет рассматривать как нераскрытые преступления или эта категория входит в него. В данной статье предпринята попытка дать определение понятию «преступление прошлых лет» и определить его основные характеристики. Вместе с тем, попытка дать дефиницию указанного термина происходит через анализ имеющихся определений в нормативно-правовых актах, а также мнений различных ученых.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, убийства прошлых лет, нераскрытые убийства, привилегированные убийства, квалифицированные убийства, преступления против личности.

Problems of defining the concept of past homicides in forensic science

This article is dedicated to the study of the term «cold cases» and its correlation with the term «past crimes». It has been established that one of the current priorities of the Investigative Committee of the Russian Federation is the investigation and resolution of past crimes. However, debates persist within the academic community regarding the epistemological basis of this concept, as well as its definition. Can past crimes be considered as unresolved offenses, or does this category encompass them? This article attempts to provide a definition for the concept of «past crimes» and to delineate its primary characteristics. Furthermore, the attempt to define this term is conducted through an analysis of existing definitions in regulatory legal acts, as well as the opinions of various scholars.

Keywords: past crimes, historical murders, unresolved homicides, privileged homicides, aggravated murders, crimes against the person.

В Конституции Российской Федерации закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», «каждый имеет право на жизнь». Это неотъемлемые права, которые даются каждому от рождения, государство гарантирует и защищает их посредством применения принудительных мер в отношении лиц, которые нарушают данные положения. Соответственно за лишение жизни человека, независимо от того умысла, с которым оно совершается, предусмотрена уголовная ответственность.

Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет, в частности убийств, является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации, об этом в своих выступлениях постоянно отмечает Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин. В настоящее время деятельность всех правоохранительных органов направлена на повышение эффективности мер в целях раскрытия и расследования указанной категории преступлений.

Согласно статистическим данным в январе — ноябре 2024 года зарегистрировано 6,4 тыс. убийств, что ниже на 7,1 % уровня сопоставимого периода 2023 года [10]. Следует отметить, что этот показатель стал самым низким за последние 10 лет. Например в 2014 году за 11 месяцев было зарегистрировано 10 941 убийство. Количество таких преступлений, тем самым за последние 10 постепенно снижалось. За аналогичный период 2015 года их было 10 603, 2017 год — 9 060, 2019 год — 7 414, 2021–6 802, 2023 год — 6,9.

Отдельное внимание стоит уделить статистическим данным, относительно раскрытию преступлений прошлых лет. Из официального выступления Председателя СК России Бастрыкина А. И. следует, что в 2024 году следователями и криминалистами ведомства было раскрыто более 4,1 тысячи преступлений прошлых лет, из которых 90 % составляют убийства.

Термин «преступление прошлых лет» существует лишь в криминалистической науке, и в настоящее время

является предметом рассмотрения и дискуссий многих ученых. Определение термина «преступления прошлых лет» дается в тексте приказа № 65 от 31.07.2014 Следственного комитета Российской Федерации «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» [5]. В вышеуказанном приказе определено, что к преступлениям прошлых лет относятся преступления, совершенные в предыдущие годы, предварительное следствие по которым приостановлено в соответствии с п. п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть: 1) если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; 2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место нахождения не установлено по иным причинам; 3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его в уголовном деле отсутствует.

Проблема определения термина «преступление прошлых лет» также является предметом исследования многих ученых криминалистов. Например, Л. Я. Драпкин в своих учебниках говорит о том, что к числу преступлений прошлых лет относятся: а) преступления, предварительное следствие по которым приостановлено по тем или иным основаниям; б) преступления, выявленные длительное время спустя после их совершения; в) преступления, совершавшиеся длительное время (серийные преступления) [8, с. 391]. При этом, Драпкин Л. Я. говорит о том, что в указанный перечень не следует включать «латентные» преступления, которые не зарегистрированы в течение длительного времени.

В криминалистической науке никем не описано определение временных рамок, которые позволяют считать преступление совершенным в прошлые годы. В связи с этим непонятно, сколько времени должно пройти после совершения преступлений, чтобы они считались преступлениями прошлых лет. В практике встречаются случаи, когда уголовные дела приостанавливаются по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть в связи с розыском подозреваемого или обвиняемого, и возобновляются спустя месяц или два, и не подпадают под определение «преступлений прошлых лет».

При этом, следует также отметить, что в категорию преступлений прошлых лет справедливо относят нераскрытые преступления.

К нераскрытым преступлениям относят дела, предварительное следствие было приостановлено до начала текущего года за неустановлением лица, которое должно быть привлечено к ответственности в качестве обвиняемого. Также в число нераскрытых включаются также преступления, производство по уголовным делам о которых впервые приостановлено в текущем отчетном периоде, независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления. При этом, уголовные дела, возбужденные до начала отчетного периода и не приостановленные в то же время по срокам следствия, относятся к категории прошлых лет не будут.

Определение о том, что под преступления прошлых лет подпадают преступления, предварительное следствие по

которым приостановлено в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства сомнений не вызывают. Основной массив всех преступлений прошлых лет составляют уголовные дела, приостановленные по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Если в ходе возобновленного предварительного следствия по уголовным делам 10-ти летней давности и более остаются предметы, изъятые в ходе следствия, по которым возможно проведение судебных экспертиз, то процент раскрытия указанных дел увеличивается. Однако в эту категорию уголовных дел также попадают те дела, по которым задерживались лица, в некоторых случаях в отношении последних также избиралась мера пресечения, однако при изменении меры пресечения лицо отпускалось и в отношении него прекращалось уголовное преследование. При этом, в большинстве случаев не анализировались причины изменения показаний, и не оценивались другие доказательства, которые были в уголовном деле. При возобновлении указанных дел в настоящее время, большинство подлежит прекращению предварительного следствия в связи с истечением сроков давности. Однако, при несогласии лица, привлекаемого к уголовной ответственности с предъявленным ему обвинением, он может написать заявление, и уголовное дело будет направлено в суд, где лицо будет осуждено, но освобождено от уголовного наказания.

В данном случае мы рассмотрели категорию убийств прошлых лет с точки зрения уголовно-процессуального закона, в то время как следует уделить внимание этой дефиниции с криминалистической точки зрения, так как они наиболее точно способствуют раскрытию преступления данной категории.

Ранее мы уже говорили о временном промежутке совершения убийства, как об определяющем признаке убийств прошлых лет. Рассматривая категорию «время» в проекции криминалистической науки, для определения убийств как убийств прошлых лет есть, на наш взгляд, ряд важных аспектов.

Одним из определяющих значение признаков является память потерпевших, очевидцев и свидетелей. К сожалению, память человека не способна долгое время хранить то, что имеет значение для уголовного дела, и некоторые детали забываются. Память — это способность мозга запоминать, хранить и вспоминать информацию. Этапы запоминания можно разделить на несколько: 1. Восприятие (когда мы с помощью органов чувств воспринимаем информацию, то или иное событие, которое откладывается у нас в памяти); 2. Кодирование (Информация запоминается в определенном формате, свойственном только каждому отдельному человеку, на данном этапе запоминаются все детали произошедшего события); 3. Кратковременная память — 20–30 минут; 4. Долговременная память; 5. Воспоминание; 6. Забывание. На забывание событий могут влиять как физиологические причины, психологические причины, интерференция (вытеснение старого материала новым) и социально-культурные аспекты.

Во второй половине XIX века немецкий психолог-экспериментатор Герман Эббингауз занимался изучением человеческой памяти. В процессе своих исследований он построил кривую забывания, названную в его честь — «Кривая Эббингауза». Г. Эббингауз установил, что уже через час наш мозг забывает 60 % информации, а уже через месяц человек помнит всего лишь 20 % полученной информации. Таким образом, детали произошедшего наш мозг забывает через 1–1,5 после произошедшего, что может отразиться на обнаружении и расследовании преступлений прошлых лет. Таким образом, с учетом данных исследований, мы можем сказать, что для человеческого мозга события становятся прошлыми по прошествии 1,5 месяца со дня их совершения.

В настоящее время в Главном управлении криминалистики СК России работают психологи, которые оказывают помощь при активизации памяти у потерпевших и свидетелей. В настоящее время в штате ГУК СК России работает 6 специалистов, из которых один оказывает помощь по психологическому сопровождению несовершеннолетних, четверо — помогают следователям в активизации памяти свидетелей и потерпевших, один — специалист-художник [11].

Еще одним немаловажным признаком определения убийства как убийства прошлых лет с криминалистической точки зрения является процесс разложения или гниения трупа, в случае, когда труп найден гораздо позже, чем совершено преступление. Известно, что по свежесовершенным убийствам поймать преступника гораздо более вероятно, чем когда обнаружен труп с трупными изменениями.

Говоря о криминалистическом значении убийств прошлых лет, к раскрытию данного понятия больше подходит раскрытие поздних изменений трупа, когда практически невозможно понять, сколько времени прошло с момента наступления смерти.

К поздним изменением трупа относятся такие, которые резко меняют внешний вид, органы и ткани. К таким изменениям относят гниение и мумификацию.

Таким образом, исходя из криминалистической теории, к убийствам прошлых лет стоит отнести те, ко-

торые совершены около полутора месяцев назад. Согласно статистике, такое убийство не будет считаться как убийство прошлых лет, но с криминалистической точки зрения, на наш взгляд, к изучению этой категории убийств стоит подходить именно так. В данном случае криминалистическое определение более широкое, и включает в себя весь спектр определений убийств прошлых лет как с уголовно-процессуальной точки зрения, так и с криминалистической.

Таким образом, в данной статье нами было рассмотрено понятие и сущность такого явления, как убийство прошлых лет. Данная категория является предметом тщательного изучения криминалистической науки. Точного определения категории убийств прошлых лет не имеется, это собирательная категория. Кроме того, в настоящее время это является приоритетным направлением работы всех правоохранительных органов. Мы сравнили различные подходы к определению данной категории убийств. Исходя из положений уголовно-процессуальной науки, нами дано следующее определение убийств прошлых лет — убийства, то есть умышленные причинения смерти другому человеку, по которым: 1) предварительное следствие было приостановлено в соответствии с п. п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ; 2) серии убийств. Говоря о криминалистической науке, к убийствам прошлых лет стоит относить убийства, которые совершены до момента обнаружения и расследования которых затруднено получение вербально и невербальной уголовно-релевантной информации. Говоря об убийствах прошлых лет, необходимо особое внимание уделять промежутку времени, который прошел с момента приостановления предварительного следствия по уголовному делу, и его возобновлении. Это и есть основная характеристика, по которой убийство относят к категории преступлений прошлых лет. Криминалистическая характеристика убийств является неотъемлемой частью расследования и раскрытия убийств прошлых лет. С помощью криминалистической характеристики указанной категории преступлений следователи могут воссоздать обстановку и условия совершения убийств, построить версии, что играет ключевую роль в их раскрытии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изм. от 03.03.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
5. Приказ СК России от 31.07.2014 N 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
6. Антонян Ю. М. Криминология. М.: Юрайт, 2013, с. 121;
7. Багмет А. М. Расследование преступлений прошлых лет: методические рекомендации/ МА СК РФ, 2017–45 с.

8. Драпкин Л. Я. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 391 с.
9. Лавров В. П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет / под ред. Б. Я. Гаврилова, Москва, 2013
10. <https://tass.ru/obschestvo/22821551?ysclid=m98i63bgad916228031>
11. <https://sledcom.ru/press/smi/item/950110/?print=1>

Проблемы квалификации истязания и пути совершенствования законодательства

Кружалова Мария Даниловна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Истязание как уголовно наказуемое деяние занимает особое место в системе российского уголовного законодательства, являясь проявлением серьезных нарушений прав и свобод человека. Этот состав преступления предполагает не только нанесение физической или психологической боли, но и нарушение личностных границ и человеческого достоинства. Однако в практике правоохранительных органов и судебных решениях возникают сложности с точной квалификацией истязаний, что обусловлено рядом правовых, судебных и криминологических аспектов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правовой базы и судебной практики для обеспечения более точной и справедливой квалификации подобных преступлений. В ходе работы планируется проанализировать существующие подходы к квалификации истязаний, выявить проблемные зоны и предложить рекомендации, направленные на их решение.

Основная часть

Статья 117 Уголовного Кодекса РФ гласит, что истязание — это причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ. [1] Одним из обязательных признаков данного преступления является систематичность производимых действий (физическое или психическое насилие). И уже на этом этапе квалификации возникает проблема определения критериев систематичности. Данное понятие упоминается в ранее действовавшем Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 года № 4 (в ред. от 25 октября 1996 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР», согласно п. 14 которого «истязание состоит в умышленном систематическом (более двух раз) нанесении потерпевшему побоев либо совершении иных насильственных действий, характер которых свидетельствует об умысле лица на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий». [2] Такая трактовка термина систематичность по смыслу

количественного его критерия поддерживается и на практике, но тем не менее, четкого определения, закрепленного, в ныне действующих нормативных актах нет, поэтому суд, при рассмотрении данного критерия при квалификации преступления как истязания руководствуется совокупностью, полученных данных. Немаловажным условием систематичности является умысел. Необходимо, чтобы противоправные действия должны быть объединены единой линией поведения виновного, единым умыслом и целью причинить физические или психические страдания потерпевшему. Действительно, «систематичность» в контексте физического насилия должна быть разъяснена как повторяющиеся акты насилия, включающие как единичные эпизоды (удар, толчок, пинок), так и множественные. Промежуток времени между отдельными эпизодами избиения может выступать одним из критериев, позволяющих в конкретных ситуациях различать простое систематическое нанесение побоев и систематическое избиение, квалифицируемое как истязание. Как правило, для истязания характерен небольшой промежуток во времени (день, неделя) между эпизодами избиения, когда у потерпевшего еще свежи болевые ощущения, не зажили следы побоев. [3] Важно подчеркнуть, что систематичность относится исключительно к физическому насилию, в то время как «иные насильственные действия» могут быть единичными, но достаточно серьезными, чтобы подпадать под статью 117 УК РФ.

Для ясности понимания проблем квалификации приведем пример из судебной практики. «...органом предварительного расследования Баран обвинялся в причинении физических и психических страданий И. путем систематического нанесения побоев, около 15 часов, ..., а также около 5 часов 30 минут, и в эту же день в 6 часов 30 минут... Действия Барана по причинению телесных повреждений И. квалифицированы по ч. 1 ст. 117 УК РФ... Анализируя совокупность доказательств по уголовному делу, суд приходит к выводу, что они не свидетельствуют о виновности Барана в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ, а состав преступления в его действиях отсутствует. Из показаний И., самого Барана, следует, что между ними имела место продолжаемая

ссора, телесные повреждения были причинены подсудимым потерпевшей с одним умыслом, конфликт между ними в этот день не прекращался, пока Баран не покинул жилище И. ...промежуток времени между побоями был короткий, ссора между ней и подсудимым не заканчивалась. Таким образом, суд не находит признака систематичности нанесения побоев Бараном И»... [4] Представляется, что в данном случае между систематичностью побоев как признаком истязания (ст. 117 УК РФ) и неоднократностью побоев (ст. 116 УК РФ) имеется тонкая грань, которая устанавливается посредством установления множества нюансов — не только объективных, но и субъективных, так как необходимо установить единый умысел на причинение особых физических и психических страданий в совокупности с их систематичностью.

Понятие «иные насильственные действия» также создает некоторые проблемы в квалификации. Данный термин включает в себя физическое воздействие на организм потерпевшего, которое причиняет физическую боль, но не влечёт последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса РФ (кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности). К таким действиям можно отнести: дергание и вырывание волос; щипание и сдавливание частей тела; удушение; принуждение к позам или положениям тела и др. [5] Данный перечень не закреплён в законе, что создаёт также не мало трудностей на практике.

Так в Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 ноября 2019 г. показан пример, рассматриваемой объективной стороны данного состава: «Из оглашенных в судебном заседании показаний несовершеннолетней потерпевшей В. ...следует, что...Ф. наносил в ее присутствии сестре — Г. удары руками, прыгал на ней за то, что она пожаловалась их матери — В. Через некоторое время Ф. снова продолжил избивать М. начал прыгать на ней ногами, после чего стал душить ее, в результате чего она потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела, что М. была вся в синяках, не могла двигаться. Через некоторое время Ф. снова бил М. От его ударов и прыжков у М. выпало два зуба, изо рта шла кровь... Ф. неоднократно избивал их с сестрой за время совместного проживания...Согласно заключению комиссии экспертов ...В. до совершения в отношении нее противоправных действий каким-либо психическим расстройством не страдала. После произошедших событий (убийство на ее глазах младшей сестры, причинения ей побоев и др.) у нее развилось временное психическое расстройство, не влияющее на способность правильно воспринимать произошедшие события и давать о них показания...Нанося в течение продолжительного времени множественные удары малолетней Г. на глазах родной сестры, Ким понимал, что причиняет В. особые мучения и страдания». [6] Этот случай является наглядным примером наличия всех признаков состава преступления, в том числе и присутствие действий, который суд мог отнести к иным насильственным действиям.

Здесь же обратить внимание на такой критерий, как причинение психических страданий путём систематического нанесения побоев. Необходимо понимать, что выявление и доказательство того, что к потерпевшему было применено психическое насилие зачастую вызывает проблемы в судебной практике, но является одним из важнейших критериев квалификации истязания, так как умысел данного деяния направлен именно на причинение моральных страданий жертве путем физического насилия, что подтверждается приведенным выше примером из практики. Также доказательство выдвинутой теории находит своё выражение в научной литературе.

Так, заслуженный ученый Григорий Иванович Чечель считал, что: «При нанесении ударов, побоев, причинении легких телесных повреждений, а также при совершении иных насильственных действий над личностью причиняется физическая боль, вследствие чего травмируется психика потерпевшего и болевые ощущения сохраняются в памяти гораздо дольше, чем исчезают на теле следы побоев». [7] Кроме того, профессор выделяют немаловажную практическую проблему, когда сотрудники правоохранительных органов зачастую под истязанием понимают только такое физическое насилие, которое в обязательном порядке влечет за собой причинение вреда здоровью, при этом причинение жертве путем физического насилия боли и страданий, не повлекших за собой причинение вреда здоровью, к истязанию не относят. Однако, по мнению ученого, нанесение побоев, перерастающее в систематическое, даже в том случае, если каждый раз действия виновного не влекут за собой причинения вреда здоровью, но, если таковые причиняют жертве систематические психические и физические мучения и страдания, они должны влечь за собой уголовную ответственность за истязание. Далее Г. И. Чечель обращает внимание на тот факт, что в ходе нанесения ударов потерпевшему каждый раз причиняются психические страдания в силу чувства незащитности перед тираном, а также причиняется всякий раз существенная физическая боль вследствие нанесения ударов.

Для снижения ошибок при квалификации преступления как истязание считаю предлагаю следующие пути решения вышерассмотренных проблем:

1) Внести правки в Уголовный Кодекс РФ по средствам размещения примечания к статье 117 УК РФ в следующем формате: «Примечание. Для целей настоящей статьи под систематичностью понимается совершение двух и более актов насилия (побоев или иных насильственных действий), которые: совершены одним и тем же лицом в отношении одного и того же потерпевшего; объединены единым умыслом виновного, направленным на причинение физических или психических страданий потерпевшему; имеют внутреннюю связь, выражающуюся в общей линии поведения виновного; тождественны или схожи по характеру (способ совершения, интенсивность, направленность на причинение страданий)».

2) Необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда по спорным терминологическим и практическим во-

просам, закрепление в законодательстве тем самым четко установленных понятий.

3) Предлагаю ввести в действие диспозицию ч.1 ст.117 УК РФ в следующей редакции: «УК РФ Статья 117. Истязание 1. Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса, либо создание условий, направленных на причинение физической боли или психических страданий, совершенное с целью подавления воли, унижения человеческого достоинства или причинения морального вреда личности».

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 N 4 (ред. от 25.10.1996) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7603/
3. Шкляев Г. П., Николаенко Н. С., Кочоян Н. А. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 117 УК РФ // Human Progress. 2024. Том 10, Вып. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-predusmotrennyh-st-117-uk-rf/viewer>
4. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 6 ноября 2018 г. по Делу № 1–435/2018 / Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://actofact.ru/case-45RS0026-1-435-2018-2018-03-01-2-0/>
5. Оздоева Т. Б. Содержание понятий «побои» и «иные насильственные действия» в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ // Полицейская деятельность. 2025. № 5
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 ноября 2019 г. по Делу № 44-АПУ19-17 / Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://legalacts.ru/sud/apellatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19112019-n-44-apu19-17/>
7. Чечель, Г. И. Спорные вопросы понятия «иные действия, носящие характер истязания» // Правовые проблемы борьбы с преступностью, Томск, 1990 г. С. 118

В действующей редакции отсутствует четкая фиксация субъективной стороны преступления. Введение формулировки «с целью подавления воли, унижения достоинства или причинения морального вреда» позволяет: отличить истязание от иных преступлений против личности; установить прямой умысел преступника на деструкцию личности потерпевшего; исключить возможности произвольного толкования деяния, сужая рамки квалификации до конкретных корыстных или садистических побуждений.

Предложенные правки и пути решения направлены на системное исправление ключевых проблем правоприменительной практики, связанных с квалификацией истязания.

Особенности продажи заложенного имущества в процедуре банкротства

Леонович Валерия Александровна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье исследуется специальный правовой режим отчуждения имущества, обремененного залогом, в рамках дел о банкротстве юридических и физических лиц. Подробно анализируются исключительные полномочия залогового кредитора по определению порядка и условий продажи, императивный механизм распределения выручки, особенности проведения торгов и передачи предмета залога кредитору. Рассматриваются проблемы, возникающие в правоприменительной практике, включая манипулирование начальной ценой и аффилированность участников. Обосновывается необходимость дальнейшей балансировки интересов залогодержателя и независимых кредиторов.

Введение

Институт залога выполняет в гражданском обороте обеспечительную функцию, предоставляя кредитору приоритетное право на удовлетворение требований из стоимости определенного актива. В условиях обычной хозяй-

ственной деятельности реализация этого права происходит путем обращения взыскания по решению суда либо во внесудебном порядке. Однако возбуждение процедуры банкротства должника принципиально меняет ситуацию: индивидуальное притязание залогодержателя поглощается коллективным производством, нацеленным на сораз-

мерное удовлетворение требований всех кредиторов. В результате формируется особый правовой режим, сочетающий привилегии залогового кредитора с ограничениями, установленными законодательством о несостоятельности.

Актуальность темы обусловлена высокой распространенностью залоговых правоотношений в экономике и, как следствие, значительным количеством споров, связанных с продажей заложенного имущества в банкротстве. Нормы статьи 138 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) и статьи 213.26 того же закона для граждан создают специальное регулирование, которое на практике порождает множество коллизий. Целью настоящей статьи является комплексный анализ особенностей отчуждения залогового имущества, выявление проблемных аспектов и предложение путей их преодоления.

Первая и наиболее существенная особенность заключается в том, что ключевые параметры продажи определяет залоговый кредитор. В соответствии с пунктом 4 статьи 138 Закона о банкротстве именно он утверждает начальную продажную цену, порядок и условия проведения торгов. Этим положение залогодержателя кардинально отличается от статуса обычных конкурсных кредиторов, которые лишены такой индивидуальной власти и вынуждены принимать коллективные решения на собраниях. Законодатель сознательно наделил обеспеченного кредитора правом контроля, чтобы минимизировать риск реализации актива по заниженной стоимости в ущерб его интересам. Вместе с тем данная prerogative не является абсолютной: арбитражный управляющий, а также иные кредиторы могут обратиться в суд с заявлением о разрешении разногласий по вопросам порядка и условий продажи. Суд в таком случае оценивает предложенные условия на предмет их разумности, экономической обоснованности и соответствия целям конкурсного производства.

Вторая особенность касается распределения денежных средств, вырученных от реализации предмета залога. Закон устанавливает жесткие пропорции, которые зависят от вида обязательства, обеспеченного залогом. По общему правилу на погашение требования залогового кредитора направляется не менее семидесяти процентов выручки. Если же залогом обеспечивалось обязательство по кредитному договору, доля залогодержателя возрастает до восьмидесяти процентов. Оставшиеся средства распределяются следующим образом: десять процентов (или пять процентов при кредитном залоге) направляются на погашение требований кредиторов первой и второй очереди (если иного имущества должника недостаточно), а оставшаяся часть — на судебные расходы, вознаграждение арбитражного управляющего и оплату услуг привлеченных специалистов. Такой порядок преследует двойную цель: сохранить экономический смысл залогового обеспечения и одновременно гарантировать финансирование самой процедуры банкротства, не допуская ситуации, когда дорогостоящая реализация залога становится убыточной для конкурсной массы.

Третья особенность проявляется в специфике проведения торгов. Продажа залогового имущества осуществляется исключительно в форме открытых торгов в электронной форме. Закон предусматривает несколько этапов: первые торги проводятся на повышение, и если они признаются несостоявшимися, назначаются повторные торги с начальной ценой, сниженной на десять процентов. В случае, когда и повторные торги не приводят к реализации, залоговый кредитор получает право оставить предмет залога за собой с оценкой на десять процентов ниже начальной цены, установленной для повторных торгов. Этот механизм, с одной стороны, дает залогодержателю возможность конвертировать свое денежное требование в натуральную форму, а с другой — таит в себе риск злоупотреблений. Кредитор, изначально установивший завышенную начальную цену, может рассчитывать на отсутствие сторонних покупателей и последующее получение имущества по существенно заниженной стоимости.

Если кредитор не реализует право оставления, имущество выставляется на продажу посредством публичного предложения, где цена поэтапно снижается до минимальной границы, которая также определяется залоговым кредитором. На этом этапе риск реализации по рыночной цене становится особенно ощутимым, особенно в случаях, когда актив является узкоспециализированным и не имеет широкого спроса на рынке.

Четвертая особенность связана с банкротством граждан. Статья 213.26 Закона о банкротстве вводит дополнительную гарантию для должников-физических лиц: начальная продажная цена залогового имущества определяется судом на основании отчета независимого оценщика. Это правило направлено на защиту гражданина от произвольного занижения стоимости залоговым кредитором или финансовым управляющим, однако практика выявила его недостатки. С момента оценки до фактической продажи может пройти несколько месяцев, за которые рыночная конъюнктура способна измениться, и утвержденная цена перестает быть актуальной. Процедура переоценки сопряжена с дополнительными временными и финансовыми затратами, что снижает эффективность данного механизма.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об исполнительном иммунитете в отношении единственного жилья. По общему правилу, на единственное пригодное для проживания помещение не может быть обращено взыскание. Однако если это жилье является предметом ипотеки, иммунитет не действует, и квартира или дом подлежат продаже для погашения требований залогового кредитора. Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд неоднократно подтверждали данную позицию, указывая, что, вступая в ипотечные отношения, гражданин осознанно принимает на себя риск утраты жилья в случае неисполнения обязательств.

Практические проблемы реализации залогового имущества не исчерпываются разногласиями о цене. Серьезную опасность представляют злоупотребления, свя-

занные с аффилированностью участников торгов. Нередки случаи, когда залоговый кредитор через подконтрольных лиц участвует в торгах, чтобы приобрести актив по минимальной стоимости, особенно на этапе публичного предложения. Доказывание факта согласованности действий в таких ситуациях крайне затруднено, поскольку формально законодательство не запрещает кредитору участвовать в торгах. Судебная практика последних лет стремится противодействовать подобным схемам через применение общих положений о недействительности сделок, совершенных со злоупотреблением правом (статья 10 Гражданского кодекса РФ), однако эффективность таких мер остается невысокой.

Еще одной проблемой является коллизия интересов залогового кредитора и кредиторов первой и второй очереди. В ситуации, когда выручка от продажи залога невелика, доля, причитающаяся социально незащищенным кредиторам (например, работникам должника), может оказаться ничтожной. Закон не содержит механизма перераспределения средств в пользу таких кредиторов за счет доли залогодержателя, что порождает обоснованную критику в доктрине и требует дальнейшего законодательного совершенствования.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 9.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П по делу о проверке конституционности положений статьи 213.26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 19. — Ст. 3222.
5. Телюкина, М. В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства) / М. В. Телюкина. — М.: Дело, 2020. — 536 с.
6. Шиткина, И. С. Правовое регулирование залога в банкротстве: проблемы и перспективы / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. — 2022. — № 3. — С. 45–58.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что продажа залогового имущества в банкротстве представляет собой сложный правовой институт, в котором тесно переплетены частноправовые и публичные начала. Ключевыми особенностями выступают: доминирующая роль залогового кредитора при формировании условий продажи; императивное нормирование пропорций распределения выручки; многоступенчатая система торгов с возможностью оставления имущества за кредитором; а также специальные гарантии для граждан-должников в виде судебного контроля за начальной ценой.

Основные практические проблемы связаны с риском манипулирования ценой со стороны залогодержателя, сложностью выявления аффилированных схем на торгах, а также недостаточной защищенностью требований кредиторов первой и второй очереди. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути усиления прозрачности процедур, сокращения временного разрыва между оценкой и продажей, а также, возможно, введения механизмов перераспределения части выручки в пользу социально значимых категорий кредиторов.

О значении экономических знаний в профессиональной компетентности прокурорского работника

Любимов Михаил Григорьевич, студент

Научный руководитель: Шурпаев Шамиль Мурадович, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье определена роль экономических знаний для прокурорских работников в условиях роста экономической и коррупционной преступности. Определены компоненты экономической грамотности прокурора. Сделан вывод о важности усиления экономического компонента в подготовке будущих прокурорских работников.

Ключевые слова: экономические знания, экономическая грамотность, цифровизация экономики, прокурорский работник, прокурорский надзор, прокуратура, юридическое образование.

Экономическая составляющая в деятельности прокуратуры приобретает все большее значение. Это обусловлено устойчивым уровнем экономической и коррупционной преступности, ростом имущественного ущерба, усложнением финансовых схем и цифровизацией хозяйственного оборота.

Ущерб от преступлений экономической направленности в РФ за 2025-й год составил 266,2 млрд рублей, это максимум с 2023 года. Тяжкие и особо тяжкие преступления от общего числа выявленных преступлений экономической направленности составили 68,7 %. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 69,7 тыс. преступлений экономической направленности [1]. Об ухудшении ситуации свидетельствует также динамика преступлений коррупционной направленности в сфере экономической деятельности в рассматриваемый период [2, с. 111].

Приведенные показатели свидетельствуют не только о масштабе проблемы, но и о ее качественном изменении. Экономические и коррупционные правонарушения все чаще совершаются с использованием сложных платежных схем, цепочек посредников, подконтрольных юридических лиц, цифровых инструментов и формально законных хозяйственных конструкций. Поэтому прокурор, осуществляющий надзор в бюджетной, налоговой, контрактной и предпринимательской сферах, должен владеть экономическими знаниями.

Цель исследования состоит в обосновании роли экономических знаний как обязательного элемента профессиональной компетентности прокурорских работников.

Для достижения сформулированной цели необходимо: определить содержание экономической грамотности прокурора; выявить наиболее значимые для прокурорской деятельности экономические дисциплины; установить основные направления практического применения экономических знаний; обозначить современные вызовы, повышающие потребность в такой подготовке.

Экономическая грамотность прокурора представляет собой совокупность знаний и навыков, позволяющих понимать экономическую сущность правоотношений, выявлять нарушения закона и оценивать их финансовые последствия. В ее структуру целесообразно включать несколько основных элементов.

Во-первых, это базовые знания экономики: понимание цены, издержек, прибыли, эффективности, конкуренции, стимулов поведения участников рынка. Без них невозможно корректно оценить мотивы хозяйствующих субъектов и реальное влияние правового решения на экономические отношения.

Во-вторых, важнейшее значение имеют основы бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Прокурор должен ориентироваться в бухгалтерском балансе, отчетности о финансовых результатах, первичных учетных документах, дебиторской и кредиторской задолженности, движении денежных средств. Именно эти сведения позволяют установить фиктивность операций, завышение стоимости работ, сокрытие активов и иные нарушения.

В-третьих, экономическая грамотность включает понимание публичных финансов, налоговых и бюджетных механизмов. Для прокурора принципиально важно понимать целевой характер бюджетных средств, порядок финансирования, признаки неэффективного и нецелевого расходования, а также экономическую логику налоговых схем и необоснованной налоговой выгоды.

В-четвертых, в ее содержание входит знание корпоративных и договорных механизмов: особенностей управления юридическими лицами, компетенции органов управления, признаков аффилированности, рисков вывода активов, признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

В-пятых, современный прокурор должен уметь работать со специальными экономическими знаниями: анализировать ревизии, аудиторские материалы, финансовые заключения, судебные экономические экспертизы, формулировать вопросы специалистам и оценивать их выводы.

Таким образом в содержание экономической грамотности как элемента профессиональной компетентности современного прокурора входит знание как общих основ экономического устройства, так и специальных экономических дисциплин.

Как представляется, наиболее значимыми для прокурорской деятельности являются знания в области бухгалтерского учета и финансового анализа, бюджетных отношений, налогообложения, корпоративных финансов, банкротства, конкурентной экономики и финансового мониторинга.

Современные вызовы в деятельности прокуроров с точки зрения применения экономических знаний, как представляется, состоят в следующем.

Первый вызов связан с цифровизацией экономики. Электронный документооборот, платформенные модели бизнеса, цифровые платежи, автоматизированные закупки, использование данных и алгоритмов меняют как сам предмет надзора, так и способы сокрытия нарушений. Современные исследования юридического образования подтверждают, что владение цифровыми технологиями становится значимым условием профессиональной подготовки юриста [3].

Второй вызов — недостаточность прикладной экономической подготовки в юридическом образовании. Действующий ФГОС по направлению «Юриспруденция» задает общую рамку формирования компетенций, однако глубина экономической подготовки во многом определяется конкретной образовательной программой. На практике это приводит к тому, что выпускник-юрист может обладать хорошей правовой базой, но не иметь устойчивых навыков анализа финансовых документов, бюджетных процедур, закупок и банкротства. Именно поэтому в научной литературе обосновывается междисциплинарная модель подготовки юристов для цифровой экономики [4, с.254].

Третий вызов — постоянное усложнение форм экономической и коррупционной преступности. Формально за-

конные договорные конструкции, распределение ролей между несколькими организациями, скрытая аффилированность и цифровой след финансовой операции требуют от прокурора высокого уровня аналитического мышления и умения взаимодействовать со специалистами.

Таким образом, экономические знания являются необходимым компонентом профессиональной компетентности прокурорских работников. Их значение обусловлено масштабом экономической и коррупционной преступности, ростом имущественного ущерба, усложнением финансовых схем и цифровой трансформацией экономики. Современный прокурор должен не только применять закон, но и понимать экономическую сущность

правоотношений, уметь анализировать финансовые документы, бюджетные и налоговые механизмы, корпоративные связи и результаты специальных исследований.

Наиболее востребованы экономические знания в бюджетной, закупочной, налоговой, антикоррупционной, исковой, уголовно-процессуальной и аналитической деятельности прокуратуры. Отсюда следует практический вывод о том, что повышение эффективности прокурорского надзора в экономической сфере невозможно без системного усиления экономической подготовки как в рамках высшего юридического образования, так и в системе повышения квалификации действующих прокурорских работников.

Литература:

1. МВД: ущерб от экономических преступлений в РФ составил более 266,2 млрд рублей [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2025. — 19 ноября. — URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25667721> (дата обращения: 18.04.2026).
2. Молчанова Т. В. Преступления коррупционной направленности в сфере экономической деятельности // Криминологический журнал. — 2023. — №. 2. — С. 110–114.
3. Босык О. И. Трансформация высшего юридического образования в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — №. 11 (180). — С. 169–183.
4. Северин В. А. Междисциплинарный подход подготовки юристов нового поколения для цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2019. — №. 2. — С. 252–257.

Обеспечение информационной безопасности при договорном регулировании отношений в сфере интернет-услуг

Майоров Вадим Родионович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье исследуются правовые механизмы обеспечения информационной безопасности в рамках договорных отношений по оказанию интернет-услуг. Анализируются законодательная основа защиты информации и персональных данных, договорные конструкции, применяемые на практике.

Ключевые слова: информационная безопасность, интернет-услуги, персональные данные, договорное регулирование, операторы информационных систем, гражданско-правовая ответственность, цифровая среда.

Центральное место в системе правового регулирования информационной безопасности занимают договорные отношения. Именно договор на оказание интернет-услуг является основным правовым инструментом, опосредующим взаимодействие операторов информационных систем с пользователями — физическими и юридическими лицами. Содержание и условия таких договоров во многом определяют уровень защищённости информации, распределение рисков утечки данных и меры ответственности сторон за нарушение информационной безопасности.

Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальных норм, непосредственно регулирующих договор возмездного оказания интернет-услуг.

Это порождает значительный разрыв между императивными требованиями публичного права в сфере защиты информации и диспозитивностью гражданско-правового регулирования договорных отношений. Операторы нередко злоупотребляют своим доминирующим положением при формировании условий пользовательских соглашений, перекладывая все риски утечки данных на пользователей.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ правовых механизмов обеспечения информационной безопасности при договорном регулировании отношений в сфере интернет-услуг, выявление системных противоречий действующего законодательства и формулирование предложений по их устранению.

Под информационной безопасностью в контексте договорных отношений по оказанию интернет-услуг следует понимать состояние защищённости информации и информационной инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, способных нанести ущерб обладателям информации и пользователям информационных систем. Данное определение охватывает как технические, так и организационно-правовые аспекты защиты информации и подчёркивает комплексный характер информационной безопасности.

Законодательную основу обеспечения информационной безопасности составляет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Статья 16 указанного закона обязывает операторов информационных систем принимать меры по обеспечению безопасности обрабатываемой информации, включая предотвращение несанкционированного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования и распространения информации.

Специальные требования к защите персональных данных установлены Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». [4] Статья 19 данного закона конкретизирует обязанности оператора по обеспечению безопасности персональных данных: определение угроз безопасности, применение сертифицированных средств защиты информации, оценку эффективности принимаемых мер. Важную роль в регулировании технических стандартов безопасности играет Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [5].

Следует обратить внимание на существенный разрыв между требованиями публично-правового регулирования и практикой формирования условий пользовательских соглашений в сфере интернет-услуг. Системный анализ пользовательских соглашений крупнейших российских интернет-платформ позволяет констатировать устойчивую тенденцию к включению в договоры условий об ограничении ответственности оператора за нарушения информационной безопасности. Типовое положение гласит: «Оператор не гарантирует абсолютную защиту от несанкционированного доступа и не несёт ответственности за ущерб, причинённый действиями третьих лиц». Буквальное толкование такой оговорки означает освобождение от любой ответственности, включая случаи грубой неосторожности или умышленного бездействия при обнаружении уязвимостей системы.

Данное условие вступает в явное противоречие с пунктом 3 статьи 401 ГК РФ, допускающим освобождение от ответственности лишь за случайные нарушения при условии добросовестности и разумной осмотрительности. В системной связи с пунктом 2 статьи 307 ГК РФ, закрепляющим принцип равенства участников обязательства, подобные условия следует признавать злоупотребле-

нием доминирующим положением оператора при формировании договора присоединения (статья 428 ГК РФ).

Правовые механизмы обеспечения информационной безопасности при договорном регулировании отношений в сфере интернет-услуг образуют трёхуровневую систему, включающую законодательные требования, договорные условия и технические стандарты.

На договорном уровне обеспечение информационной безопасности реализуется посредством включения в договоры на оказание интернет-услуг специальных условий о защите информации. К числу типичных договорных условий, направленных на обеспечение информационной безопасности, относятся: обязательство исполнителя применять сертифицированные средства защиты информации; требования к уровню защищённости информационных систем; порядок обработки и хранения конфиденциальной информации; обязательства по резервному копированию данных; процедуры реагирования на инциденты информационной безопасности; условия о разграничении доступа; обязательства по уведомлению о нарушениях безопасности.

Технические меры обеспечения информационной безопасности включают применение средств криптографической защиты информации, систем контроля доступа, средств обнаружения и предотвращения вторжений, антивирусного программного обеспечения, межсетевых экранов. Правовое регулирование применения технических средств защиты информации осуществляется в том числе Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Организационные меры включают разработку политики информационной безопасности, назначение ответственных лиц за обеспечение безопасности информации, проведение обучения персонала, осуществление контроля за соблюдением требований безопасности. Статья 18.1 Федерального закона № 152-ФЗ прямо обязывает операторов, обрабатывающих персональные данные, назначить лицо, ответственное за организацию обработки персональных данных.

Существенное значение для обеспечения информационной безопасности имеет механизм сертификации средств защиты информации. Федеральная служба безопасности РФ и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю осуществляют лицензирование деятельности по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации, а также их сертификацию. Использование сертифицированных средств защиты является обязательным для государственных информационных систем и систем, обрабатывающих персональные данные.

Важным элементом системы обеспечения безопасности информации является обязанность по уведомлению о нарушениях. Статья 21 Федерального закона № 152-ФЗ устанавливает, что в случае установления факта неправомерной передачи, предоставления, распространения либо доступа к персональным данным оператор обязан уведо-

мить Роскомнадзор о произошедшем инциденте в течение 24 часов, а также представить сведения о результатах внутреннего расследования в течение 72 часов. Несвоевременное уведомление влечёт административную ответственность по статье 13.11 КоАП РФ [2].

Договорные механизмы включают также условия о проведении аудита информационной безопасности — комплексной проверки соответствия применяемых мер защиты информации установленным требованиям и оценки их эффективности. Включение в договор обязательства исполнителя проводить регулярный аудит и представлять заказчику отчёты о его результатах позволяет обеспечить непрерывный контроль над уровнем защищённости информационной инфраструктуры.

Перспективы развития правовых механизмов обеспечения информационной безопасности при договорном регулировании отношений в сфере интернет-услуг определяются необходимостью преодоления выявленных системных противоречий.

Во-первых, целесообразно законодательно закрепить обязательный перечень существенных условий договора возмездного оказания интернет-услуг, включающий требования к уровню защищённости информационных систем, перечню технических средств защиты информации, порядку реагирования на инциденты безопасности и условиям уведомления пользователей об утечке данных.

Отсутствие таких условий должно повлечь признание договора незаключённым в части соответствующих положений с применением диспозитивных норм, установленных законодательством.

Во-вторых, представляется необходимым ввести законодательный запрет на включение в договоры присоединения условий об освобождении оператора от ответственности за нарушения информационной безопасности, допущенные вследствие грубой неосторожности или умышленного бездействия. Такие условия следует считать ничтожными как противоречащие существу законодательного регулирования в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ.

В-третьих, требует совершенствования механизм распределения бремени доказывания по делам о нарушении информационной безопасности. Следует законодательно закрепить презумпцию вины оператора информационной системы в случае утечки персональных данных пользователей, возложив на него бремя доказывания того, что нарушение безопасности произошло вследствие обстоятельств, которые он не мог предвидеть и предотвратить.

В-четвёртых, необходимо существенно повысить размеры административных санкций за нарушение требований информационной безопасности, приведя их в соответствие с реальным экономическим ущербом, причиняемым субъектам персональных данных и иным участникам информационных правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (Часть I). — Ст. 1.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (Часть I). — Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (Часть I). — Ст. 3451.
5. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 45. — Ст. 6257.

Правовое регулирование транспортировки и хранения углеводородов

Маслов Андрей Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ромашкова Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

Настоящая статья посвящена комплексному анализу правового регулирования транспортировки и хранения углеводородов в Российской Федерации по состоянию на 2026 год. В первом разделе работы рассматривается правовой статус субъектов естественных монополий в сфере трубопроводного транспорта нефти, нефтепродуктов и газа, а также режим недискриминационного доступа к инфраструктуре. Анализируются положения Федерального закона «О естественных монополиях», Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации», а также новые подзаконные акты, принятые в рамках механизма «регуляторной гильотины» в 2025–2026 годах. Исследуется договорная основа транспортировки углеводородов, квалификация договора транспортировки, существенные условия, порядок заклю-

чения и ответственность сторон, включая экологическую составляющую. Во втором разделе статьи анализируется правовое регулирование хранения углеводородов в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах, а также особый правовой режим подземных хранилищ газа и государственного резерва. Отдельное внимание уделено требованиям промышленной безопасности, экологического надзора и лицензирования. По результатам исследования сформулированы выводы о системном характере правового регулирования транспортировки и хранения углеводородов, сочетающем публично-правовые и частноправовые механизмы, а также о возрастающей роли экологических требований в договорных отношениях.

Ключевые слова: транспортировка углеводородов, хранение углеводородов, естественные монополии, недискриминационный доступ, трубопроводный транспорт, договор транспортировки, ответственность сторон, промышленная безопасность, экологический надзор, резервуарные парки, товарно-сырьевые базы, подземные хранилища газа, государственный резерв, энергетическое право, лицензирование, регуляторная гильотина.

Legal regulation of hydrocarbon transportation and storage

Maslov Andrey Mikhailovich, master's student

Scientific advisor: Romashkova Irina Ivanovna, PhD in law, associate professor

National Research University «MEI» (Moscow)

This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of hydrocarbon transportation and storage in the Russian Federation as of 2026. The first section examines the legal status of natural monopoly entities in the field of pipeline transport of oil, petroleum products and gas, as well as the regime of non-discriminatory access to infrastructure. The provisions of the Federal Law “On Natural Monopolies”, the Federal Law “On Gas Supply in the Russian Federation”, as well as new by-laws adopted within the framework of the “regulatory guillotine” mechanism in 2025–2026 are analyzed. The contractual basis for hydrocarbon transportation, the qualification of the transportation contract, essential terms, the procedure for conclusion and liability of the parties, including the environmental component, are studied. The second section analyzes the legal regulation of hydrocarbon storage in tank farms and commodity depots, as well as the special legal regime of underground gas storage facilities and state reserves. Special attention is paid to industrial safety requirements, environmental supervision and licensing. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the systemic nature of the legal regulation of hydrocarbon transportation and storage, combining publiclaw and privatelaw mechanisms, as well as the increasing role of environmental requirements in contractual relations.

Keywords: hydrocarbon transportation, hydrocarbon storage, natural monopolies, nondiscriminatory access, pipeline transport, transportation contract, liability of parties, industrial safety, environmental supervision, tank farms, commodity depots, underground gas storage facilities, state reserve, energy law, licensing.

Введение

Правовое регулирование транспортировки и хранения углеводородов является одним из ключевых элементов энергетической безопасности Российской Федерации. Нефть, нефтепродукты и природный газ составляют основу топливно-энергетического комплекса страны, а их перемещение и складирование сопряжены с повышенными рисками для жизни, здоровья граждан, окружающей среды и объектов промышленной инфраструктуры. В условиях модернизации законодательства, в том числе в рамках механизма «регуляторной гильотины» в 2025–2026 годах, происходит обновление нормативно-правовой базы, регуливающей доступ к инфраструктуре естественных монополий, договорные отношения, экологические и промышленно-безопасные требования. Это обуславливает необходимость комплексного анализа действующего правового регулирования, выявления его системных характеристик и проблемных аспектов.

Степень разработанности проблемы. Вопросы правового регулирования транспортировки и хранения углеводородов получили определенное освещение в научной литера-

туре. В трудах российских ученых в области энергетического права (А. Х. Абашидзе, А. О. Иншакова, Д. Е. Матыцин и др.) анализируются правовой статус субъектов естественных монополий, договорные конструкции и публично-правовые режимы. Экологическим аспектам посвящены работы И. Н. Квасова, В. Ю. Круглова, Н. С. Фелковского, Б. Пирнязовой и других авторов. Однако комплексные исследования, охватывающие одновременно транспортировку и хранение углеводородов с учетом последних изменений законодательства 2025–2026 годов, отсутствуют. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе транспортировки и хранения углеводородов в Российской Федерации. Предметом исследования являются нормы российского законодательства (гражданского, административного, экологического, о недрах, о промышленной безопасности), подзаконные акты, правоприменительная практика и доктринальные положения, регулирующие указанные отношения.

Цель и задачи исследования. Цель работы — провести комплексный анализ правового регулирования транспор-

тировки и хранения углеводородов в Российской Федерации по состоянию на 2026 год, выявить его системные особенности и тенденции развития. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. охарактеризовать правовой статус субъектов естественных монополий в сфере трубопроводного транспорта и режим недискриминационного доступа к инфраструктуре;
2. проанализировать договорную основу транспортировки углеводородов и ответственность сторон, включая экологическую составляющую;
3. исследовать правовое регулирование хранения углеводородов в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах;
4. раскрыть правовой режим подземных хранилищ газа и государственного резерва углеводородов;
5. сформулировать выводы о системном характере правового регулирования и возрастающей роли экологических требований.

1. Правовое регулирование транспортировки углеводородов

1.1. Правовой статус субъектов естественных монополий и режим доступа к инфраструктуре

Правовое регулирование транспортировки углеводородов в Российской Федерации базируется на особом правовом статусе субъектов естественных монополий, деятельность которых в сфере трубопроводного транспорта нефти, нефтепродуктов и газа подлежит государственному регулированию и контролю. Согласно Федеральному закону от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», к сфере деятельности субъектов естественных монополий отнесены, в частности, транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, а также транспортировка газа по трубопроводам (пункт 1 статьи 4) [6]. Указанные субъекты включаются в специальный реестр, ведение которого осуществляет Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). Критериями включения в реестр являются наличие на праве собственности или ином законном основании магистральных трубопроводов и фактическое оказание услуг по транспортировке. Правовой статус указанных субъектов характеризуется комплексом публично-правовых обязанностей, включая обязанность по обеспечению недискриминационного доступа к инфраструктуре. В соответствии со статьей 27 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», организации — собственники систем газоснабжения обязаны обеспечить недискриминационный доступ любым организациям, осуществляющим деятельность на территории Российской Федерации, к свободным мощностям принадлежащих им газотранспортных и газораспределительных сетей в порядке, установленном Правительством Российской Фе-

дерации [8]. В 2025 году в рамках механизма «регуляторной гильотины» ФАС России подготовила проекты новых документов о недискриминационном доступе к инфраструктуре магистрального транспорта нефти, нефтепродуктов и газа. Проекты соответствующих постановлений Правительства РФ, которые могут вступить в действие с 1 марта 2025 года и будут действовать 6 лет, приходят на смену серии документов 1997–2021 годов. Существенным изменением является устранение возможности распределения пропускной способности газотранспортной системы (ГТС) на конкурсной основе при ее дефиците — остается только принцип удовлетворения заявок пропорционально заявленным объемам. Процедура доступа включает в себя следующие этапы: подача заявки потребителем, проверка наличия свободной мощности, заключение договора и установление тарифа. В случае необоснованного отказа или уклонения от заключения договора потребитель вправе обратиться в антимонопольный орган или суд.

Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2025 г. № 825 «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации» утверждены соответствующие Правила. Данным документом установлены единые правила доступа, порядок подачи заявок, сроки рассмотрения, основания для отказа (отсутствие свободной мощности, несоответствие техническим условиям, непредставление необходимых документов) [11]. За нарушение субъектом естественной монополии правил недискриминационного доступа к магистральным нефтепроводам установлена административная ответственность частью 1 статьи 9.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает наложение штрафа на юридических лиц в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей [3]. Правовой статус субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую элементы публично-правового регулирования с частноправовыми механизмами реализации услуг по транспортировке» [17]. Дополнительно следует подчеркнуть, что магистральные трубопроводы как объекты недвижимости имеют особый правовой режим, включающий публичные сервитуты в интересах обеспечения доступа третьих лиц. Эффективность функционирования системы транспортировки углеводородов напрямую зависит от четкости правового регулирования статуса субъектов естественных монополий, поскольку любое злоупотребление монопольным положением влечет за собой не только экономические потери, но и риски для энергетической безопасности государства. Таким образом, режим доступа к инфраструктуре представляет собой сбалансированный механизм, защищающий интересы как потребителей услуг, так и субъектов естественных монополий.

1.2. Договорная основа транспортировки и ответственность сторон

Договорная основа транспортировки углеводородов представляет собой систему гражданско-правовых соглашений, опосредующих перемещение углеводородного сырья от мест добычи или переработки до конечных потребителей. В силу пункта 2 статьи 8 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» субъекты естественных монополий не вправе отказываться от заключения договора с отдельными потребителями на оказание услуг по транспортировке при наличии возможности оказать соответствующие услуги. Данное положение корреспондирует со статьей 426 Гражданского кодекса РФ, признающей договор транспортировки публичным договором. Существенными условиями договора транспортировки углеводородов в соответствии со статьей 432 Гражданского кодекса РФ являются: предмет (вид углеводорода, марка, качественные характеристики), объем транспортировки (в натуральных единицах — тоннах или тысячах кубометров), срок (период транспортировки, график подачи и приема), цена (тариф, порядок его применения и изменения), ответственность сторон (неустойка, штрафы, пени за нарушение обязательств) [2]. Порядок заключения договора регулируется статьями 435–443 ГК РФ: оферта направляется потребителем, субъект естественной монополии обязан рассмотреть ее в 30-дневный срок и направить проект договора или мотивированный отказ. Преддоговорные споры подлежат рассмотрению в арбитражном суде в порядке статьи 445 ГК РФ.

Правовая природа договора транспортировки углеводородов является предметом научной дискуссии. Большинство исследователей квалифицируют его как договор возмездного оказания услуг, поскольку объектом выступают действия по перемещению вещества, а не само вещество как таковое. «Договор транспортировки энергоресурсов по магистральным трубопроводам следует рассматривать в качестве самостоятельного типа договора, сочетающего признаки договора перевозки и договора возмездного оказания услуг, с присущей ему спецификой, обусловленной технологическими особенностями трубопроводного транспорта» [17, с. 228]. В отличие от договора перевозки груза по железной дороге или автотранспортом, при трубопроводной транспортировке отсутствует передача вещи во владение перевозчика; углеводороды перемещаются в замкнутой системе трубопроводов, оставаясь в собственности грузовладельца.

Ответственность сторон по договору транспортировки углеводородов наступает за нарушение обязательств, включая несвоевременную подачу или приемку углеводородов, нарушение режима транспортировки (давление, температура, скорость потока), превышение плановых объемов (что может привести к разрыву трубопровода), некачественную транспортировку (загрязнение, смешение сортов). В соответствии со статьей 12

Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» лицо, виновное в нарушении законодательства о промышленной безопасности, несет ответственность в соответствии с законодательством РФ [7]. Гражданско-правовая ответственность регулируется статьями 15 (возмещение убытков), 330–333 (неустойка), 393–406 (ответственность за неисполнение обязательств) Гражданского кодекса РФ. Типовые договоры транспортировки, разрабатываемые субъектами естественных монополий, обычно содержат условие о том, что за несвоевременную подачу углеводородов в систему магистрального трубопровода отправитель уплачивает пеню в размере 0,1 % от стоимости недопоставленного объема за каждый день просрочки, но не более 10 % от суммы недопоставки. За превышение планового объема транспортировки без предварительного согласования устанавливается повышающий коэффициент к тарифу (как правило, 1,5). Форсмажорные обстоятельства (стихийные бедствия, военные действия, террористические акты) освобождают стороны от ответственности при условии их документального подтверждения торгово-промышленной палатой.

Значительное место в системе обеспечения надлежащего исполнения договорных обязательств занимает экологическая составляющая. Как указывают исследователи, транспортировка углеводородов сопряжена с высокими рисками аварийных разливов и утечек, что влечет применение мер гражданско-правовой и административной ответственности. «Утечки и разливы нефти во время транспортировки углеводородов относятся к числу наиболее серьезных экологических угроз, требующих включения в договоры транспортировки специальных условий об ответственности за экологический ущерб» [15]. В соответствии со статьями 77 и 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» юридические лица, причинившие вред окружающей среде, обязаны возместить его в полном объеме [9].

Важным элементом правового регулирования является мониторинг экологического состояния объектов транспортировки. «Научно-методические основы проведения экологического мониторинга окружающей среды с помощью малогабаритных беспилотных летательных аппаратов, оснащенных навесным аналитическим оборудованием, на территориях горнопромышленных промагломераций» [13]. Результаты такого мониторинга являются доказательствами по делам о привлечении к ответственности за аварийные разливы.

Особая роль в минимизации экологических рисков при транспортировке принадлежит государственному экологическому надзору. «Методика экологического надзора за объектами транспортировки углеводородов должна строиться на концепции постоянного мониторинга технического состояния трубопроводов и оперативного реагирования на любые отклонения от нормативных параметров» [16]. Административная ответственность за нарушение требований в области охраны окружающей среды при

эксплуатации трубопроводного транспорта предусмотрена статьей 8.41 Кодекса РФ об административных правонарушениях (невыполнение обязанности по внесению платы за негативное воздействие на окружающую среду), статьей 8.46 (невыполнение заявки на постановку на государственный учет объектов, оказывающих негативное воздействие), статьей 8.2 (несоблюдение экологических требований при обращении с отходами производства и потребления).

Важным аспектом ответственности является соблюдение правил промышленной безопасности при эксплуатации объектов транспортировки углеводородов. Приказом Ростехнадзора от 15 декабря 2020 г. № 529 «Правила промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов» установлены требования к обеспечению безопасной эксплуатации объектов, нарушения которых влекут ответственность, предусмотренную законодательством РФ, вплоть до административного приостановления деятельности по статье 3.12 КоАП РФ [12]. «Современная нефтегазовая отрасль связана со многими негативными экологическими последствиями, поэтому возрастает роль в обеспечении экологической безопасности на всех этапах производственных процессов — от разведки до переработки углеводородов» [14]. Рекомендательной мерой, часто включаемой в договоры транспортировки, является обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии. Таким образом, договорная основа транспортировки углеводородов и механизмы ответственности образуют целостную систему, обеспечивающую баланс частных и публичных интересов, а также экологическую безопасность.

2. Правовое регулирование хранения углеводородов

2.1. Хранение в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах

Правовое регулирование хранения углеводородов в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах представляет собой многоуровневую систему нормативных правовых актов, объединяющую требования промышленной безопасности, экологической охраны и гражданско-правового оборота. В отличие от транспортировки, где доминирует публично-правовой режим естественных монополий, хранение характеризуется большим разнообразием организационно-правовых форм и субъектного состава.

Базовым актом в сфере промышленной безопасности хранения углеводородов выступает Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». В соответствии со статьей 2 указанного Федерального закона объекты хранения углеводородов (резервуарные парки, товарно-сырьевые базы) отнесены к категории опасных производственных объектов I или II класса опасности в за-

висимости от количества хранимого опасного вещества. В развитие положений данного Закона Приказом Ростехнадзора от 15 декабря 2020 г. № 529 «Правила промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов» (официально опубликован не был, текст документа размещен на официальном сайте Ростехнадзора в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») установлены детальные требования к размещению, проектированию, строительству, эксплуатации и ликвидации складов нефти и нефтепродуктов. Согласно пункту 4 указанных Правил, склады нефти и нефтепродуктов подразделяются на перевалочные, распределительные и перевалочно-распределительные, а также на резервуарные парки, входящие в состав нефтебаз. В 2025 году в указанные Правила были внесены существенные изменения Приказом Ростехнадзора от 18 марта 2025 г. № 88 «О внесении изменений в федеральные нормы и правила в области промышленной безопасности „Правила промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов“, утвержденные приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 15 декабря 2020 г. № 529». Данными изменениями субъектам топливно-энергетического комплекса разрешено хранение нефти и нефтепродуктов в подземных и заглубленных резервуарах при соблюдении дополнительных требований к герметизации и контролю за уровнем наполнения. Пунктом 76 Правил установлено, что автоматические системы налива (АСН) должны быть оснащены ограничителями уровня налива, устройствами защиты от переполнения и средствами измерения количества отпущаемого продукта.

Экологические требования к хранению углеводородов закреплены в статье 46 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Частью 3 указанной статьи установлено, что при хранении углеводородного сырья должны предусматриваться меры по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов и иного негативного воздействия на окружающую среду. Частью 4 статьи 46 предусмотрено, что деятельность по хранению углеводородного сырья осуществляется при наличии планов предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, согласованных с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти. В части 1 статьи 46 закреплено, что при эксплуатации объектов хранения принимаются меры по сбору, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов производства, осуществляются сбор нефтяного попутного газа, рекультивация земель, другие мероприятия по предотвращению негативного воздействия на окружающую среду. Частью 2 статьи 46 установлено, что эксплуатация объектов хранения допускается при наличии проектов рекультивационных и иных восстановительных работ.

В доктрине энергетического права справедливо отмечается, что «правовое регулирование хранения энергоресурсов отличается высокой степенью детализации

и императивности, что обусловлено повышенной опасностью данных объектов и необходимостью защиты публичных интересов» [17, с. 245]. Особенностью правового режима резервуарных парков является сочетание требований промышленной безопасности, экологического законодательства и правил пожарной безопасности, что создает сложную систему разрешительных и контрольных процедур.

Важным элементом правового регулирования является обязательное лицензирование деятельности по хранению углеводородов. В соответствии со статьей 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» эксплуатация взрывопожароопасных производственных объектов, к которым относятся резервуарные парки, подлежит лицензированию [10]. Лицензионные требования включают наличие у соискателя лицензии на праве собственности или ином законном основании зданий, строений, сооружений и технических устройств, соответствующих установленным требованиям, наличие системы производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности, а также наличие планов мероприятий по локализации и ликвидации последствий аварий.

Правовой режим товарно-сырьевых баз, предназначенных для хранения углеводородов с целью их последующей реализации, имеет особенности, связанные с их статусом как объектов гражданского оборота. В соответствии со статьей 130 Гражданского кодекса РФ резервуарные парки и товарно-сырьевые базы относятся к недвижимому имуществу, что влечет необходимость государственной регистрации прав на них. Существенным условием договора хранения углеводородов на товарно-сырьевой базе является качество передаваемого на хранение продукта, которое должно подтверждаться сертификатом соответствия и протоколами испытаний. Ответственность хранителя за утрату или повреждение углеводородов наступает по правилам главы 47 Гражданского кодекса РФ. В частности, в соответствии со статьей 902 ГК РФ хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, по основаниям, предусмотренным статьей 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором.

Экологический мониторинг объектов хранения углеводородов является обязательным требованием природоохранного законодательства. «Научно-методические основы проведения экологического мониторинга окружающей среды с помощью малогабаритных беспилотных летательных аппаратов, оснащенных навесным аналитическим оборудованием, на территориях горнопромышленных промагломераций» [13]. Указанные методики позволяют выявлять утечки углеводородов на ранних стадиях и оперативно принимать меры по их ликвидации. «Утечки и разливы нефти во время хранения углеводородов относятся к числу наиболее серьезных экологических угроз, требующих постоянного контроля за техническим состоянием резервуарных парков» [15].

Административная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности при хранении углеводородов предусмотрена статьей 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде наложения штрафа на юридических лиц в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей или административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток. За нарушение экологических требований при хранении углеводородов ответственность наступает по статье 8.41 КоАП РФ (невыполнение обязанности по внесению платы за негативное воздействие на окружающую среду) и статье 8.46 КоАП РФ (невыполнение заявки на постановку на государственный учет объектов, оказывающих негативное воздействие).

Таким образом, правовое регулирование хранения углеводородов в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах представляет собой комплексную систему, объединяющую нормы промышленной безопасности, экологического права, гражданского законодательства и административно-правовых институтов, что обеспечивает надлежащий уровень защищенности публичных и частных интересов.

2.2. Правовой режим подземных хранилищ газа (ПХГ) и государственного резерва

Правовой режим подземных хранилищ газа (ПХГ) и государственного резерва углеводородов обладает значительной спецификой, обусловленной стратегическим характером данных объектов и их особым значением для обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации. ПХГ являются неотъемлемой частью Единой системы газоснабжения России и предназначены для компенсации неравномерности газопотребления, резервирования газа на случай аварий на газопроводах и создания стратегических запасов.

Основы правового регулирования ПХГ заложены в Законе Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» [4]. В соответствии со статьей 6 указанного Закона подземные хранилища газа относятся к объектам, для строительства и эксплуатации которых требуется получение лицензии на пользование недрами. Лицензия выдается на основании решения Федерального агентства по недропользованию и определяет целевое назначение участка недр, сроки строительства и эксплуатации ПХГ, а также требования по охране недр и окружающей среды. Статьей 23.2 Закона «О недрах» установлено, что проектная документация на строительство и эксплуатацию ПХГ подлежит государственной экспертизе. В редакции указанного Закона, действующей с 1 марта 2026 года в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2025 г. № 577-ФЗ, расширены полномочия Федерального агентства по недропользованию по контролю за соблюдением лицензионных требований при эксплуатации ПХГ.

Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» определяет пра-

вой статус ПХГ как объектов Единой системы газоснабжения. В соответствии со статьей 3 указанного Федерального закона ПХГ относятся к стратегическим объектам газоснабжения, изменение режима эксплуатации которых допускается только на основании решения Правительства Российской Федерации. Статьей 7 Закона установлено, что создание ПХГ осуществляется на основе перспективного баланса добычи и реализации газа в Российской Федерации, исходя из ресурсов газа, технических возможностей систем газоснабжения и прогноза потребности в энергетических ресурсах.

В доктрине энергетического права обоснованно утверждается, что «правовой режим ПХГ является уникальным правовым явлением, сочетающим элементы недропользования, промышленной безопасности и стратегического планирования, что требует особого подхода к его правовому регулированию» [17, с. 267]. При этом отмечается, что «ПХГ выполняют не только коммерческую функцию сглаживания сезонных пиков потребления, но и публично-правовую функцию обеспечения энергетической безопасности государства, что оправдывает применение повышенных требований к их эксплуатации» (Энергетическое право: учебник для вузов. — С. 270).

Особую роль в системе хранения углеводородов играет государственный резерв, правовой режим которого регулируется Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» [5]. В соответствии со статьей 1 указанного Федерального закона государственный резерв представляет собой особый федеральный (общероссийский) запас материальных ценностей, предназначенный для обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации, неотложных работ при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, оказания гуманитарной помощи и регулирующего воздействия на рынок. Нефть и нефтепродукты относятся к категории материальных ценностей, закладываемых в государственный резерв в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Статьей 2 Закона установлено, что запасы государственного резерва неприкосновенны и не подлежат отчуждению, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

В 2025–2026 годах в законодательство о государственном резерве внесены существенные изменения. В соответствии с законопроектом, одобренным Комиссией по законопроектной деятельности Правительства РФ, предлагается дополнить Федеральный закон «О государственном материальном резерве» новыми понятиями, такими как «формирование государственного резерва», «накопление материальных ценностей в государственном резерве», «обслуживание запасов государственного резерва». Сроки заимствования материальных ценностей из госрезерва по решению руководителя Росрезерва предлагается увеличить с шести месяцев до одного года. Также предлагается уточнить способы обеспечения исполнения обязательств заёмщика по возврату материальных ценностей в госрезерв — предоставлением банковской гарантии

или внесением денежных средств на счёт, на котором учитываются операции со средствами, поступающими Росрезерву или его территориальному органу. В целях повышения эффективности использования запасов госрезерва и средств федерального бюджета предлагается установить, что материальные ценности из госрезерва в связи с обновлением его запасов, заменой и разбронированием будут передаваться на возмездной основе государственным заказчикам государственного оборонного заказа и организациям, выполняющим гособоронзаказ, ответственным хранителям материальных ценностей госрезерва для использования в производственно-хозяйственной деятельности.

Порядок освежения запасов нефти и нефтепродуктов в государственном резерве регулируется статьей 12 Федерального закона № 79-ФЗ, согласно которой освежение (замена) материальных ценностей производится в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. При освежении ответственный хранитель обязан обеспечить сохранность разбронированных материальных ценностей до их выпуска из госрезерва.

Экологические требования к ПХГ и объектам государственного резерва установлены статьей 46 Федерального закона № 7-ФЗ. При строительстве и эксплуатации ПХГ в соответствии с частью 5 статьи 46 принимаются меры по предупреждению прорывов газа в вышележащие горизонты и на дневную поверхность. «Методика экологического надзора за объектами подземного хранения углеводородов должна учитывать специфику геологического строения участка недр и возможные пути миграции газа» [16]. «Современная нефтегазовая отрасль требует особого внимания к обеспечению экологической безопасности при создании и эксплуатации ПХГ, поскольку любые нарушения герметичности могут привести к серьезным экологическим последствиям» [14].

Административная ответственность за нарушение требований к эксплуатации ПХГ предусмотрена статьей 8.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (нарушение требований по охране недр) в виде наложения штрафа на юридических лиц в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. За нарушение порядка работы с материальными ценностями государственного резерва ответственность наступает по статье 19.8 КоАП РФ (непредставление сведений о материальных ценностях государственного резерва) и статье 19.9 КоАП РФ (нарушение порядка заимствования материальных ценностей из государственного резерва).

Таким образом, правовой режим подземных хранилищ газа и государственного резерва углеводородов представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой сочетаются публично-правовые и частноправовые элементы, а стратегические цели государства гармонизируются с интересами недропользователей и хранителей материальных ценностей.

Проведенное исследование правового регулирования транспортировки и хранения углеводородов в Россий-

ской Федерации позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Правовое регулирование транспортировки углеводородов базируется на особом публично-правовом статусе субъектов естественных монополий, которые обязаны обеспечить недискриминационный доступ к инфраструктуре магистральных трубопроводов. Механизм «регуляторной гильотины» 2025–2026 годов привел к обновлению подзаконной базы, в частности к отказу от конкурсного распределения пропускной способности газотранспортной системы при ее дефиците в пользу пропорционального удовлетворения заявок. Это повышает предсказуемость доступа, но требует усиления антимонопольного контроля.

2. Договор транспортировки углеводородов является публичным договором возмездного оказания услуг, сочетающим признаки перевозки и специфику трубопроводного транспорта (отсутствие передачи вещи во владение перевозчика). Существенными условиями договора выступают предмет, объем, срок, цена и ответственность. Ответственность сторон включает как традиционные гражданско-правовые меры (неустойка, возмещение убытков), так и специфические санкции за нарушение режимов транспортировки. Особое место занимает экологическая ответственность за аварийные разливы и утечки, которая все чаще включается в договорные условия и обеспечивается страхованием.

3. Правовое регулирование хранения углеводородов в резервуарных парках и товарно-сырьевых базах характеризуется высокой степенью императивности и детализации, что обусловлено отнесением этих объектов к опасным производственным объектам I–II класса опас-

ности. Ключевыми элементами являются лицензирование, соблюдение правил промышленной безопасности (Приказ Ростехнадзора № 529), выполнение экологических требований по предупреждению и ликвидации разливов, а также обязательный экологический мониторинг, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов.

4. Подземные хранилища газа имеют уникальный правовой режим, сочетающий нормы недропользования (лицензия на пользование недрами), энергетического законодательства (стратегические объекты Единой системы газоснабжения) и экологического права. Государственный резерв углеводородов регулируется специальным законодательством, которое в 2025–2026 годах претерпело изменения в части увеличения сроков заимствования материальных ценностей до одного года и расширения возможностей возмездной передачи запасов в рамках гособоронзаказа. Неприкосновенность государственного резерва остается основополагающим принципом.

5. В целом правовое регулирование транспортировки и хранения углеводородов носит системный характер, объединяя публично-правовые (лицензирование, надзор, тарифное регулирование, недискриминационный доступ) и частноправовые (договор, ответственность, страхование) механизмы. Возрастающая роль экологических требований проявляется в их интеграции в договорные отношения, в усилении экологического надзора и внедрении современных методов мониторинга. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути гармонизации промышленных, экологических и гражданско-правовых норм, а также цифровизации процедур доступа и контроля.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; Российская газета. — № 238–239. — 08.12.1994.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.
4. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395–1 «О недрах» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 16. — Ст. 834; Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 10. — Ст. 823; Российская газета. — № 102. — 05.05.1992.
5. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 1. — Ст. 3; Российская газета. — № 6–7. — 12.01.1995.
6. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 34. — Ст. 3426.
7. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3588.
8. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1667; Российская газета. — № 67. — 08.04.1999.
9. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.

10. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 28.12.2025, с изм. от 15.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716; Российская газета. — № 97. — 06.05.2011.
11. Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 825 «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 24. — Ст. 3842; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 02.06.2025.
12. Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 15.12.2020 № 529 «Правила промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов». — Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору. — URL: <http://www.gosnadzor.ru> (дата обращения: 16.04.2026). — Документ официально не опубликован.
13. Квасов, И. Н. Мониторинг экологического состояния объектов хранения, транспортировки и переработки углеводородов / И. Н. Квасов, В. Ю. Круглов // Транспорт и хранение углеводородов: Тезисы докладов V Всероссийской научно-технической конференции молодых учёных, Омск, 26 апреля 2024 года. — Омск: Омский государственный технический университет, 2024. — С. 69–71.
14. Деменкова, А. С. Основные экологические проблемы при добыче и транспортировке углеводородного сырья / А. С. Деменкова, В. А. Коломыца, М. А. Стрелков // Мелиорация и водное хозяйство: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Шумаковские чтения), посвящённой 135-летию со дня рождения академика ВАСХНИЛ, Героя Социалистического труда, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук, профессора, крупного ученого в области мелиорации и орошаемого земледелия Б. А. Шумакова и 100-летию со дня рождения ректора НИМИ, профессора, Заслуженного мелиоратора РСФСР П. М. Степанова, Новочеркасск, 25 сентября 2024 года. — Новочеркасск: Лик, 2024. — С. 501–504.
15. Пирнязова, Б. Экологические аспекты транспортировки и хранения углеводородов / Б. Пирнязова, С. Джумамамырадов, А. Сахедова, Б. Шаназаров // Символ науки: международный научный журнал. — 2025. — № 2–2. — С. 57–58.
16. Фелковский, Н. С. Методика экологического надзора: основные концепции транспортировки углеводородов / Н. С. Фелковский // История, современные проблемы и перспективы развития наук о Земле: Материалы I Международной научно-практической конференции, Астрахань, 06 декабря 2024 года. — Астрахань: Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2024. — С. 106–108.
17. Энергетическое право: учебник для вузов / под научной редакцией А. Х. Абашидзе, А. О. Иншаковой, Д. Е. Матыцина. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 440 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21341-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/590632> (дата обращения: 16.04.2026).

Совершенствование воинского учета в организациях: проблемы и пути решения в 2026 году

Меринов Виктор Николаевич, руководитель проекта Отдела воинского учёта и бронирования
«Газпромбанк» (Акционерное общество) (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные проблемы ведения воинского учета в современных организациях в условиях цифровизации и перехода на круглогодичный призыв с 1 января 2026 года. Предметом исследования являются нормативно-правовые требования к воинскому учету с учетом последних изменений 2025–2026 годов. В исследовании применялись методы анализа нормативно-правовых актов и обобщения практики правоприменения. Рассматриваются такие аспекты, как внедрение карточек формы № 10 (пришедших на смену устаревшей форме Т-2), функционирование единого реестра воинского учета и реестра повесток, административная ответственность работодателей. Основными выводами являются: необходимость незамедлительного перехода организаций на карточки формы № 10, обеспечение ежемесячной сверки данных с военными комиссариатами, разработка внутренних регламентов оповещения сотрудников. В результате исследования установлено, что соблюдение требований воинского учета позволяет избежать административных штрафов и обеспечить законное бронирование ключевых специалистов.

Ключевые слова: воинский учет, карточка формы № 10, единый реестр воинского учета, реестр повесток, мобилизация, военный комиссариат, работодатель, бронирование граждан.

Peculiarities of improving military registration in organizations: problems and solutions in 2026

Merinov Viktor Nikolaevich, project manager of the Military Registration and Reservation Department
Gazprombank (Joint-Stock Company) (Moscow)

The article examines current problems of maintaining military registration in modern organizations in the context of digitalization and the transition to year-round conscription from January 1, 2026. The subject of the study is the regulatory requirements for military registration considering the latest changes of 2025–2026. The research uses methods of analysis of normative legal acts and generalization of law enforcement practice. Such aspects as the introduction of Form No. 10 cards (which replaced the outdated Form T-2), the functioning of the unified military registration register and the summons register, and the administrative responsibility of employers are considered. The main conclusions are: the need for an immediate transition of organizations to Form No. 10 cards, ensuring monthly verification of data with military commissariats, developing internal regulations for notifying employees. As a result of the study, it has been established that compliance with military registration requirements allows avoiding administrative fines and ensuring legal reservation of key specialists.

Keywords: military registration, Form No. 10 card, unified military registration register, summons register, mobilization, military commissariat, employer, reservation of citizens.

Актуальность темы воинского учета в 2026 году существенно возросла в связи с кардинальными изменениями законодательства. С 1 января 2026 года вступили в силу поправки в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» (Федеральный закон от 04.11.2025 № 412-ФЗ), отменившие деление на весенний и осенний призыв. Теперь призыв на военную службу граждан, не пребывающих в запасе, осуществляется ежегодно с 1 января по 31 декабря на основании указа Президента Российской Федерации [2, с. 2].

Цель данной статьи — анализ правовых новаций 2025–2026 годов в сфере воинского учета и выработка практических рекомендаций для организаций по приведению учетной работы в соответствие с действующими требованиями.

Правовой основой организации воинского учета в настоящее время является Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700 «Об утверждении Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учета», действующий в редакции Приказа Минобороны России от 09.07.2025 № 438 [3, с. 1]. Именно Приказ № 438 (зарегистрирован в Минюсте 09.12.2025 № 84505) закрепил использование выписок из реестра воинского учета и из общедоступного реестра направленных (врученных) повесток [4, с. 4]. Согласно пункту 31 Инструкции № 700, воинский учет граждан в организациях ведется по карточкам формы № 10, которые пришли на смену устаревшей форме Т-2. Карточки формируются и ведутся одновременно в электронном и бумажном видах [1, с. 5].

Первой ключевой проблемой является незнание работодателями новых обязанностей, связанных с функционированием единого реестра воинского учета (статья 8.2 Федерального закона № 53-ФЗ). С 2025 года запущен процесс наполнения этого реестра, и организации обязаны сверять данные карточек формы № 10 со сведениями государственных информационных систем. Это требует выделения сотрудников, ответственных за воинский учет,

и обеспечения их защищенным каналом связи для взаимодействия с военкоматами [1, с. 7].

Вторая проблема — продолжающееся использование устаревших форм документации. По данным проверок, значительная часть организаций до сих пор не перешла на карточки формы № 10, продолжая вести учет по форме Т-2, что является грубым нарушением пункта 31 Приказа № 700. Карточки по форме № 10 должны храниться в картотеке в алфавитном порядке по разделам: офицеры, неофицерский состав (солдаты, матросы, сержанты, старшины, прапорщики, мичманы), военнообязанные женщины, призывники [1, с. 14].

Третья проблема связана с изменением порядка оповещения. С введением единого реестра повесток (статья 8.3 Федерального закона № 53-ФЗ) повестка считается врученной с момента ее размещения в реестре, а не с момента личного вручения под подпись [1, с. 2]. Со дня размещения повестки гражданину временно запрещается выезд из Российской Федерации, а дата явки не может превышать 30 дней с даты размещения такой повестки в реестре [1, с. 4].

Перечень актуальных нормативно-правовых актов, регулирующих воинский учет в организациях в 2026 году, представлен в таблице.

На основе анализа таблицы можно сделать вывод, что 2025–2026 годы стали переломными для системы воинского учета. Законодатель перешел от сезонных призывных кампаний к круглогодичной системе, одновременно внедряя цифровые инструменты контроля — реестр воинского учета и реестр повесток. Организации, не адаптировавшие свои внутренние процессы к этим изменениям, рискуют быть привлеченными к ответственности по статье 21.4 КоАП РФ (непредставление сведений о гражданах, подлежащих воинскому учету) [5, с. 12].

В целях совершенствования воинского учета в организации предлагается следующий комплекс мер, основанный на требованиях Приказа № 700 (ред. от 23.11.2023) и Приказа № 438:

Таблица 1

Нормативно-правовой акт	Предмет регулирования	Актуальная редакция
Федеральный закон № 53-ФЗ	Воинская обязанность и военная служба	28.12.2025
Приказ Минобороны № 700	Инструкция по воинскому учету (форма № 10)	23.11.2023
Приказ Минобороны № 438	Изменения в Инструкцию (реестр повесток)	09.07.2025
Федеральный закон № 412-ФЗ	Круглогодичный призыв с 01.01.2026	04.11.2025
КоАП РФ (ст. 21.1–21.4)	Административная ответственность	11.04.2026

1. Назначить приказом руководителя лицо (лиц), ответственное за ведение воинского учета, с обязательным прохождением обучения.

2. Провести инвентаризацию картотеки: полностью заменить карточки формы Т-2 на карточки гражданина, подлежащего воинскому учету (форма № 10, утвержденная Приказом № 700). Карточки по форме № 10 заполнять чернилами черного, фиолетового или синего цвета, а изменяемые сведения (адрес, телефон, семейное положение) — карандашом [3, с. 11].

3. Организовать взаимодействие с территориальным военным комиссариатом по защищенным каналам связи для ежемесячной сверки данных карточек формы № 10 со сведениями единого реестра воинского учета.

4. Разработать внутренний регламент действий при получении уведомления о размещении повестки в реестре, исключающий случаи пропуска сроков оповещения сотрудника [1, с. 5].

5. Обеспечить ежемесячное представление в военный комиссариат сведений о приеме и увольнении граждан, подлежащих воинскому учету (приложения № 6, № 18 к Инструкции № 700).

В заключение важно подчеркнуть, что 2026 год требует от работодателей принципиально нового подхода к воинскому учету. Децентрализованная система с бумажными карточками Т-2 уходит в прошлое. Ей на смену приходит единый цифровой реестр воинского учета и карточки формы № 10, данные из которых должны соответствовать государственной информационной системе. Организациям рекомендуется незамедлительно провести аудит военно-учетной документации и привести ее в соответствие с требованиями Приказа Минобороны № 700 в редакции 2025 года. Соблюдение этих требований позволит избежать административных штрафов и обеспечить законные основания для бронирования ключевых специалистов [6, с. 45].

Литература:

1. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»: Федеральный закон от 04.11.2025 № 412-ФЗ. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
3. Об утверждении Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учета: Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700 (ред. от 23.11.2023). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
4. О внесении изменений в Инструкцию об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учета: Приказ Министра обороны РФ от 09.07.2025 № 438: зарегистрирован в Минюсте России 09.12.2025 № 84505. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.04.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 28.05.2026).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 28.05.2026).

Правовое регулирование рекламных маркетинговых платформ

Молчанова Ирина Евгеньевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье рассматривается правовое регулирование деятельности рекламных маркетинговых платформ в условиях цифровой трансформации рынка. Анализируются ключевые новеллы законодательства о рекламе, вступающие в силу в 2025–2026 годах: ужесточение требований к маркировке интернет-рекламы, внедрение механизмов прослеживаемости через Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР), запрет англицизмов в коммерческих коммуникациях и ограничения на распространение рекламы на нежелательных ресурсах. Особое внимание уделено системе обязательных отчислений с доходов от интернет-рекламы и разграничению ответственности участников рекламной цепочки. На основе системного анализа законодательства и правоприменительных рисков формулируются практические рекомендации для субъектов рекламного рынка и предложения по совершенствованию отраслевого регулирования.

Ключевые слова: рекламная платформа, маркетинг, интернет-реклама, маркировка, ЕРИР, оператор рекламных данных, Закон о рекламе.

Активная цифровизация всех сфер жизни, в частности, цифровая экономика привела к кардинальной трансформации рекламного рынка.

Рынок influencer-маркетинга в России демонстрирует устойчивый рост: по данным Ассоциации коммуникационных агентств (АКАР), его объем превышает 82 миллиарда рублей [11]. Активно набирают популярность маркетинговые платформы, берущие на себя роль посредника между брендами — рекламодателями (брендами) и блогерами. Первоначально маркетинговые площадки начали набирать популярность зарубежом, но за последнее десятилетие вышли на российский рынок. Под рекламной маркетинговой платформой предлагается понимать программно-аппаратный комплекс, предоставляющий участникам рынка инструменты для создания, размещения, управления и анализа эффективности рекламных кампаний. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты правового поля, определяющего работу таких сервисов в России.

Основным законом, регулирующим деятельность подобных платформ, выступает Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе». 1 сентября 2022 года были внесены изменения в законодательство, направленные на обеспечение прозрачности рынка рекламы. Ключевое требование для всех участников рынка (реklamодателей, блогеров и посредников) — это обязательная маркировка интернет-рекламы. Любой пост, опубликованный блогером на коммерческой основе, должен содержать пометку «Реклама» и сведения о рекламодателе, а данные о таком размещении передаются в Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР), деятельность которого администрирует Роскомнадзор. Прямая передача данных в ЕРИР не предусмотрена. Для этого используются операторы рекламных данных (ОРД) — специализированные организации, ответственные за регистрацию креативов и агрегацию информации от участников рынка с целью последующей передачи в ЕРИР.

Рекламораспространителю требуется только отправить на платформу созданный им креатив, далее проис-

ходит проверка публикации и одобренные публикации автоматически при помощи платформы регистрируются в ОРД, получают токен, наносят на креативы и создают рекламную ссылку. Также подачу отчетности в ОРД платформа берет на себя. Данные изменения законодательства, несомненно, создают сквозной контроль за отраслью. К 2026 году, как следует из обзора справочно-правовой системы «Гарант», сложилась устойчивая практика: за отсутствие маркировки или ошибки в отчетности штрафуют по ст. 14.3 КоАП РФ, суммы достигают 500 000 руб. для юридических лиц [12]. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в свое время неоднократно обращал внимание на необходимость оценки добросовестности участников оборота, что в контексте автоматического распределения ответственности приобретает особую значимость.

Кроме этого, с 1 апреля 2025 года в РФ был введен обязательный сбор в размере 3 % от квартального дохода за распространение интернет-рекламы, направляемый на поддержку российского программного обеспечения. Данная мера, по сути, представляет собой «квазианалоговый» платеж, непоименованный в Налоговом кодексе РФ, что создает правовую неопределенность относительно его природы и, как следствие, порядка оспаривания начислений. Доктринальные источники, указывают на необходимость строгого разграничения публично-правовых и частноправовых начал в рекламной деятельности, однако законодатель все чаще отдает предпочтение именно административно-властным механизмам.

Не стоит также забывать об изменениях в рекламной сфере от 1 сентября 2025 года. Федеральный закон № 72-ФЗ запрещает размещение рекламы на ресурсах признанных экстремистскими, нежелательных или заблокированными на территории Российской Федерации. Это касается, в частности, социальных сетей Meta (Instagram и Facebook), признанной экстремистской организацией. Штрафы за нарушение для юридических лиц могут достигать 500 тысяч рублей. Для маркетинговых платформ это означает необходимость анализа и отбора площадок для размещения рекламных интеграций.

Особого внимания заслуживает вступивший в силу с 1 марта 2026 года Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ, ограничивающий использование иностранных слов в публичных коммуникациях бизнеса. Теперь на вывесках, в рекламных материалах и цифровых каналах запрещено использовать слова, не зафиксированные в нормативных словарях РАН [9]. Под ограничения попадают привычные маркетинговые конструкции такие как «sale», «premium» и т. д. Исключение составят только зарегистрированные в Роспатенте товарные знаки. Для рекламных платформ это означает необходимость встраивания лингвистических фильтров в интерфейсы загрузки креативов, так как штраф за нарушение также предусмотрен ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ — до 500 000 руб. Данная норма порождает коллизию с принципом свободы договора и правом на коммерческое обозначение, гарантированным ст. 1538 ГК РФ, что, вероятно, станет предметом конституционно-правового анализа в обозримом будущем.

Новейшие изменения, вступающие в силу с 1 сентября 2026 года (Федеральный закон от 20.02.2026 № 41-ФЗ), касаются рекламы азартных игр и требуют обязательного размещения предупреждений о вреде зависимости, занимающих не менее 7 % рекламной площади. Для видеохостингов и стриминговых платформ это означает техническую модернизацию плееров в целях автоматического наложения статичных или анимированных плашек поверх рекламируемого контента. Примечательно, что законодатель распространил аналогичные требования и на главные страницы сайтов букмекерских контор в части информирования о финансовых рисках, что свидетель-

ствует об устойчивом тренде на патерналистскую защиту прав потребителей цифровых услуг [10].

Несмотря на широкое государственное регулирование отрасли, оно не единственный регулятор. В марте 2025 года при Торгово-промышленной палате РФ был подписан важный документ «Руководство по добросовестным практикам в сфере блогерских маркетинговых коммуникаций». В его разработке участвовала Ассоциация блогеров и агентств (АБА), а также Федеральная антимонопольная служба (ФАС).

Эти рекомендации предписывают:

1. Прозрачность отношений. Блогер должен четко обозначать характер отношений с брендом.
2. Запрет на введение в заблуждение: нельзя завышать уникальность товара или использовать несуществующие скидки.
3. Ответственность за контент. Копирование чужих рекламных идей запрещено.

Маркетинговые платформы должны имплементировать эти правила в свои пользовательские соглашения, автоматически проверяя рекламные интеграции на соответствие нормам ФАС о честной конкуренции.

Подводя итог, можно смело сказать, что рекламное законодательство активно эволюционирует, что несомненно отражается на механизмах взаимодействия субъектов. Появляются новые инструменты, такие как маркетинговые платформы, способствующие упрощению рекламных процессов. Бизнес нуждается в адаптации не только коммерческого оборота, но и соблюдении законодательных принципов.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1232.
2. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и отдельные законодательные акты» // Российская газета. — 2025.
3. Федеральный закон от 20.02.2026 № 41-ФЗ «О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона «О рекламе» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2026.
4. Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 974 «Об утверждении Правил передачи сведений о рекламе в интернете» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 23. — Ст. 3801.
5. Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2022 № 1362-р «Об утверждении перечня информации о рекламе в сети «Интернет» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 24. — Ст. 3993.
6. Разъяснения Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) и АРИР по маркировке интернет-рекламы // Коммерсантъ. — 2022.
7. Практическое руководство по подготовке к маркировке интернет-рекламы. — М.: АРИР, 2025.
8. Гирич М. Г., Магомедова О. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования рекламных услуг в интернете, оказываемых цифровыми платформами в России и зарубежных странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-reklamnyh-uslug-v-internete-okazyvaemyh-tsifrovymi-platformami-v-rossii-i-zarubezhnyh> (дата обращения: 30.04.2026).
9. Вывески и таблички: как будет действовать запрет на применение иностранных слов с 1 марта // СПС: ГАРАНТ URL: <https://www.garant.ru/article/1999570/?ysclid=mols30hgc0560148713> (дата обращения: 30.04.2026).
10. Обзор документа на Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона «О рекламе» и Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты

Российской Федерации» // СПС: Грант URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/2002950/> (дата обращения: 30.04.2026).

11. Рынок блогеров в России оценили в 60 миллиардов рублей // АКАР URL: <https://akarussia.ru/news/novosti-akar-rynok-bloggerov-v-rossii-ocenili-v-60-mlrd-rublej/> (дата обращения: 30.05.2026).
12. Маркировка рекламы — 2026: новые правила, штрафы, для чего нужна? // СПС: ГАРАНТ URL: <https://www.garant.ru/consult/popularnie-voprosi/2010539/> (дата обращения: 30.04.2026).

Конституционно-правовые механизмы обеспечения защиты прав человека в Российской Федерации: вопросы теории и практики

Муртазина Ралина Шамилевна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В представленной статье авторами рассматриваются актуальные вопросы, связанные с реализацией конституционно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу деятельности судебной власти, которая в современной системе государственного управления выступает ключевым гарантом восстановления нарушенных прав. В работе исследуются различные формы судопроизводства, через которые реализуется данная защита, а также выявляются функциональные особенности Конституционного Суда РФ в механизме обеспечения правовой охраны личности. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования в сфере конституционного правосудия. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к определению роли судебной системы в процессе восстановления социальной справедливости и преодоления правового нигилизма.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, судебная власть, защита прав человека, правосудие, конституционный контроль, правоприменительная практика, социальная справедливость.

В системе современных публично-правовых отношений одной из наиболее значимых ценностей выступают права и свободы человека, поскольку именно они определяют вектор развития любого демократического государства. Основной закон страны, Конституция Российской Федерации, устанавливает приоритет данных ценностей, возлагая на органы публичной власти обязанность по их обеспечению и защите. При этом важно подчеркнуть, что декларирование прав без наличия эффективного механизма их охраны не способно в полной мере гарантировать реальное положение личности. В этой связи особую актуальность приобретает исследование форм и способов конституционно-правовой защиты, которые позволяют гражданам восстанавливать свои нарушенные права.

Традиционно в юридической науке под формой защиты понимается установленный законом порядок деятельности уполномоченных органов по восстановлению нарушенного права. Обращение в судебные инстанции на сегодняшний день признается наиболее эффективным способом отстаивания своих интересов. [4] Данное право находит свое закрепление не только в национальном законодательстве, но и в международных актах, таких как Всеобщая декларация прав человека, которая провозглашает право каждого на восстановление нарушенных прав компетентными национальными судами. Развивая ука-

занное положение, российская правовая система предусматривает несколько видов судопроизводства, каждый из которых обладает специфическими целями и задачами. В частности, конституционное, гражданское, уголовное и административное судопроизводство имеют свои процессуальные особенности, которые определяются характером рассматриваемых правоотношений. [3]

Если подходить к понятию правосудия широко, то в него помимо деятельности судов принято включать и деятельность иных государственных органов, оказывающих содействие в осуществлении правосудия. К числу таковых, как правило, относят органы прокуратуры, предварительного расследования и другие. Однако, если рассматривать данный институт в узком смысле, то субъектом правосудия выступает исключительно суд, который принимает властное решение по существу спора. В любом случае, именно судебная власть наделена полномочиями по окончательному разрешению правовых конфликтов, возникающих как между физическими лицами, так и между гражданами и государством. [1]

Деятельность судебной системы характеризуется наличием ряда функций, которые позволяют ей эффективно влиять на общественные отношения. Одной из ключевых выступает функция обеспечения конституционного порядка. Ее суть заключается в поддержании един-

ства Конституции РФ на всей территории страны. Судьи и судебное сообщество в рамках данной функции ориентированы на формирование единообразной практики, чтобы нижестоящие инстанции при вынесении решений руководствовались единым пониманием конституционных норм. Помимо этого, значимой является правозащитная функция, в рамках которой главной задачей выступает охрана прав и законных интересов граждан. Конституция прямо указывает, что человек, его права и свободы представляют собой наивысшую ценность, следовательно, деятельность судов должна быть подчинена задаче восстановления нарушенного баланса. [5]

Важно отметить, что, выполняя правозащитную роль, судебные органы не только рассматривают конкретные дела, но и осуществляют контроль за тем, как законодательная и исполнительная ветви власти соблюдают предписания закона. В случаях выявления нарушений со стороны указанных органов, суды реагируют в установленном процессуальным законом порядке, применяя меры, направленные на устранение таких нарушений. Параллельно с этим судебная власть реализует социальную функцию, которая проявляется в управлении социальными процессами. По сути, любой судебный процесс представляет собой столкновение интересов, и задача суда заключается в разрешении подобного конфликта цивилизованным путем.

Нельзя оставить без внимания и правовосстановительную функцию, смысл которой состоит в возвращении потерпевшего лица в положение, существовавшее до момента нарушения его прав. Принимая решение по делу, суд не только констатирует факт нарушения, но и в ряде случаев присуждает компенсацию или обязывает нарушителя совершить определенные действия. Тем самым восстанавливается социальная справедливость и порядок в общественных отношениях. [3] Тесно связана с указанной функцией и функция возложения юридической ответственности. В случае установления факта противоправного деяния суд от имени государства применяет к виновному лицу меры государственного принуждения, которые могут носить как имущественный, так и личный неимущественный характер.

Особое место в системе конституционно-правовой защиты занимает Конституционный Суд Российской Федерации. [2] Данный орган выступает специализированным институтом конституционного контроля, основной целью которого является проверка соответствия нормативных актов Основному закону страны. Полномочия Конституционного Суда достаточно обширны и включают в себя разрешение дел о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных указов Президента, постановлений Правительства, а также законов субъектов федерации. Кроме того, в компетенцию Суда входит толкование конституционных положений, что имеет важнейшее значение для единообразного понимания норм всеми правоприменителями. Интересно, что в процессе своей деятельности Конституционный Суд выступает

с законодательной инициативой по вопросам своего ведения, что свидетельствует о его активном участии в законотворческом процессе.

При рассмотрении жалоб граждан на нарушение их конституционных прав, Суд проверяет конституционность норм, которые были применены в конкретном деле. При этом обращение в Конституционный Суд допускается только после того, как заявитель исчерпал все иные способы судебной защиты. Данное правило подчеркивает исключительный характер конституционного судопроизводства. Важным аспектом деятельности Конституционного Суда является то, что его решения обладают свойствами нормативности. Иными словами, вынесенные им постановления распространяются на неопределенный круг лиц и фактически выступают в роли источника права, обеспечивая единообразие судебной практики. [2]

Несмотря на значительную роль Конституционного Суда, в его деятельности сохраняется ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления. Одной из таких проблем является вопрос о проверке нормативных актов до момента их фактического подписания и вступления в силу. Существуют определенные сложности, связанные с тем, что суд оценивает абстрактную норму, в то время как правоприменительная практика может сталкиваться с различными вариантами ее истолкования. Еще одним дискуссионным моментом выступает отсутствие четкого механизма реализации решений Конституционного Суда в части изменения норм, признанных не соответствующими Конституции. Не всегда понятно, как именно законодатель должен исполнять такие предписания, и в какие сроки это необходимо сделать. Кроме того, в научной среде ведется полемика относительно того, можно ли рассматривать судебный прецедент в качестве полноценного источника права в отечественной правовой системе. Многие исследователи сходятся во мнении, что акты высших судебных инстанций, включая Конституционный Суд, обладают нормативными свойствами, поскольку формируют правовые позиции, обязательные для нижестоящих судов.

В качестве итога можно заключить, что система конституционно-правовой защиты в Российской Федерации представляет собой сложный многоуровневый механизм, в котором ключевая роль отведена судебной власти. Конституционный Суд РФ, выполняя функции специализированного органа конституционного контроля, обеспечивает верховенство Основного закона и выступает важным инструментом в механизме сдержек и противовесов. Вместе с тем, для повышения эффективности его деятельности требуется дальнейшее совершенствование законодательного регулирования, особенно в части порядка исполнения вынесенных решений и определения пределов проверки нормативных актов. Формирование единой и непротиворечивой судебной практики, усиление правовоспитательной составляющей судопроизводства позволят преодолеть правовой нигилизм в обществе и обеспечить надежную охрану прав и свобод граждан.

Литература:

1. Абражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. — Москва: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2024. — 376 с. — ISBN 978-5-238-03839-1.
2. Винокуров, В. А. История законодательного закрепления прав и свобод человека и гражданина в конституциях России: сравнительно-правовое исследование / В. А. Винокуров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2024. — № 2(63). — С. 7–13. — DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-7-13.
3. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2022. — № 3(56). — С. 39–44.
4. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2022. — № 2(55). — С. 63–70.
5. Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2021. — № 3(52). — С. 52–58.
6. Хрулева, В. В. Правосудие как функция судебной власти в современной России / В. В. Хрулева // Пенитенциарная наука. — 2018. — № 4 (44). — С. 29–35.
7. Шеншин, В. М. Российский суд по правам человека: миф или реальность? / В. М. Шеншин // Современное общество и право. — 2021. — № 4(53). — С. 23–29.
8. Адашкин, Д. А. Сущность и социальные функции судебной власти в современной России / Д. А. Адашкин // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 8 (129). — С. 42–51. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.129.8.042-051.
9. Авдеев, М. Ю. Правозащитная функция судебной власти и повышение эффективности судебной системы в России / М. Ю. Авдеев // Право и управление. — 2021. — № 1. — С. 67–69.
10. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — 424 с. — ISBN 978-5-91837-939-4.
11. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. — 976 с.
12. Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации: Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. — Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. — 88 с.
13. Рогожин, Н. А. Роль судебной практики в совершенствовании правового регулирования предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Рогожин. — Москва, 2003. — 24 с.
14. Тамазова, А. Д. Некоторые вопросы правозащитной деятельности Конституционного суда Российской Федерации / А. Д. Тамазова // Общество и право. — 2020. — № 3 (73). — С. 131–135.
15. Петухов, С. В. О некоторых проблемы статуса Конституционного суда Российской Федерации в связи с поправками к Конституции / С. В. Петухов // Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ. — 2020. — № 18. — С. 119–125.

Уникальность российской модели принудительных работ в контексте международного опыта: доктринальные и законодательные аспекты

Муртузалиев Сайгид Зубайруевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию специфики российского уголовного наказания в виде принудительных работ сквозь призму сравнительно-правового анализа. На основе изучения законодательства государств СНГ, европейских стран, США и Японии обосновывается тезис о том, что российская модель принудительных работ, закреплённая в ст. 53.1 УК РФ и гл. 8.1 УИК РФ, не имеет полных аналогов ни в одном иностранном правовом порядке. Выделяются четыре конститутивных признака данного наказания, совокупность которых формирует уникальную юридическую конструкцию. Формулируются предложения по совершенствованию института с учётом позитивного зарубежного опыта.

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное наказание, сравнительное правоведение, ограничение свободы, исправительный центр, альтернатива лишению свободы, международные стандарты, пенитенциарная система.

Реформирование уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на протяжении последних полутора десятилетий сопровождается поиском таких мер государственного принуждения, которые способны обеспечить достижение целей наказания без чрезмерного применения лишения свободы. Международные документы, прежде всего Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила 1990 г.) [1], а также Конвенция МОТ № 29 о принудительном труде [2], задают ориентиры для национальных законодателей, побуждая расширять арсенал альтернативных санкций. На этом фоне введение Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [3] нового наказания — принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ [4]) — стало одной из наиболее значимых законодательных новелл, породивших оживлённую доктринальную дискуссию. Реальное применение этого института началось лишь в 2017 г., что актуализирует вопрос о том, насколько созданная Россией модель вписывается в палитру зарубежных подходов и в какой мере она обладает собственной спецификой.

Содержание принудительных работ раскрывается через совокупность четырёх взаимосвязанных элементов, которые в доктрине квалифицируются как конститутивные признаки данного наказания. Порядок исполнения регулируется гл. 8.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [5]. В. В. Буш, посвятивший им специальное диссертационное исследование, выделяет следующие составляющие: обязанность осуждённого трудиться в местах, определяемых администрацией учреждения, исполняющего наказание; частичное ограничение личной свободы путём содержания в исправительном центре без полной изоляции от общества; осуществление постоянного надзора за поведением лица; удержание от пяти до двадцати процентов заработной платы в доход государства [6, с. 15]. Именно соединение всех четырёх элементов в рамках одной санкции формирует юридическую конструкцию, которую трудно обнаружить в зарубежном праве в «чистом» виде. В этом смысле принудительные работы занимают промежуточное положение между классическим лишением свободы и мерами, не связанными с изоляцией, что придаёт им, по выражению того же автора, «гибридный» характер [6, с. 4].

Сравнительный анализ законодательства стран Содружества Независимых Государств показывает, что наиболее близким по карательному потенциалу наказанием является ограничение свободы, однако оно лишь фрагментарно воспроизводит конститутивные признаки российского института. Характерен опыт Республики Беларусь, где ограничение свободы закреплено в двух формах: с направлением в исправительное учреждение открытого типа и без такового — по месту жительства осуждённого

[7]. Белорусская модель предусматривает обязательное привлечение к труду и надзор, однако отличается тем, что в ней отсутствует механизм процентных удержаний из заработка, аналогичный российскому. Кроме того, за злостное неподчинение администрации учреждения белорусский законодатель устанавливает более строгие последствия — вплоть до самостоятельного состава преступления, тогда как российское право ограничивается заменой неотбытого срока лишением свободы (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). Д. Н. Садчикова, исследовавшая зарубежные аналоги принудительных работ, справедливо указывает: «нельзя говорить о полном отождествлении ограничения свободы с принудительными работами, ведь страны СНГ только частично, фрагментарно воспроизводят признаки изучаемого вида уголовного наказания» [8, с. 194].

В Казахстане ограничение свободы (ст. 44 УК РК [9]) претерпело существенную трансформацию: оно включает пробационный контроль и обязанность привлечения к принудительному труду, однако осуществляется без помещения лица в специализированное учреждение, что кардинально отличает казахстанский подход от российского. Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривает содержание осуждённого в учреждении, включающем социальную изоляцию, с осуществлением за ним надзора (ст. 54 УК РТ [10]), но не содержит нормы об обязательном привлечении к труду, лишая наказание ключевого элемента, свойственного российской конструкции. Узбекский законодатель также закрепляет ограничение свободы (ст. 48–1 УК РУз [11]), однако принудительные работы как самостоятельный вид наказания ему неизвестны; исправительные работы предусматривают удержание от десяти до тридцати процентов заработка, но отбываются по месту работы осуждённого, а не в исправительном центре. Таким образом, ни одна из рассмотренных правовых систем стран СНГ не содержит санкции, в которой одновременно присутствовали бы все четыре выделенных признака.

Обращение к европейскому опыту подтверждает этот вывод, хотя и обнаруживает любопытные параллели. В Латвии наказание, именуемое «принудительные работы» (ст. 40 УК Латвии), по существу представляет собой неоплачиваемый труд продолжительностью от сорока до двухсот восьмидесяти часов, выполняемый в свободное от основной деятельности время в окрестностях места жительства, — конструкция, идентичная скорее российским обязательным работам, нежели принудительным [12]. Литовская модель ограничения свободы (ст. 48 УК Литвы) ближе к российскому институту: она соединяет ограничение личной свободы с обязанностью трудиться и отчитываться перед органами пенитенциарной системы. Примечательно, что литовский законодатель наделяет суд правом устанавливать дополнительные запреты — на по-

сещение определённых мест, общение с определёнными лицами, — чем достигается более высокая степень индивидуализации наказания [13]. При этом важнейшее отличие состоит в том, что литовское ограничение свободы отбывается строго по месту жительства, а не в специализированном учреждении.

Польский уголовный закон (ст. 34–35 УК Польши) предусматривает ограничение свободы, включающее бесплатный труд от двадцати до сорока часов в месяц на предприятиях и в учреждениях, избираемых судом. Своеобразие польской модели проявляется в праве суда обязать осуждённого отчислять от десяти до двадцати пяти процентов заработка в государственную казну либо на социально полезные цели, а также в институте куратора — контролирующего субъекта, назначаемого из числа доверенных лиц или общественных организаций [14]. Английская система акцентирует внимание на общественных работах (*community service order*): осуждённый безвозмездно отработывает от сорока до двухсот сорока часов в парках, больницах и иных учреждениях, а функцию надзора выполняют службы пробации [15]. Ни польская, ни английская модели не предполагают содержания осуждённого в каком-либо учреждении. А. Коряк, резюмируя сравнительный обзор, подчёркивает, что «принудительные работы в понимании российского уголовного кодекса зарубежным уголовным законодательством не предусмотрены» [16, с. 122].

Опыт государств, принадлежащих к семье общего права, также не даёт прямых аналогий. В Соединённых Штатах с 1982 г. применяется пробация с интенсивным надзором — институт, при котором суд возлагает на осуждённого широкий круг обязанностей, включая выполнение неоплачиваемой работы в пользу бесприбыльных организаций, реституцию потерпевшему и возмещение расходов на осуществление контроля [8, с. 197]. Эта мера, выполняя функции, близкие к принудительным работам, принципиально отличается по механизму реализации: осуждённый не помещается в специальное учреждение, а его обязанности носят предельно гибкий характер, варьируясь от запрета управления автомобилем до обязательного лечения. Важные изменения произошли и в Японии, где пересмотренный в 2022 г. Уголовный кодекс, вступивший в силу 1 июня 2025 г., объединил наказания в виде лишения свободы с принудительным трудом и лишения свободы без принудительного труда в единый вид, сделав акцент на реабилитации и образовании: труд более не является безусловной обязанностью каждого заключённого [17]. Японская реформа наглядно демонстрирует глобальный тренд — переход от принуждения к труду как самоцели к его использованию в качестве одного из средств ресоциализации.

Практическое измерение проблемы связано с организацией труда осуждённых к принудительным работам. Принятие Федерального закона от 3 апреля 2023 г. № 102-ФЗ [18] открыло возможность привлечения осуждённых к труду в коммерческих организациях и у ин-

дивидуальных предпринимателей, что вызвало интерес крупного бизнеса. С. Н. Минсафина и А. В. Божков отмечают, что компания Ozon реализует социальный проект, предоставляя рабочие места более чем пятистам осуждённым, проходящим личные собеседования и получающим профессиональное обучение. Зарубежный опыт привлечения труда осуждённых к лишению свободы также заслуживает внимания: в Германии свыше восьми-десяти компаний, включая BMW, Volkswagen и Siemens, используют труд заключённых; в США государственная корпорация UNICOR производит десятки видов товаров силами осуждённых [19, с. 550]. Вместе с тем между трудом осуждённых в местах лишения свободы и трудом в рамках принудительных работ существует качественное различие: в российской модели труд является не режимной составляющей заключения, а самостоятельным карательным элементом, сопряжённым с удержанием части заработка и содержанием в открытом учреждении.

Д. А. Захаренко, обобщая зарубежную пенитенциарную практику, фиксирует, что теория уголовно-исполнительного права большинства государств рассматривает труд осуждённых как средство поддержания дисциплины, исправления и профилактики рецидивов, однако материальная выгода от такого труда не считается приоритетной целью [20, с. 77]. Российская модель, вводя удержания из заработка в качестве обязательного элемента, придаёт наказанию выраженную фискальную составляющую — функцию, которую В. В. Буш относит к специальным функциям принудительных работ наряду с частичным ограничением личной свободы, исправительно-трудовым воздействием и лишением права самостоятельного выбора профессиональной деятельности [6, с. 9–10]. Ни одна из рассмотренных зарубежных моделей не аккумулирует все четыре функции одновременно, что подкрепляет тезис об уникальности отечественной конструкции.

Признание уникальности российских принудительных работ не означает, что данный институт лишён оснований для совершенствования. Сравнительный анализ выявляет несколько перспективных направлений. Во-первых, опыт Литвы свидетельствует о целесообразности расширения дискреционных полномочий суда при определении конкретного набора правоограничений, что позволило бы глубже индивидуализировать наказание. Во-вторых, законодательство ряда государств (Белоруссия, Литва, Латвия) допускает отбывание аналогичных наказаний по месту жительства, что, как отмечает Д. Н. Садчикова, «видится наиболее гуманной и приемлемой мерой в условиях необходимости сохранения социальных связей осуждённого» [8, с. 198]. В России же дефицит исправительных центров — по данным ФСИН, они функционируют лишь в 61 субъекте — вынуждает направлять осуждённых в иные регионы, что негативно сказывается на их правосознании и противоречит альтернативному характеру наказания. В-третьих, широкое распространение электронного мониторинга в рамках пробации с интенсивным надзором

в США и ряде европейских стран указывает на потенциал внедрения технических средств контроля, способных снизить нагрузку на персонал исправительных центров.

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет утверждать, что российская модель принудительных работ является уникальным явлением в мировой пенитенциарной практике. Ни в государствах СНГ, где ограничение свободы лишь фрагментарно воспроизводит отдельные признаки данного института, ни в европейских правовых системах, тяготеющих к общественным работам без содержания в учреждении, ни в странах общего права, где доминирует пробационная модель, — нигде не обнаруживается санкция, одновременно сочетающая обязательный труд, содержание в открытом учреждении, постоянный

надзор и материальное обременение в виде удержаний из заработка. Этот вывод, впервые обоснованный в диссертационном исследовании В. В. Буша и подтверждённый последующими работами Д. Н. Садчиковой и А. Коряка, остаётся актуальным и после вступления в силу японской реформы 2025 г., продемонстрировавшей противоположный вектор — отказ от обязательности труда в пенитенциарных учреждениях. Дальнейшее научное осмысление российской модели, её достоинств и уязвимых мест представляется необходимым условием повышения эффективности принудительных работ как промежуточного наказания, призванного сократить масштабы применения лишения свободы при сохранении надлежащего уровня карательного воздействия.

Литература:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (Приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3Te9Px> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28 июня 1930 г. на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1956. — № 13. — Ст. 279.
3. Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362; 2016. — № 27 (ч. II). — Ст. 4262.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2026. — № 15. — Ст. 1867.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198; 2025. — № 31. — Ст. 4677.
6. Буш В. В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 22 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 76, 2/50.
8. Садчикова Д. Н. Принудительные работы как вид уголовного наказания в уголовно-правовых предписаниях зарубежных государств // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 2. С. 192–199.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2014. — № 13 (2662). — Ст. 83.
10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. — 1998. — № 9. — Ст. 68–70.
11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. — 1995. — № 1.
12. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 1 апреля 1999 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://clck.ru/3Te9bA> (дата обращения: 01.05.2026).
13. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. № VIII-1968 // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://clck.ru/3Tp4Zv> (дата обращения: 01.05.2026).
14. Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://clck.ru/3Te9eh> (дата обращения: 01.05.2026).
15. The Criminal Justice Act 2003 (Chapter 44, updated up to March 17, 2021) // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://clck.ru/3Te9jQ> (дата обращения: 01.05.2026).
16. Коряк А. Зарубежный опыт правового регулирования наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2–2(41). С. 120–124.
17. В Японии реформа тюремной системы сосредоточена на реабилитации заключенных // Издательство The Japan Times. URL: а (дата обращения: 01.05.2026).
18. Федеральный закон от 03 апреля 2023 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 14. — Ст. 2379.

19. Минсафина С. Н., Божков А. В. Привлечение осуждённых к общественно-полезному труду: зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 549–550.
20. Захаренко Д. А. Основные взгляды на привлечение к труду осуждённых в зарубежных странах // Вузовская наука как составной элемент подготовки специалистов. Псков, 2023. С. 76–77.

Преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды

Никонов Леонтий Евгеньевич, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье проведено исследование проблем, связанных с определением мотива религиозной ненависти или вражды по преступлениям, предусмотренным нормами уголовного права Российской Федерации, а также выведены возможные пути их решения.

Ключевые слова: религия, ненависть, вражда, преступление, квалификация.

В теории уголовного права, а также смежных науках, наблюдаются затруднения относительно квалификации преступлений, где мотивом выступает религиозная ненависть или вражда. Чтобы эффективно бороться с данным видом преступности, необходимо правильно определять признаки и дополнительные характеристики преступлений, совершенных по данному мотиву.

В Российской Федерации показатели преступлений, совершенных на фоне религии, постоянно меняются — так к началу 2026 года их количество существенно увеличилось. Стоит указать, что указанный мотив актуален для убийств, хулиганства и вандализма, а также иных видов преступлений. Примерами подобных преступных посягательств является: осквернение религиозных кладбищ, нападения на церкви и святыни и многое другое. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев вышеуказанные деяния, не связанные с причинением вреда человеку, квалифицируются в качестве хулиганства [2, с. 235].

Указанный подход к квалификации является неправильным, поскольку он не учитывает личность преступника и условия совершения преступления. Для преступлений, которые совершены по рассматриваемому мотиву, на субъективную сторону и саму характеристику субъекта необходимо уделять дополнительное внимание. Не лишним является составление портрета лица, совершившего преступление. Можно констатировать тот факт, что данные лица совершают преступления по мотиву религиозной ненависти или вражды, являясь членом какой-либо радикальной религиозной организации, либо разделяют крайне деструктивные взгляды относительно отдельных религий.

Основная проблема анализируемых преступлений заключается в том, что принимаемые государством меры по борьбе с проявлениями экстремизма в контексте религиозных конфессий, являются малоэффективными. Во многом это подтверждается правоприменительной

практикой — многие меры направлены, не на последовательное уменьшение проявления экстремизма, а лишь на преодоление уже возникшей проблемы в отношении конкретной религии. Иными словами, современное правовое регулирование в полной мере не отвечает будущим возможным вызовам борьбы с экстремизмом, что непосредственно влияет на сохранение показателей рассматриваемых преступлений [5, с. 44].

Во многом совершение преступлений по мотивам религиозной ненависти или вражды обусловлено низким уровнем правовой и социальной культуры населения — на уровне различных образовательных учреждений не ведется достаточная работа относительно истории и специфики различных религиозных течений.

Анализ различных научных источников позволяет сделать вывод о том, что подобные преступления совершаются в целях демонстрации своего негативного отношения к той или иной религии. Своими действиями субъект подчеркивает неправильность чужого исповедания, его несостоятельность и необходимость искоренения. При этом такие люди сами считают себя истинно верующими, определяют свою религию, как исключительно правильную и единственно верную для населения государства, в котором они проживают.

Подобные радикальные подходы к выстраиванию мотива преступления характеризуют вышеуказанные преступления, как преступления с повышенной опасностью. Проблема заключается в том, что на практике определить такой мотив не всегда представляется возможным — он может быть скрытым, либо проявиться в определенный момент при достижении определенных результатов преступления [4, с. 122].

У религиозного мотива имеется две составные части, которые отражаются в соответствующих положениях уголовного законодательства — это религиозная вражда и религиозная ненависть. По мнению исследователей, подобное разграничение обусловлено тем, чтобы охватить

все возможные негативные проявления человека, выраженные относительно «чужой» религии. Поэтому подавляющее большинство ученых признают эти понятия синонимичными.

Однако если обратиться к положениям Уголовного кодекса Российской Федерации [1], можно заметить, что законодатель разделяет эти понятия союзом «или», подчеркивая их различие, которое должно учитываться при квалификации. Можно предположить, что ненависть в рассматриваемом контексте является активным проявлением отрицательной эмоциональной и чувственной оценки иной религии, которое вступает в противоречие с его ценностями и моральными ориентирами. В свою очередь, вражда может восприниматься в качестве активного действия, сопряженного с открытой неприязнью и ненавистью. Представляется возможным посчитать, что вражда является аккумулярующим понятием по отношению к ненависти, так как её проявление порождает более масштабные последствия. Вражда проявляется в тяжких и особо тяжких преступлениях, в то время как религиозная ненависть трактуется в качестве эмоционального порыва, послужившего основой для формирования мотива преступления [4, с. 123].

Проще говоря, вражда может трактоваться в качестве внешнего проявления, влияющего на объективную сторону совершенного преступления, а ненависть может выступать самостоятельной характеристикой субъективной стороны рассматриваемых преступлений.

К сожалению, на законодательном уровне не дается детальных разъяснений относительно разграничения двух вышеуказанных понятий, что создает проблемы в правоприменительной практике при квалификации подобных преступлений.

Среди исследователей все чаще наблюдается позиция относительно того, что религиозная вражда должна быть выделена в качестве отдельного самостоятельного признака объективной стороны преступления, так как именно вражда является активным внешним проявлением в отношении лиц или объектов, связанных с иной религией [3, с. 109].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на уровне уголовного законодательства наблюдается проблема разграничения понятий «религиозная ненависть» и «религиозная вражда». На мой взгляд, необходимо изменить подход к законодательному регулированию данного квалифицирующего признака, оставив мотив религиозной ненависти, поскольку, как уже было указано ранее, религиозная вражда — это самостоятельное понятие, характеризующее внешнее проявление действий субъекта.

Чтобы устранить данную проблему, необходимо внести соответствующие изменения в составы преступлений, где квалифицирующим признаком выступает указанный мотив, а также стоит внедрить дополнительную статью, которая будет характеризовать содержание данного мотива в полном объеме, что позволит выстроить эффективную практику квалификации подобных преступлений.

Решение данной проблемы позволит изменить подход к раскрытию и расследованию преступлений, совершенных по мотивам религиозной ненависти и вражды, что является одним из важнейших направлений современного уголовного процесса в России, поскольку наша страна является многонациональным, светским государством с республиканской формой правления, в связи с чем необходимо исключить все возможные проявления ненависти, обеспечив гармоничное развитие российского общества в будущем.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) //Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Гончаров Ю. Н. Преступления, совершенные на почве политической, идеологической или религиозной ненависти или вражды, как проявление социального конфликта / Ю. Н. Гончаров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2025. — № 2 (163). — С. 234–240.
3. Дятлова Е. В. К вопросу о детерминантах преступлений, совершаемых по мотиву расовой, национальной, религиозной или политической ненависти или вражды / Е. В. Дятлова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 4. — С. 107–110.
4. Дятлова Е. В. К вопросу о проблеме разграничения расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды / Е. В. Дятлова // Юридическая наука. — 2022. — № 4. — С. 121–123.
5. Малинина Я. В. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых по мотивам ненависти или вражды / Я. В. Малинина // Вестник Академии права и управления. — 2023. — № 1 (71). — С. 43–48.

Не всё самовольное незаконно: эволюция упрощённого порядка легализации объектов вспомогательного использования и амнистий объектов, возведённых без разрешения

Новиков Сергей Валериевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье анализируется развитие российского законодательства в части упрощённого порядка кадастрового учёта и регистрации прав на объекты, возведённые без разрешения на строительство. Рассматриваются критерии отнесения строений к вспомогательным, соотношение понятий «самовольная постройка» и «объект вспомогательного использования», а также судебная практика, включая позиции Верховного суда РФ. Особое внимание уделено дачной и гаражной амнистии, мнениям учёных о регистрации как внесудебном способе признания прав на объекты.

Ключевые слова: объект вспомогательного использования, самовольная постройка, разрешение на строительство, дачная амнистия, гаражная амнистия, кадастровый учёт.

В массовом правосознании любое строение, возведённое без разрешения на строительство, автоматически может быть признано самостроем, подлежащим сносу. Тем не менее тезис «Не всё самовольное незаконно» можно отнести к развивающемуся законодательству и судебной практике Российской Федерации. Как справедливо отмечается в разъяснениях Росреестра [4], существует целый пласт объектов, которые создаются без разрешительных документов, но при этом являются легальными и даже могут быть зарегистрированы. Это прежде всего объекты вспомогательного использования, а также постройки, подпадающие под дачную или гаражную амнистию.

Цель настоящей статьи — показать эволюцию правового регулирования, в рамках которой законодатель последовательно расширяет возможности граждан и юридических лиц по легализации построек, возведённых без нарушения градостроительных и иных обязательных требований, но без формального разрешения.

Градостроительный кодекс РФ [2] прямо указывает: выдача разрешения на строительство не требуется в случае строительства на земельном участке строений и сооружений вспомогательного использования. Однако Кодекс не даёт легального определения такого объекта. Восполняя этот пробел, Росреестр в указанном выше письме от 13.04.2020 № 3215-АБ/20 в пункте 1 разъясняет: к объектам вспомогательного использования относятся здания, строения, сооружения, не имеющие самостоятельного хозяйственного назначения и предназначенные для обслуживания другого (главного) объекта капитального строительства.

Ключевые критерии:

- наличие на земельном участке основного объекта;
- функциональная связь: вспомогательный объект обслуживает основной;
- размещение на одном земельном участке с основным;
- возможность строительства как до, так и после возведения основного объекта.

Верховный суд РФ в определениях от 11.03.2015 № 308-ЭС15-1282, от 10.12.2018 № 306-ЭС18-20002 подтвердил, что критерием отнесения объекта к вспомогательным является именно наличие основного здания, строения или сооружения на участке. При этом, если объект имеет самостоятельную функцию (например, магазин при торговом центре), он не может считаться вспомогательным, даже если его площадь меньше. Не могут быть отнесены к вспомогательным объекты, имеющие одинаковую функцию с основными [8; 9].

Показательно определение Верховного суда РФ от 14.01.2019 № 306-ЭС18-24283: постройка, оснащённая кран-балкой, отнесена к объектам повышенного уровня ответственности, не связана со строительством гаражей и линейного сооружения, поэтому для неё требовалось разрешение на строительство [10]. Таким образом, один лишь факт отсутствия разрешения не делает объект автоматически самовольным, но и не освобождает от соблюдения градостроительных регламентов.

Упрощённый порядок оформления прав на отдельные объекты недвижимости начал формироваться с Федерального закона от 30.06.2006 № 93-ФЗ, известного как дачная амнистия. Первоначально он охватывал земельные участки, предоставленные для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, садоводства, а также объекты, для строительства которых не требовалось разрешения.

Важнейшее нововведение установлено ч. 10 ст. 40 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон о регистрации): кадастровый учёт и регистрация прав на созданное здание или сооружение, для строительства которого не требуется разрешения, осуществляются на основании технического плана и правоустанавливающего документа на земельный участок. При этом сведения в технический план вносятся на основании декларации, составленной и заверенной правообладателем земельного участка (ч. 11 ст. 24 Закона о регистрации) [3].

Законодатель последовательно расширяет сроки: упрощённая процедура дачной амнистии продлена до 1 марта

2031 года (Федеральный закон от 30.12.2021 № 478-ФЗ) [5]. Под её действие подпадают садовые и жилые дома, хозяйственные постройки (гаражи, погреба, навесы, теплицы, сараи, бани). Не требуется разрешения на строительство для любых построек на садовых участках (п. 1 ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации), что подтверждает неограниченность такой амнистии по сроку для жилых строений на садовых участках.

Однако, как отмечается в литературе, государственная регистрация выступает внесудебным способом признания прав на объекты, которые формально могли бы считаться самовольными, если бы не их вспомогательный характер. Д. Ю. Жогов и С. Е. Малета в работе «Государственная регистрация как внесудебный способ признания прав на самовольные постройки» подчёркивают: регистрация права на объект, возведённый без разрешения, возможна лишь при отсутствии признаков самостроя по ст. 222 Гражданского кодекса РФ и при соответствии целевому назначению участка [14].

Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ, а затем и Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ ввели понятие «гаражная амнистия». Основная цель — легализовать гаражи, построенные до 30 декабря 2004 года (до введения в действие Градостроительного кодекса РФ). Граждане вправе бесплатно получить в собственность земельный участок под гаражом в упрощённом порядке. Срок действия — до 1 сентября 2026 года (в Госдуме на рассмотрении находится проект закона о продлении гаражной амнистии до 2031 года).

При этом важно понимать, что под амнистией не подпадают гаражи-ракушки (некапитальные), гаражи на территории садовых некоммерческих товариществ, подземные гаражи, а также гаражи, построенные после 30 декабря 2004 года. При отсутствии правоустанавливающих документов допускается представление договоров о подключении к сетям, оплате коммунальных услуг. Это кардинально упрощает жизнь миллионам граждан, у которых на руках нет никаких документов, кроме членской книжки гаражно-строительного кооператива.

Верховный суд РФ в «Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утверждено Президиумом Верховного суда РФ 16.11.2022), а также в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 12.12.2023 № 44 сформулировал ключевые подходы:

1. Объект вспомогательного использования не является самовольной постройкой, если он возведён на принадлежащем лицу участке, соблюдены градостроительные регламенты и он действительно обслуживает основной объект. В силу прямого указания закона отсутствие разрешения на строительство не влечёт признания постройки самовольной.

2. Критерий недвижимости (ст. 130 Гражданского кодекса РФ) имеет принципиальное значение: если объект не имеет прочной связи с землёй (металлический гараж-ракушка, теплица, навес), он не является недвижимостью и его регистрация невозможна. Как указывает

С. М. Марков в работе «Определение понятия недвижимости», для признания вещи недвижимой необходимо совокупное наличие следующих факторов: прочная связь с землёй, невозможность перемещения без несоразмерного ущерба, создание в установленном порядке как объекта капитального строительства [15].

3. Неделимость вещи (ст. 133 Гражданского кодекса РФ) не превращает движимое имущество в недвижимое. Замена составных частей не влечёт появления новой вещи, если существенные свойства сохраняются.

В определении Верховного суда РФ от 12.07.2019 № 307-ЭС19-5241 указана необходимость оценивать доводы об осуществлении инвестиций в обновление оборудования и его учёте в качестве основных средств, что позволяет отграничить движимое имущество от недвижимости [11].

Д. Н. Кархалев и М. В. Громоздина в статье «Самовольная постройка в гражданском праве» [16] обращают внимание на необходимость разграничения публично-правовых (отсутствие разрешения) и частноправовых (нарушение прав третьих лиц, несоответствие целевому назначению) последствий. Авторы обоснованно полагают, что самовольная постройка — это прежде всего объект, созданный с нарушением закона, а не просто без получения разрешения. С этой точки зрения объекты вспомогательного использования не являются самостроем, если соблюдены регламенты.

Ю. С. Яцкевич и М. С. Кротов в работе «Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении судом вопроса о возможности сохранения объекта самовольного строительства» [17] выделяют проблему: суды часто отказывают в сохранении постройки лишь из-за отсутствия разрешения на строительство, даже если объект не нарушает ничьих прав. Это противоречит правовой позиции Конституционного суда РФ и принципу пропорциональности.

Поддерживая данный подход, следует заключить: упрощение регистрации объектов вспомогательного использования, дачная и гаражная амнистии — это движение в сторону разумного баланса между публичным порядком и частными интересами. Однако, как верно отмечает Росреестр, даже при отсутствии разрешения на строительство необходимо соблюдение:

- видов разрешённого использования земельного участка (ст. 37, 38 Градостроительного кодекса РФ);
- градостроительного регламента;
- требований о недопустимости самовольной постройки по ст. 222 Гражданского кодекса РФ.

Заключение

Таким образом, утверждение «Не всё самовольное незаконно» находит полное подтверждение в действующем праве. Объекты вспомогательного использования, жилые и садовые дома на участках для индивидуального жилищного строительства и садоводства, построенные до 2004 года гаражи — все они могут быть легализованы без судебного решения в упрощённом порядке, если отсутствуют иные нарушения закона.

Основные выводы:

1. Ключевой критерий легальности постройки без разрешения — её вспомогательный характер по отношению к основному объекту и соответствие градостроительным регламентам.
2. Верховный суд РФ последовательно разграничивает формальное отсутствие разрешения и материальную незаконность постройки (нарушение прав, опасность, нецелевое использование).
3. Дачная и гаражная амнистии продлены до 2031 года, что свидетельствует о долгосрочной политике государства по вовлечению в оборот существующих объектов.

4. Научная дискуссия подтверждает необходимость внесудебных механизмов признания прав, но при сохранении контроля за соблюдением строительных и земельных норм.

В конечном счёте упрощение порядка регистрации объектов вспомогательного использования и амнистия отдельных категорий построек — это не ослабление законности, а её рационализация, позволяющая защитить права добросовестных застройщиков и собственников, а также дополнительный механизм влияния на владельцев неучтённых объектов недвижимости с целью их учёта и в конечном счёте пополнения бюджета.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (редакция от 31.10.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.04.2026).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (редакция от 23.03.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 29.04.2026).
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (редакция от 28.02.2025) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 29.04.2025).
4. Письмо Росреестра от 13.04.2020 № 3215-АБ/20 «Об объектах вспомогательного использования» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_223191/ (дата обращения: 21.05.2025).
5. Федеральный закон от 30.12.2021 № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 28.06.2022) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405468/ (дата обращения: 28.04.2026).
6. Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 29.10.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381391/ (дата обращения: 28.04.2026).
7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 24.07.2023) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452655/ (дата обращения: 28.04.2026).
8. Определение Верховного суда РФ № 308-ЭС15-1282 от 11.03.2015 по делу № А32-13191/2014 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=420511&demo=1> (дата обращения: 29.04.2026).
9. Определение Верховного суда РФ № 306-ЭС18-20002 от 10.12.2018 по делу № А49-9917/2016 // ГАРАНТ: справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/72127252/> (дата обращения: 29.04.2026).
10. Определение № 306-ЭС18-24283 от 14.01.2019 по делу № А49-11317/2016 // ГАРАНТ: справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/72133018/> (дата обращения: 29.04.2026).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 307-ЭС19-5241 от 12.07.2019 по делу № А05-879/2018 // ГАРАНТ: справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/72296734/> (дата обращения: 29.04.2026).
12. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного суда РФ 16.11.2022) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431506/ (дата обращения: 29.04.2026).
13. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464555/ (дата обращения: 29.04.2026).
14. Жогов Д. Ю., Малета С. Е. Государственная регистрация как внесудебный способ признания прав на самовольные постройки // Право и экономика. — 2007. — № 3. — С. 18–20.
15. Марков С. М. Определение понятия недвижимости / Материалы XIII Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей» (под ред. И. А. Шаралдаевой). — 2019. — С. 43–47.

16. Кархалев Д. Н., Громоздина М. В. Самовольная постройка в гражданском праве // Современное право. — 2025. — № 3. — С. 74–78.
17. Яцкевич Ю. С., Кротов М. С. Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении судом вопроса о возможности сохранения объекта самовольного строительства // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. — 2024. — № 2 (33). — С. 60–65.

О некоторых вопросах участия общественных организаций в экологических правоотношениях

Орлов Николай Григорьевич, студент;

Иродов Владимир Юрьевич, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные вопросы участия общественных организаций в экологических правоотношениях. Анализируется конституционное право на благоприятную окружающую среду, выявляются системные препятствия его реализации. На примере конкретного судебного прецедента исследуется проблема доступа экологических НКО к правосудию, обосновывается необходимость законодательного закрепления их процессуальной правоспособности. Предлагается точечное изменение в Федеральный закон «Об охране окружающей среды».

Ключевые слова: экологические правоотношения, общественные организации, охрана окружающей среды, судебная защита, конституционное право.

Исторически богатый ресурсный потенциал России является основой экономики России, это определяет основу её экономического и стратегического направления развития. Данное обстоятельство порождает особый комплекс отношений в сфере природопользования, где тесно переплетаются права и обязанности, а также законные интересы государства, хозяйствующих субъектов и самой экологии [1]. Именно поэтому существует объективная необходимость в четкой и ясной правовой базе, регулирующей общественные отношения в области охраны окружающей среды.

Среди всех конституционных прав особое место занимает право на благоприятную окружающую среду, которое главным законом рассматривается как базовое и неотчуждаемое право личности. Оно охватывает все аспекты человеческой жизни, включая условия существования, а также экономические, экологические и эстетические факторы. Суть этого права заключается в обеспечении такого качества внешней среды, при котором быт, отдых и профессиональная деятельность соответствуют санитарно-гигиеническим и эпидемиологическим стандартам.

Эти принципы, помимо Конституции, закреплены в главном акте экологического законодательства России — Федеральном законе «Об охране окружающей среды». После его вступления в силу в 2002 году было издано также множество подзаконных нормативных актов. К примеру, глава Росприроднадзора С. Г. Радионова в ходе встречи с Президентом отметила, что лишь за отрезок с 2020 по 2025 год принято свыше трёхсот актов в области охраны окружающей среды [2]. Это наглядно демонстри-

рует высокую заинтересованность и серьёзную вовлечённость государства в деятельность по исполнению конституционных норм.

Однако, несмотря на четкое конституционное закрепление, а также активную деятельность законодателя по обновлению и добавлению экологических норм, их действительная реализация сталкивается со множеством фундаментальных, систематических препятствий. Эти препятствия имеют как нормативный характер, выраженный во внутреннем противоречии, нечеткости формулировок «благоприятной» среды, длительном и сложном процессе проведения связей причины и следствия при возмещении вреда, так и проблемы чисто исполнительного характера [3].

Начать стоит с ключевой проблемы: декларируемые права должны быть обеспечены процедурами их защиты, которые должны отвечать критерию эффективности, и в то же время функции контролирующих государственных органов рассредоточены, а в некоторых случаях и дублируются, что естественно сказывается на их эффективности. В свете обозначенных проблем явственно выступает фундаментальное противоречие между крайне значительным уровнем того, что декларирует Конституция, и тем, как фактически складывается правоприменительная практика.

Пример затруднений, с которыми сталкиваются общественные организации при обращении в суд, ярко проиллюстрирован случаем, описанным в пункте 25 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, посвященном вопросам природоохранного зако-

нодательства. Экологическая общественная организация, действующая на межрегиональном уровне, подала иск в суд, требуя прекращения работы комплекса для переработки мусора. В иске указывается, что деятельность комплекса вредит окружающей среде и нарушает право всех граждан на благоприятные условия жизни.

Суды, рассматривая дело на двух инстанциях, приняли решение о прекращении производства. Вероятно, судьи посчитали, что общественная организация не имеет права подавать такой иск, поскольку ее действия направлены не на защиту собственных интересов, а на интересы третьих лиц. В результате, у граждан практически исчезла возможность обратиться в суд за защитой своих экологических прав.

Высшая судебная инстанция страны отклонила подход нижестоящих звеньев, аннулировала вынесенные акты и выявила кардинальную ошибку в понимании процессуального статуса природоохранных некоммерческих структур. Судебный состав сделал акцент на том, что, согласно процессуальным кодексам, а также закону о некоммерческих формированиях, юрлица вправе выступать в защиту третьих лиц, если это допускается прямыми предписаниями закона, содействуя реализации публичных целей, ради которых они были созданы.

Значительное место в мотивировочной части занял анализ природоохранной нормативной базы. Исходя из норм экологического права, НКО и объединения обладают инструментарием для осуществления активной деятельности, включая направление в судебные органы заявлений о принудительной остановке, ограничении или полном запрете работ, разрушающих природную среду. Также высшая инстанция оперлась на руководящие разъяснения [4], где подчеркивается, что зарегистрированные некоммерческие экологические организации выступают автономными субъектами обращения за судебной защитой в соответствующей сфере.

Поскольку уставная документация истца полностью охватывала природоохранную тематику, а суть требований сводилась к защите воздуха и экологии в целом, Верховный Суд констатировал, что прекращение производства по делу было лишено оснований. Данный акт играет определяющую роль для судебной практики: он четко обозначает, что способность объединений требовать через суд ликвидации экологических угроз — не вспомогательная опция, а обязательный компонент механизма обеспечения гарантированного Конституцией права на благоприятную среду.

Данная спорная ситуация, разрешившаяся лишь на уровне ВС РФ, возникла не по причине отсутствия правового регулирования, а из-за двух обстоятельств: во-первых, из-за разорванности и слабой системности регулирования — взаимодополняющие положения оказались рассеяны по разным актам — и следующего из этого сугубо канцелярского подхода к трактовке возможностей экологических НКО, при котором нижестоящие судьи не заметили нарушение материальных прав заявителя. Суды

первой и второй инстанций, оценивая требование общественной организации о прекращении функционирования вредоносного предприятия, решили, что заявитель защищает не свои интересы, а права широкого круга лиц, и прекратили процесс, проигнорировав при этом отраслевые экологические и общественные нормы. Верховный Суд, исправляя эту ошибку, зафиксировал: экологические НКО защищают именно общественный, а не частный интерес, и бремя доказывания ущемления собственных прав на них не лежит. Вместе с тем, несмотря на обязательность данного указания в рассматриваемом кейсе, оно не убирает глубинную причину проблемы — сложный дизайн нормативного материала, который может и впредь провоцировать формальные отказы, пусть и не имеющие злого умысла.

Логичным и действенным шагом видится внесение поправок в ключевую статью профильного экологического закона. Новая редакция должна прямо разрешать НКО и объединениям экологической направленности заявлять требования о приостановлении, недопущении или прекращении деструктивной активности в интересах неопределенного круга лиц. На уровне закона должно быть зафиксировано недопущение возврата исков или закрытия дел по мотиву отсутствия полномочий на предъявление требований у подобной организации. Реализация этой поправки снимет саму основу для бюрократических отказов, так как легализует общественно-правовую миссию таких исков. Внедрение этой нормы не перегрузит правовую систему, поскольку действующие процессуальные регламенты уже содержат механизмы, позволяющие организациям защищать интересы других лиц при условии формального закрепления такого права в отраслевом законодательстве.

Однако законодательное закрепление представляется более надёжным, так как оно обязательно для всех правоприменителей и не может быть проигнорировано или ограничительно истолковано. Итак, одно точечное изменение в базовый природоохранный закон позволит навсегда исключить повторение казусов, подобных рассмотренному Верховным Судом, и сделает защиту экологических прав граждан через общественные объединения реальной и доступной, без формальных ограничений.

На основании вышесказанного очевидно, что Конституция Российской Федерации, провозглашая право каждого на благоприятную окружающую среду, создает прочный фундамент для развития всего массива экологического законодательства. Однако, как показывает практика, наличие фундаментальных норм само по себе не гарантирует их автоматической и единообразной реализации. Разобранный прецедент с участием общественной экологической организации наглядно демонстрирует, что даже при детальной проработке материальных прав проблемы в процессуальном правосознании правоприменителей способны свести на нет как усилия законодателя, так и граждан, которые по собственной инициативе отстаивают общественные права на благоприятную среду. Рос-

сийская правовая система стоит перед необходимостью комплексной работы во многих направлениях. Только системный и последовательный подход, сочетающий постепенные, идущие в ногу с тенденциями в обществе и эко-

номике законодательные решения с повышением качества правоприменительной практики и экологической грамотности всех участников отношений, способен обеспечить реальное воплощение всех конституционных прав.

Литература:

1. Нецадимова А. А. Влияние обеспеченности природными ресурсами на экономику России // Экономика и социум. — 2016. — № 5–2 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obespechennosti-prirodnymi-resursami-na-ekonomiku-rossii> (дата обращения: 27.03.2026).
2. Экологический кодекс: необходимость научно обоснованного подхода / Zharov Group // Право.ru. — URL: <https://pravo.ru/ecology/case/261182/> (дата обращения: 27.03.2026).
3. Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права // Журнал российского права. — 2008. — № 9 (141). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagopriyatnaya-okruzhayuschaya-sreda-vazhneyshaya-kategoriya-prava> (дата обращения: 27.03.2026).
4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 27.03.2026).

Правовая природа недействительных сделок противных основам правопорядка или нравственности

Остапенко Елизавета Васильевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена исследованию правовой природы недействительных сделок, противных основам правопорядка и нравственности, регламентированных статьёй 169 Гражданского кодекса Российской Федерации. Рассматривается эволюция подходов к пониманию и применению данной нормы — от ее расширительного и формального использования до современного ограничительного толкования как исключительного основания недействительности.

Ключевые слова: недействительные сделки противные основам правопорядка и нравственности, антисоциальные сделки, ничтожность сделок, порок содержания.

Институт недействительных сделок, противных основам правопорядка и нравственности, традиционно рассматривается как один из наиболее сложных и дискуссионных в гражданском праве. Его специфика обусловлена тем, что законодатель на протяжении длительного времени не закреплял легальных определений понятий «правапорядок» и «нравственность», оставляя их наполнение судебной практике и правовой доктрине, что, в свою очередь, предопределило неоднородность правоприменения и расширительное толкование соответствующих норм в разные исторические периоды.

Исторический опыт развития гражданского законодательства показывает, что нормы о данных сделках постоянно развивались и эволюционировали. Ст. 1528, 1529 Свода законов гражданских Российской Империи устанавливали, что цель любого договора не должна противоречить общественному порядку. ГК РСФСР 1922 года в России устанавливал недействительность сделки, на-

правленной к «явному ущербу для государства». ГК РСФСР 1964 года констатировал недействительность сделки, совершенной с целью «заведомо противной интересам социалистического государства и общества».

Известный цивилист Н. В. Рабинович указывала, что недействительность таких сделок носит «охранительный характер, выходящий за рамки классического восстановления нарушенных гражданских прав» [13].

До разъяснений Пленума Верховного суда в правоприменительной практике по статье 169 Гражданского Кодекса Российской Федерации нередко квалифицировались недействительные сделки, направленные на уклонение от уплаты налогов; Например, в деле Хабаровского районного суда, в котором АО «Агрофирма» для получения необоснованной выгоды по НДС заключило договор с обществом «Комета» на выполнение работ. «Комета», не исполняя обязательств, переуступила права требования к «Агрофирме» другой фирме — «Интерсервис». Пла-

тежи прошли по цепочке, вычет НДС был заявлен. Решение суда было следующим: сделки были признаны ничтожными по ст. 169 ГК РФ. Суд установил, что истинной целью цепочки сделок было не выполнение работ, а создание формальных оснований для незаконного возмещения НДС из бюджета, что наносит ущерб государству и противоречит основам правопорядка. Все полученное было взыскано в доход государства.

Такой подход объяснялся стремлением судов использовать статью 169 Гражданского Кодекса Российской Федерации как универсальный инструмент противодействия злоупотреблениям, однако он не всегда учитывал специфику правовой природы такой недействительной сделки. В ряде случаев неверная оценка противоправного результата (неуплата налогов) размывала границы между применением статей 168 и 169 ГК РФ. На данную проблему обратил внимание и Конституционный суд в своем определении от 21 декабря 2000 г. № 263-О по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав статьёй 169 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2001. — № 2.

Постепенно в правоприменительной практике стало формироваться понимание того, что не любое нарушение закона затрагивает основы правопорядка. Как справедливо отмечает Д. О. Тузов, антисоциальная сделка отличается не столько незаконностью, сколько направленностью на подрыв фундаментальных начал правовой системы [14]. Данный подход позволил судам отказаться от чрезмерно широкого толкования статьи 169 ГК РФ и перейти к более взвешенной оценке цели сделки.

На ранних этапах правоприменения разграничение статьи 169 ГК РФ и статьи 168 ГК РФ носило фрагментарный характер, что проявлялось, в частности, в том, что сделки с пороком содержания квалифицировались по статье 169 ГК РФ без установления умысла сторон. Однако со временем в судебной практике утвердился подход, согласно которому, во-первых, наличие противоправного результата само по себе не свидетельствует о противоречии основам правопорядка; во-вторых, ключевым критерием является заведомая цель, осознаваемая сторонами сделки. Если же умысел отсутствует, то недействительная сделка может быть квалифицирована по пункту 2 ст. 168 как противоречащая закону и нарушающая публичные интересы. В деле № А40-256977/2023 (постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 мая 2025 года № Ф05-4269/25) прокурор оспорил соглашение о новации задолженности между «Ойл Технолджис», «Нефтегазиндустрией» и Vitol SA. Согласно реализованной этими лицами схеме, после получения предоплаты от иностранного контрагента «Нефтегазиндустрия» не поставила товар, но затем «перевела» долг на аффилированную «Ойл Технолджис», которая фиктивно обязалась его погасить. Суды ранее (дело № А41-9038/23) уже установили, что «Ойл Технолджис» и «Нефтегазиндустрия» — аффилированные лица, а само соглашение о новации — фиктивное. Его цель — создать видимость задолженности и получить контроль над процедурой банкротства. Сделка

была признана ничтожной по ст. 169 ГК, а \$39,6 млн — взысканы в доход РФ.

Значительный вклад в формирование теоретических представлений о недействительности сделок, противных основам правопорядка и нравственности, был внесён Н. В. Рабинович. По мнению автора, такие сделки подрывают не индивидуальные субъективные права, а устойчивость правового порядка в целом, что обуславливает их особое место в системе гражданского права.

Рабинович последовательно подчёркивала, что антисоциальные сделки характеризуются не столько формальным несоответствием закону, сколько социально вредной направленностью. В этом контексте она указывала, что правовая оценка сделки должна основываться на анализе её цели и последствий, а не только на внешнем соблюдении юридической формы. Последствия недействительности сделок в виде недопущения реституции обладают карательно-предупредительным характером, направленным на недопущение повторения аналогичных нарушений. Именно этим, объясняется возможность изъятия полученного по сделке в доход государства, что сближает гражданско-правовые последствия с публично-правовыми санкциями.

По справедливому мнению Д. О. Тузова, ключевым элементом таких сделок является порок содержания, выражающийся в направленности сделки на достижение антисоциальной цели. При этом автор подчеркивает, что наличие противоправного результата ещё не свидетельствует о противоречии сделки основам правопорядка и нравственности. Решающее значение имеет установление заведомости и умысла, что соответствует современному подходу судебной практики и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации [14].

Тузов отмечает, что применение статьи 169 ГК РФ фактически вводит в гражданское право элементы публично-правового воздействия, однако это не разрушает частноправовую природу института, а, напротив, усиливает его охранительную функцию. Таким образом, недействительность таких сделок выполняет не только восстановительную, но и превентивную роль, направленную на защиту основ правового порядка [14].

На современном этапе развития гражданского законодательства сделки, противные основам правопорядка и нравственности, рассматриваются как исключительный вид недействительных сделок, обладающий самостоятельной правовой природой. В отличие от иных оснований недействительности, данная норма ориентирована не столько на защиту частных интересов, сколько на охрану фундаментальных ценностей общества и государства.

Анализ содержания статьи 169 ГК РФ позволяет выделить её ключевые конструктивные элементы. Во-первых, законодатель акцентирует внимание именно на цели сделки, а не на её форме или результате. Во-вторых, обязательным признаком является заведомость, предполагающая осознание сторонами антисоциального харак-

тера своих действий. В-третьих, сделка должна посягать на такие нематериальные категории, как основы правопорядка и нравственности, которые, несмотря на оценочный характер, получили определенное наполнение в судебной практике [5].

Особое значение имеет установление умысла хотя бы у одной стороны сделки. Если умысел отсутствует, либо не доказана заведомая антисоциальная цель, применение статьи 169 ГК РФ признается недопустимым, и сделка подлежит квалификации по статье 168 ГК РФ как нарушающая требования закона [5]. Данный подход позволяет избежать необоснованного расширения сферы применения антисоциальных сделок и обеспечивает принцип правовой определённости.

Ключевую роль в формировании современного понимания статьи 169 ГК РФ сыграло Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. В нём подчёркивается, что признание сделки противной основам правопорядка и нравственности возможно лишь в исключительных случаях, при наличии совокупности объективных и субъективных признаков [5]. Верховный Суд указывает, что судам необходимо устанавливать цель сделки, а также права и обязанности, которые стороны стремились установить при ее совершении, либо желаемое изменение или прекращение существующих прав и обязанностей заведомо противоречили основам правопорядка или нравственности, и хотя бы одна из сторон сделки действовала умышленно.

В качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

В научной литературе данный подход получил поддержку. Так, Я. А. Криворучко отмечает, что антисоциальные сделки не могут рассматриваться как «универсальное средство» борьбы с любыми противоправными схемами, поскольку их правовая природа предполагает наличие особой, социально опасной цели [11]. Н. М. Лакоценина, в свою очередь, подчёркивает, что статья 169 ГК РФ выполняет не только восстановительную, но и превентивную функцию, направленную на защиту нравственных устоев общества [12].

Специфика правовой природы сделок, противных основам правопорядка и нравственности, ярко проявляется в последствиях их недействительности. В соответствии со статьёй 169 ГК РФ возможны различные варианты правовых последствий в зависимости от субъективной стороны:

1) если обе стороны действовали умышленно, всё полученное по сделке обращается в доход государства;

2) если умысел имел место только у одной стороны, добросовестной стороне возвращается исполненное, а полученное виновной стороной подлежит изъятию [2].

Такая конструкция последствий существенно отличает статью 169 ГК РФ от иных норм о недействительности сделок и подтверждает её публично-правовую направленность. Как справедливо указывал Н. В. Рабинович, данные последствия не сводятся к восстановлению имущественного положения сторон, а направлены на защиту правопорядка как социального блага [13].

В целом современное понимание правовой природы сделок, противных основам правопорядка и нравственности, характеризуется отказом от расширительного толкования и ориентацией на баланс частных и публичных интересов. Современная правовая доктрина и судебная практика рассматривают сделки, противные основам правопорядка и нравственности, как специальный вид недействительных сделок с квалифицированным пороком содержания.

Можно сделать вывод о том, что современное понимание правовой природы сделок, противных основам правопорядка и нравственности, основывается на ограниченном и взвешенном подходе к применению статьи 169 ГК РФ. Такой подход обеспечивает баланс частных и публичных интересов, укрепляет доверие к гражданскому обороту и повышает эффективность правового регулирования недействительных сделок в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3302.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 5.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2000 г. № 263-О по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав статьёй 169 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2001. — № 2.
8. Гончарова В. А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки / В. А. Гончарова // Юридические исследования. — 2019. — № 7. — С. 68–79.
9. Кархалев Д. Н. Относительная недействительность сделок / Д. Н. Кархалев, М. В. Громоздина // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 9 (276). — С. 98–104.
10. Кортелева Ю. А. Квалификация сделок, совершённых с целью, противной правопорядку и нравственности / Ю. А. Кортелева // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права. — 2022. — С. 103–109.
11. Криворучко Я. А. Недействительность сделок, совершённых по мотивам, заведомо противным основам правопорядка и нравственности. Статья 169 ГК РФ / Я. А. Криворучко // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2020. — № 7–6. — С. 77–80.
12. Лакоценина Н. М. Недействительность антисоциальных сделок (ст. 169 ГК РФ) / Н. М. Лакоценина // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. — № 3. — С. 34–39.
13. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук / Н. Н. Рабинович; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград: [б. и.], 1961. — 39 с
14. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок опыт российского права в контексте европейской правовой традиции Диссер — Санкт-Петербург. — 2006. — 313 с.

Электронные доказательства как новый вид доказательств в УПК РФ: практические проблемы изъятия и правовая неопределенность

Петренко Екатерина Александровна, студент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматривается проблема правового регулирования электронных доказательств в российском уголовном процессе на фоне стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни и роста киберпреступности. Анализируются статистические данные, свидетельствующие о значительном увеличении числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, а также позиция руководства Следственного комитета РФ о необходимости внедрения цифровых технологий в следственную практику. Автор обращает внимание на отсутствие в УПК РФ легального определения электронных доказательств и на существующую правовую неопределенность. Выявляются принципиальные различия между традиционными и электронными доказательствами, а также практические барьеры, возникающие при их собирании, проверке и оценке. В заключении обосновывается необходимость законодательного закрепления электронных доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств в уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровые следы, электронные доказательства, информационные технологии, криминалистическая деятельность, преступление, расследование.

Современные реалии напрямую связаны с активной цифровизацией всех сфер общественной жизни. В наше время трудно представить любую современную деятельность без участия в ней информационных технологий. Компьютеры, смартфоны, ноутбуки, смарт-часы и прочие умные устройства используются обществом повседневно. Цифровизация жизнедеятельности человека не могла не отразиться на таком негативном социальном явлении, как пре-

ступность, криминальная деятельность активно осваивает цифровое пространство, используя высокие технологии как для совершения новых видов преступлений (кибермошенничество, атаки на критическую информационную инфраструктуру), так и для повышения эффективности и конспирации при совершении традиционных видов деяний.

Согласно статистическим данным МВД РФ, по итогам 2025 г. количество преступлений, совершенных с исполь-

зованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации достигло 675,4 тыс., что составило 38,1 % от общего числа зарегистрированных в России, в то время как за первое полугодие 2023 г. этот показатель был равен 27, 27 %, что свидетельствует о стремительном росте преступности данной сфере [1].

В условиях развития технологий следственная и оперативно-криминалистическая практика сталкивается с принципиально новыми вызовами, связанными с необходимостью выявления, фиксации, исследования и процессуального оформления цифровых следов, ввиду чего возникает необходимость в современных способах борьбы с данными видами преступности. Внедрение новых информационных технологий значительно повышает эффективность работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в наши дни. Информационные технологии дают новые возможности для работы следователей, упрощают их работу. Благодаря компьютеризации объем рекомендованных средств, методов и приемов расследования и раскрытия преступлений с каждым разом становится все более эффективным и современным. Появились возможности по выявлению и использованию в целях доказывания и криминалистического поиска новых следов преступника, увеличились возможности изучения следов преступной деятельности. Возможность хранения на любых носителях информации для персональных компьютеров, тактических приемов и методов расследования, которые были накоплены поколениями исследователей, для применения этой информации на практике при расследовании преступлений и для обучения будущих следователей, криминалистов и прокуроров.

Практический запрос на развитие цифровой криминалистики подтверждается позицией руководителя профильного ведомства. В интервью председатель СК Александр Бастрыкин выразил позицию относительно использования цифровых технологий при расследовании преступлений: «...И на современном этапе развития внедрение и использование передовых информационных технологий является одной из приоритетных задач Следственного комитета. Ведь это, безусловно, во многом определяет качество нашей работы. Сегодня именно криминалистическая техника, новейшие цифровые технологии помогают следователям не только установить картину произошедшего и подозреваемых по конкретным преступлениям, но и, что самое важное, — создать условия для отправления справедливого правосудия» [2].

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и их проникновение во все сферы жизнедеятельности общества закономерно привели к трансформации способов совершения преступлений и, как следствие, к появлению принципиально новых носителей криминалистически значимой информации. Если еще несколько десятилетий назад основным источником

сведений о преступлении выступали материальные и идеальные следы, то в современном мире все большее значение приобретают данные, существующие в электронно-цифровой форме. Электронная переписка, файлы, хранящиеся на различных носителях, метаданные, история посещения веб-ресурсов, информация из облачных хранилищ и мессенджеров — все это прочно вошло в арсенал средств доказывания по уголовным, гражданским и арбитражным делам. В связи с этим перед правоприменителем встает комплекс вопросов, связанных с юридической природой указанных объектов, порядком их собирания, проверки и оценки, что обуславливает необходимость глубокого и всестороннего анализа феномена электронных доказательств.

Несмотря на актуальность использования цифровых технологий при расследовании преступлений и использования цифровых следов в качестве доказательств, в российском уголовно-процессуальном праве понятие «электронных доказательств» не раскрывается нормативным путем.

В статье ст. 74 УПК РФ, законодатель закрепляет закрытый перечень доказательств, в качестве которых допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы» [3].

Соответственно, УПК РФ не выделяет электронные доказательства в качестве отдельного вида доказательств. Тем не менее, в тексте Кодекса можно встретить редкие упоминания электронных носителей информации — ч. 4 ст. 81, ст. 81.1. А нормы ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, пп. 5 ч. 2 ст. 82 могут привести к выводу, что электронные доказательства следует считать разновидностью вещественных доказательств. Либо на основе ч. 2 ст. 84 можно предположить, что электронные доказательства являются подвидом иных документов [4].

На практике правоохранительные органы и суды работают с цифровыми доказательствами как с традиционными видами доказательств, относя их, в силу положений ч.2 ст.74 УПК РФ, к группе «иные документы». Вместе с тем, совершенно очевидно, что цифровые (электронные) доказательства заняли отдельную группу среди большого разнообразия доказательств и назревает необходимость их отдельного законодательного закрепления.

Среди авторов существует два противоположных лагеря, один из них полагает, что необходимость в выделении цифровых (электронных) доказательств отсутствует, поскольку это лишь усложнит уголовный процесс и приведет к неверным судебным решениям, другой — напротив отмечает большое количество различий традиционных доказательств от цифровых, что свидетельствует о явной необходимости их разграничения. Следует согласиться с той группой авторов, которая выделяет различия традиционных и цифровых (электронных) доказательств [5].

Рассматривая проблемные аспекты по оценке и сбору таких доказательств, стоит учитывать, что в Уголовно-процессуальном кодексе законодателем не определяются конкретные специфические черты сбора данных с цифровых носителей [6]. Однако в части 7 статьи 18 УПК РФ говорится об особенностях изъятия информации, которая содержится в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях. Здесь, не смотря, на то, что сбор электронных данных возможен лишь при производстве конкретных следственных действий, проблема до сих пор остается не решенной, исходя из того, что формулировка «изъятие электронных доказательств» не всегда означает фактическое копирование данных. Не урегулирован также процесс сбора сведений, содержащихся на платформах сети «Интернет», изъятие серверов, находящихся за пределами юрисдикции правоохранительных органов, органов дознания и следствия.

При осуществлении проверки электронных следов возникает барьер, связанный и с тем, что указанные данные находятся в цифровом выражении на различных носителях, что, как правило, приводит к формированию большого количества ссылок и файлов, которые могут со-

держивать в себе достаточно обширное число сторонних данных, не имеющих значения для следствия. Помимо этого, необходимая для расследования информация часто шифруется или вовсе удаляется со всех носителей [7].

Как правило, во время проверки подлинности цифровых данных изучается их первоисточник, а именно электронный носитель, на котором располагаются указанные сведения, на состояние объекта и предполагаемого внесения в него изменений. Ввиду чего, необходимо проверить схожесть объектов по определенным признакам, целостности и неизменности содержания электронного файла, что не всегда представляется возможным сделать при исследовании электронных доказательств ввиду отдалённости или невозможности доступа к первоисточнику.

Совершенно очевидно, что сегодня среди большого количества доказательств отдельной группой выделились цифровые (электронные) доказательства. Исходя из этого, несомненно необходимость законодательного закрепления электронных доказательств как отдельного вида доказательств ввиду того, что они обладают рядом специфических черт, принципиально отличающих их от традиционных видов доказательств.

Литература:

1. Состояние преступности за январь-декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Бастрыкин А. И. Александр Бастрыкин: При расследовании преступлений развивается «цифровая криминалистика» [Электронный ресурс] / А. И. Бастрыкин // Российская газета. — 2021. — 18 октября. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/18/bastrykin-pri-rassledovanii-prestuplenij-razvivaetsia-cifrovaia-kriminalistika.html> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.04.2026). — Ст. 74.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 454-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
5. Никурадзе, Н.О. «Электронные доказательства»: о понятии и правовом регулировании в свете потребностей практики раскрытия и расследования преступлений (российский и зарубежный опыт) / Н. О. Никурадзе, Е. В. Мищенко, Е. А. Марина. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(6).632-642 // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 6. — С. 632-642.
6. Янин, М. Г. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / М. Г. Янин, К. М. Кочедыкова // Управление в современных системах. — 2019. — № 2 (22). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sbora-proverki-i-otsenki-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 12.04.2026).
7. Дорошева А. А. Электронные «доказательства» в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. А. Дорошева. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 12.04.2026). — С. 205.

Право на необходимую оборону как составная часть правового статуса личности

Пичугина Софья Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует, как необходимая оборона, будучи уголовно-правовым институтом, одновременно выступает элементом более широкого института «гражданской самозащиты» и частью правового статуса личности.

Ключевые слова: необходимая оборона, права и свободы человека, превышение пределов необходимой обороны.

Институт необходимой обороны, являющийся одним из древнейших институтов уголовного права, базируется на естественном стремлении индивида защитить свои законные интересы, а также интересы своих близких от противоправных действий в условиях непосредственной угрозы или применения насилия.

Значимость данного института заключается в том, что необходимая оборона играет большую роль в предупреждении и пресечении преступлений как со стороны государственных структур, так и со стороны отдельных граждан на протяжении многих столетий, и в современных условиях проблема обеспечения безопасности граждан от преступных посягательств приобретает особую актуальность. Поэтому важно понимать, какие меры могут быть приняты для защиты своих законных интересов.

Уголовно-правовой институт необходимой обороны, как составляющая института «гражданской самозащиты», определенного профессором В. М. Барановым, получает законодательное закрепление в части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, которая предоставляет гражданам право защищать свои права и свободы всеми законными средствами. Институт необходимой обороны подробно разрабатывается в уголовном праве из-за особенностей уголовно-правовых отношений, возникающих в результате такой обороны. Когда действия обороняющегося лица, совершенные в состоянии необходимой обороны, нарушают условия ее правомерности, установленные в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, они приобретают характер преступных действий, что изменяет характер и форму уголовно-правовых отношений: регулятивное уголовное правоотношение превращается в конкретное охранительное уголовное правоотношение.

Социально-правовая сущность института необходимой обороны проистекает из юридического положения личности, основанного на ее правовом статусе. Этот институт связан с правом индивида на защиту от общественно опасных посягательств. Основные принципы, закрепленные во второй главе Конституции Российской Федерации под названием «Права и свободы человека и гражданина», подчеркивают и гарантируют права и свободы гражданина, включая право на жизнь, здоровье, свободу, личную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени, и составляют основное содержание правового статуса личности.

Исследование А. Ф. Истомина показывает, что право на необходимую оборону предлагается рассматривать как не-

отъемлемую составную часть правового статуса личности, то есть, как самостоятельное конституционное право. По его мнению, данный институт, в своей социально-правовой природе, является государственно-правовым, несмотря на то что законодательная детализация обороны осуществляется в рамках подотрасли уголовного права.

Субъективное право на личную неприкосновенность человека и гражданина, подкрепляемое правом защищать свои права и свободы, выполняет функцию гарантии для ряда других субъективных прав граждан, таких как право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и достоинства, и прочие. Право на необходимую оборону, в свою очередь, является одним из реальных средств гарантирования «гражданской самозащиты».

Поскольку необходимая оборона имеет место быть не только в случае нападения на самого защищающегося, некоторые авторы предлагают включить такое расширенное право на гражданскую самозащиту в Конституцию как отдельную норму. А. Ф. Истомин, например, предлагает дополнить вторую главу Конституции РФ в следующей редакции: «Каждый имеет неотъемлемое естественное право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» [1].

В государстве ответственность за обеспечение правопорядка, естественно, возлагается на его правоохранительные органы. Однако как в борьбе с преступными посягательствами, так и в предупредительной работе, государственная власть не может обойтись без участия других субъектов общественной жизни. Государство может пытаться снизить уровень преступности, устранить причины нарушений правоохраняемых интересов и воздействовать на условия, способствующие их совершению, однако оно не в силах предугадать, предотвратить и пресечь каждое отдельное нарушение закона.

На основании вышеизложенного, можно сказать, что оборона не столько представляет собой дополнение к правоохранительной деятельности государства, сколько является абсолютным субъективным правом гражданина, которое не устанавливается государством, а лишь признается им. Понятие права предполагает не только его использование, но и защиту его от нарушений. В этом контексте можно утверждать, что институт необходимой

обороны является неотъемлемой частью государственно-правового института гражданской самозащиты.

В процессе осуществления права на защиту от преступных посягательств возникают соответствующие правовые отношения, в том числе уголовные, в пределах которых реализуется общий правовой статус личности. Необходимая оборона попадает под уголовно-правовую категорию в случае, если она неправомерна, поскольку

превышение пределов необходимой обороны и причинение излишнего вреда посягающему образует состав преступления.

Следовательно, поведение лица, защищающего себя, определяется «только стремлением охранить интересы от грозящей неправомерной опасности, стимулом действия является принуждение, а не испорченность, грозящая опасностью общественному спокойствию» [2].

Литература:

1. Истомин А. Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис.... канд. юрид. наук, — М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 1995. С. 10.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции. — М.: Наука, 1994. С. 68.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г.: (с учетом поправок от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) //КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.05.2026).
5. Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве РФ: монография. — М.: Илекса, 2010. — 344 с.
6. Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве: учеб. пособие. — Рязань, 1976. — 206 с.

Понятие и правовая природа завещания

Пичугина Софья Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор анализирует правовую природу завещания как односторонней сделки и юридического документа.

Ключевые слова: завещание, односторонняя сделка, наследование.

Слово «завещание» применяется в двух значениях: завещанием признается сам документ, в котором находит выражение воля завещателя, то есть определенная «форма» выражения, и акт непосредственной воли завещателя, который, предполагает наличие еще двух критериев: волевого и интеллектуального. И так, при составлении завещания условно можно выделить три критерия: интеллектуальный, волевой, формальный.

Интеллектуальный критерий завещания представляет собой требование к осознанному и разумному волеизъявлению завещателя, предполагающее его способность понимать юридическую природу и последствия совершаемых действий.

Волевой критерий завещания предполагает наличие у завещателя намерения распорядиться своим имуществом на случай смерти именно тем способом, который зафиксирован в завещании, включая конкретный состав наследников, размер их долей и иные существенные условия наследования.

Формальный критерий связан с техническим процессом составления, удостоверения завещания, принятия на хранение, последующего оглашения и выполнения в отношении наследников и наследственного имущества необходимых действий по юридическому закреплению статуса.

Главные признаки завещания, как сделки: завещание является строго личной сделкой, чье заключение недопустимо через представителя; завещательная дееспособность субъектов сделки; конструирование завещания как сделки по определенной форме.

Действующий ГК РФ не предлагает исчерпывающего определения понятия завещания. Его смысл подлежит реконструкции из ряда положений, содержащихся в различных нормах кодекса, которые раскрывают лишь отдельные аспекты данной дефиниции. В частности, п. 5 ст. 1118 ГК РФ [1] устанавливает, что завещание представляет собой одностороннюю сделку, порождающую права и обязанности исключительно с момента открытия наследства.

Однако данная формулировка не может считаться всеобъемлющей, поскольку, в числе прочего, не дает четкого ответа на вопрос о круге субъектов, наделенных правом на его совершение. Указание на это хотя и присутствует в других частях той же статьи, но информация не систематизирована в единое цельное определение. Ввиду изложенного, представляется целесообразным сформулировать комплексное понятие завещания, объединяющее в себе все его фундаментальные и ключевые признаки. Предлагаемое определение может быть сформулировано следующим образом: «Завещание — это совершаемая лично, полностью дееспособным гражданином, в предусмотренной законодательством форме односторонняя сделка, посредством которой определяется правовой режим имущества завещателя на случай его смерти».

В римском праве концепция завещания как акта, устанавливающего право на наследование, была выражена с максимальной определенностью, его сущность заключалась именно в назначении наследника. Вследствие этого любые иные посмертные распоряжения имущественного характера, в которых такой наследник не указывался, квалифицировались не как завещание, а как кодицилл. Современное отечественное право не проводит подобного разграничения. В действующей системе законодательства под завещанием понимается надлежащим образом оформленное волеизъявление собственника, определяющее дальнейшую юридическую судьбу его имущества после смерти.

Юридическая природа завещания как факта, порождающего правовые последствия в связи со смертью завещателя, не лишает его правовой значимости в период жизни завещателя. Правовой статус возникает у завещания непосредственно в момент его надлежащего оформления, поскольку оно представляет собой сделку, сохраняющую свою силу до наступления указанного события, а именно: смерти завещателя. Как акт, отвечающий установленным законодательным требованиям и своей правовой цели, с момента совершения завещание содержит в себе возможность последующей реализации, способную при благоприятных условиях сформировать правовые основания для перехода имущественных прав в порядке наследования в соответствии с волей умершего.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) //КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2025. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482694&cacheid=B7A4353378156427537222E3A3E5257&mode=rubr&rnd=1BUfgrUvBds3jNLL> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Абраменков, М.С., Чугунов, П. В. Свобода завещания в российском наследственном праве //Наследственное право. — 2010. — № 2. — 423 с.
3. Зайцева, Т.И., Крашенинников, П. В. Наследственное право в нотариальной практике: комментарии — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, — 2005. — 800 с.
4. Ярошенко, К. Б. Наследование по завещанию // Закон. — 2001. — № 4. — С. 20–24.

Отсутствие у завещания какого-либо правового значения при жизни завещателя, по справедливому замечанию, встречающемуся в научной доктрине, лишило бы данный документ юридической силы и после смерти его составителя, вследствие чего он утратил бы способность вызывать те правовые результаты, для достижения которых изначально предназначался.

Правовая природа завещания, включая его юридическую силу в период жизни завещателя, находит подтверждение в законодательных требованиях, предъявляемых к личности распорядителя, которые определяют правомерность данного акта именно на момент его удостоверения. Важно отметить, что действие завещания распространяется не только на имущество, принадлежавшее завещателю в момент составления документа, но и на собственность, приобретенную им впоследствии, если в самом тексте распоряжения не предусмотрено иное. Последующее изменение психического состояния завещателя, повлекшее утрату способности к совершению или отмене распоряжений на случай смерти, не оказывает влияния на юридическую действительность ранее совершенного завещания, составленного в состоянии дееспособности. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что завещание обладает реальной юридической силой при жизни завещателя, не ограничивая при этом его правомочий по распоряжению собственным имуществом.

Правовая сущность завещания заключается также в установлении механизма правопреемства в отношении всей наследственной массы или ее доли в пользу конкретных физических лиц, а равно Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, отдельных юридических лиц и иных организационно-правовых образований.

В этом заключается отличие наследование по завещанию от наследования по закону: назначение наследников и порядок распределения имущества между ними зависит от воли завещателя.

При всей свободе, предоставляемой наследодателю при составлении завещания, законодатель предусмотрел единственное, и, пожалуй, самое существенное ограничение этой свободы — право на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ).

Уголовно-правовые последствия превышения пределов необходимой обороны

Пичугина Софья Константиновна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор анализирует правовое регулирование и практические проблемы института необходимой обороны и превышения ее пределов.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, уголовная ответственность.

Закон содержит указание на то, что применение насилия, которое представляет угрозу для жизни защищаемого или другого лица, либо угроза использования такого насилия, является основанием для освобождения от уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны. В случае причинения смерти или тяжкого вреда здоровью посягающему при таких обстоятельствах, действия будут считаться законным.

Понятие превышения пределов необходимой обороны применяется в случаях, когда отсутствует наличие насилия, которое представляло бы угрозу для жизни защищаемого или другого лица, а также угрозы его применения. Соотношение защитных действий и посяательства редко бывает пропорциональным, но вероятнее, реакция защищаемого будет направлена на усиление мер пресечения и обладать наступательным характером.

В учебнике уголовного права 2002 года сказано, что «решающее значение при оценке превышения пределов обороны имеют субъективные признаки, т. е. психическое отношение обороняющегося к превышению мер обороны. Обороняющийся не только умышленно причиняет посягающему смерть или тяжкие телесные повреждения, но и сознает, что их причинение является излишним, не вызывается ни характером, ни степенью опасности посяательства, ни обстановкой его осуществления. Превышение мер защиты только тогда является преступлением, когда оно очевидно для обороняющегося» [1]. То есть ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в том случае, если оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного деяния.

Стоит отметить, что случаи несвоевременной обороны, то есть действия, предпринятые либо до начала посяательства, либо после его прекращения, когда угрозы уже не существует и необходимость в защите отпала, что явно осознает обороняющееся лицо, исключаются из понятия превышения пределов необходимой обороны. В этих ситуациях лицо подлежит уголовной ответственности по общим статьям, например, за убийство или причинение вреда различной тяжести, а не за превышение пределов необходимой обороны.

Существуют ситуации, когда не было проявления насилия, представляющего угрозу для жизни защищаемого или другого лица, либо угрозы применения такого насилия, но в ответ на неожиданное нападение со сто-

роны посягающего произошло причинение смерти или тяжкого вреда. Для разрешения вопроса о степени неосторожности посяательства требуется анализировать как объективные признаки атаки (время, место, обстановку, способ, интенсивность), так и внутреннее эмоциональное состояние обороняющегося лица (страх, испуг, замешательство), а также события, предшествующие нападению.

Превышение пределов необходимой обороны квалифицируется как преступление, однако в соответствии с частью 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] это обстоятельство рассматривается в качестве смягчающего фактора при определении наказания. Помимо этого, уголовное законодательство предусматривает в качестве привилегированных составов случаи превышения пределов необходимой обороны, выразившиеся в причинении смерти посягающему (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Согласно абзацу 2 пункта 15 Постановления Пленума № 19 «Если оборонявшееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по части 1 статьи 108 или части 1 статьи 114 УК РФ» [3]. Важно отметить, что в данном контексте аффект не является обязательным признаком, в отличие от наличия цели защиты от общественно опасного посяательства. Для преступлений, совершённых в состоянии сильного душевного волнения, подобная защитная цель не свойственна. Следовательно, в таких ситуациях вред потерпевшему причиняется не для того, чтобы защититься, а значит, не в состоянии необходимой обороны. В таких случаях применимы 107 и 113 статьи Уголовного кодекса.

Пункт 16 Пленума содержит разъяснение, что в ситуациях, когда лицо не осознавало отсутствия реального общественно опасного посяательства, однако обстоятельства дела демонстрируют, что оно должно было и могло это осознавать, его действия подлежат квалификации в соответствии со статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают ответственность за преступления, которые совершены по неосторожности. Если же общественно опасного посяательства в действительности не существовало, и окружающая обстановка не предоставляла лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях.

Основой для уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны являются статьи 108 и 114 Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти преступления характеризуются как умышленные, вопреки их специфическим особенностям. Они классифицируются как преступления небольшой тяжести, поскольку наказание за убийство при таких обстоятельствах может достигать до двух лет лишения свободы, а за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью — до одного года.

Правоприменительные органы часто квалифицируют действия лиц, осуществляющих правомерную оборону, в соответствии со статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают ответственность за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны. Этот факт приводит к тому, что граждане опасаются использовать свое за-

конное право на необходимую оборону, предоставленное им законодательством.

Практика применения института необходимой обороны в судебной системе свидетельствует о том, что даже сотрудники правоприменительных органов сталкиваются с трудностями в соблюдении соразмерности между угрожающим и отражающим вредом. Это то и дело становится предметом рассмотрения в суде и не всегда в пользу обороняющегося.

Данные категории дел представляют собой сложность, поскольку объективно оценить каждую конкретную ситуацию весьма затруднительно. Пленум Верховного Суда Российской Федерации предоставляет пояснения в своем Постановлении относительно того, какими критериями следует руководствоваться судам при вынесении приговора и рассмотрении дела.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / С. В. Ананич [и др.]; под общ. ред. А. Л. Савенка, В. С. Яловика; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». — Минск: Академия МВД, 2020. С. 246.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) //КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.05.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»// КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2026.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/.

Дефекты правового сознания: виды, причины возникновения и последствия

Подкопаева Варвара Николаевна, студент;

Вернер Анастасия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Ломакина Ирина Борисовна, доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена анализу дефектов правового сознания как проявлений деаксиологизации правосознания. Целью является выявление видов, причин и последствий деформаций правосознания. Рассматриваются правовой нигилизм, идеализм, инфантилизм, демагогия, релятивизм, субъективизм, популизм и дилетантизм. Установлены объективные и субъективные причины их возникновения. Показано, что дефекты ведут к ослаблению правопорядка, росту преступности и утрате авторитета права. Предложены меры противодействия.

Ключевые слова: правосознание, дефекты правосознания, деаксиологизация, правовая культура.

Устойчивость государства во многом определяется законопослушностью его граждан. Уважение к закону, государственной власти в частности и правовая культура общества в целом выступают важным фактором, детерминирующим состояние правотворчества и правоприменения, а также особенности осуществления всех процессов социального регулирования в стране. Правовые традиции, сохраняющиеся правовой культурой, выступают сущностными детерминантами политических и правовых процессов, оказывают воздействие «на

формирование патриотизма как амбивалентного и противоречивого по своей сути феномена» [1, с. 85], на сохранение духовно-нравственных ценностей и, в итоге, на обеспечение устойчивого благоприятного развития национальной государственности.

Столь значимая роль права в жизни общества делает необходимым детальное изучение самой правовой культуры. В науке она трактуется как многоаспектное явление. Если «субъект обладает правовыми знаниями, позитивно относится к правовым предписаниям, создавая мотивы

для укрепления правовых ценностей, ориентаций, реализуемых в правовых поступках» [2, с. 110], можно вести речь о сформированности правовой культуры. Ключевой же предпосылкой такого интеллектуального и ценностного освоения права выступает правосознание, которое посредством интериоризации означает внешний мир, наделяя его смыслами и соответствующими образами [3, с. 64].

Современная юридическая наука рассматривает правосознание как одну из форм сознания человека и общества, наряду с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, наукой и философией. Правосознание представляет собой «формообразование психики, отражающей воспринимаемый людьми окружающий мир, права и регулирует поступки людей в нем» [4, с. 64]. Напротив, дефицит правосознания делает правовую культуру недействительной, подрывая уважение к закону изнутри. Об опасности слабого правосознания писал выдающийся русский мыслитель И. А. Ильин: «Образованные и необразованные круги народа одинаково не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний; они видят в нем или неприятное стеснение, или в лучшем случае, — удобное средство для защиты и нападения» [5]

Так, полноценное правосознание выступает одновременно и условием формирования зрелой правовой культуры, и гарантом устойчивости всей государственно-правовой системы.

Деаксиологическое правовое сознание — вид правосознания, субъективное или групповое потребностное целеполагание которого в юридической сфере не соответствует общественной ценности, закреплённой в законе и являющейся универсальной предполагаемой потребностью общества.

Процесс деаксиологизации затрагивает информационно-познавательный уровень правовой установки, создавая возможности для когнитивного диссонанса; затрагивает оценочный уровень установки. В связи с этим для противодействия этому процессу необходимы получение новых знаний, формирование новых правовых установок, которым индивид находит место в своих представлениях о должном, ценном, правильном. Обесценивание правовых ценностей в юридическом сознании индивида, «которое выражается либо в правовом инфантилизме — несформированности и пробельности правосознания, либо в правовом негативизме — активной противоправной тенденции личности», И. И. Карпец и А. Р. Ратинов считают «ближайшей причиной, порождающей преступление» [6].

В свою очередь, дефекты правового сознания в современной науке рассматриваются в широком смысле как содержащиеся в массовом правовом сознании любые статистически значимые отклонения от идеи научно-теоретического правового сознания, изложенные в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке, а в узком смысле — как функциональные нарушения или дисфункции в структуре общественного,

группового и индивидуального правового сознания, к которым относятся несформированность, неустойчивость или искажённость основных его структурных элементов [7, с. 67].

Говоря об истоках К. И. Руденко полагает, что причинами деформации правосознания выступает множество факторов. Объективные причины охватывают масштабные социокультурные трансформации конца XX — начала XXI в., которые породили кризис основных социальных институтов; духовно-нравственный настрой населения, сформированный индустрией массовой культуры (культуры «наживы успеха», физической силы); дисфункция системы воспитания и социализации молодежи; стремительное развитие систем массовой коммуникации; проблемы, связанные с государственной молодежной политикой в аспекте формирования правосознания. К субъективным же причинам относятся лабильность сознания; инфантилизм; эмоционально-чувственное восприятие окружающей действительности; некритическое, парадоксальное мышление; отсутствие жизненного опыта; неумение анализировать причины и последствия социальных действий; инновационная активность; жажда новизны.

Связанные причины наглядно проявляются в правосознании конкретных социальных групп. Так, по мнению Ш. Х. Хасанова, правосознание лиц, совершивших преступления и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, деформировано в силу превалирования в сознании осужденных корыстных мотивов, их стремления к выгоде и наживе, противопоставления своих личных, амбициозных интересов интересам других людей, общества и государства, деградации личности, атрофии нравственных, правовых, эстетических и иных чувств [8, с. 13].

При анализе деформированного правосознания можно выделить несколько наиболее распространённых видов его дефектов. Прежде всего, это правовой нигилизм — отрицающее отношение к праву, отсутствие веры в закон как социального регулятора. Для него характерны: резко негативное, критическое отношение к правовой догме и общепризнанным ценностям в области права; юридическая некомпетентность; подход к праву с точки зрения максималистских настроений, направленных в большей степени на отрицательное восприятие всего правового в контексте позитивного права; деструктивность и разрушительность; категоричность и бескомпромиссность. Непосредственным проявлением правового нигилизма выступает неисполнение и нарушение, установленных законодательством норм и правил [9, с. 91].

Более развёрнутую классификацию форм его проявления предлагает Н. И. Матузов. В зависимости от характера выражения он выделяет пассивную форму (уклонение от обязанностей, избегание исполнения законов) и активную (явно враждебное отношение к правотворческой деятельности в целом). По уровню проявления нигилизм, согласно данной классификации, может обнаруживаться

на обыденном уровне, в социальных и профессиональных группах, а также в официальных государственных структурах — законодательных и правоохранительных эшелонах власти [4].

Противоположным по содержанию, но столь же деструктивным дефектом правового сознания выступает правовой идеализм, представляющий собой преувеличение роли права в общественной жизни, гипертрофированное понимание возможностей юридических средств в реализации социально-экономических, политических и иных задач. К числу причин его распространения в России можно отнести: воздействие идеалистических лозунгов периода «перестройки» и последующих реформ, провозглашавших идеи скорейшего построения правового государства, резкого повышения благосостояния населения и ускорения социально-экономического развития страны; длительное преобладание прагматического подхода к праву как к инструменту решения назревших проблем, что породило чрезмерные надежды на него, которые в дальнейшем не оправдались; долговременное существование культа всевозможных «эпохальных» постановлений и планов, переводившихся на язык законов, страдающих излишней декларативностью; а также наблюдавшийся с начала 90-х годов «бум» законотворчества, в ходе которого было принято более тысячи законов, причём многие из них — слишком поспешно.

Суть правового идеализма заключается в переоценке возможностей права, наделении его не присущими ему свойствами, что дезориентирует личность в правовой действительности и порождает стремление к чрезмерно жёсткой регламентации правом всех общественных отношений. Проявляется данный дефект в наивном восприятии гражданами законов, в фактическом превышении роли закона и права в государстве, а также в сосредоточении органов власти исключительно на позитивном праве.

Правовой инфантилизм выступает ещё одной формой искажения правового сознания, характеризующейся показателем недостаточной правовой социализации и определённой маргинальности сознания индивида и социальной группы [10, с. 67]. В. Р. Петров определяет его как «недостаточную сформированность и пробельность правовых взглядов, знаний, установок, представлений правового сознания, плохое знание права» [10, с. 11]. С. И. Захарцев обращает внимание на то, что «правовой инфантилизм представляет собой недостаточность у гражданина правовых знаний, что приводит к несформированности правовых убеждений» [12, с. 147]. Основными признаками правового инфантилизма являются: пробельность правовых знаний; несформированность правовых взглядов; отсутствие правовых представлений; несформированность правовых установок и привычек правового поведения; затруднённость правовых ориентаций; при этом степень воздействия (искажения) оценивается как очень слабая. Данная форма деформации проявляется как у молодого поколения, так и у людей в зрелом возрасте, как у обычного гражданина без юридического образования,

так и у лиц, напрямую связанных с правоприменительной деятельностью.

Вместе с тем правовой инфантилизм остаётся предметом научных дискуссий: одни исследователи относят его к деформации правового сознания, другие — к нормальному состоянию человека, третьи же обращают внимание на то, что правовая деформация способна наступить лишь при определённом уровне правовых знаний у субъекта права; если же субъект не обладает правовой подготовкой, то, строго говоря, невозможно вести речь о деформации правосознания, поскольку такой субъект изначально лишён соответствующих знаний в области права [9].

К числу иных дефектов правового сознания исследователи относят правовую демагогию, правовой релятивизм, правовой субъективизм, правовой популизм и правовой дилетантизм. **Рассмотрим каждый из них подробнее.**

Прежде всего, правовая демагогия, по определению А. Огрызко, как особый вид социальной демагогии представляет собой юридически значимое воздействие определённого лица на сознание и действия субъектов с целью введения их в заблуждение относительно правовой действительности и провоцирования противоправного по существу поведения в интересах демагога [13]. Правовая демагогия манипулирует правосознанием, по сути, в принудительном формате, ибо демагоги сознательно снижают критичность и рациональность граждан и их законных объединений, предлагает ложное отражение действительности.

Далее, правовой релятивизм, как указывает З. Н. Ибрагимова, как правило, проявляется в повседневной деятельности работников правовой сферы и состоит в убеждении, что право есть явление относительное, а значит, его можно использовать так, как удобно индивиду в зависимости от конкретной ситуации, то есть в угоду складывающимся обстоятельствам [13, с. 36].

В свою очередь, правовой субъективизм возникает в профессиональной деятельности работников юридических профессий как исключительно индивидуальное отношение к правовой действительности: как правило, это признание исключительных прав за собой и отрицание своих обязанностей.

Что касается правового популизма, то, как отмечает К. Д. Ваян, в его идейном арсенале важнейшую роль играют естественное право и правовой статус личности, а в его методах преобладает установка на иррациональные аспекты права [15, с. 11–12]; для реализации социальных прав популисты обычно предлагают изменить механизмы реализации политических прав и свобод, аргументируя это необходимостью большего влияния на правотворческий процесс, а популистский идеал правовой личности чаще всего связан с представлениями о демократической общественной деятельности как высшей форме самовыражения личности.

Наконец, правовой дилетантизм — это вольное обращение с законами либо с оценкой юридической си-

туации не в силу корыстных целей, а вследствие небрежного отношения к юридическим ценностям. Опасность распространения правового дилетантизма состоит в том, что он наносит сложно восполнимый социальный урон обществу. В корне дестабилизирует все системы: правовую, экономическую, социальную и даже политическую. Данная форма деформации правового сознания порождает множество плеоназмов, например, «незаконное формирование организованной преступной группы» [16, с. 25].

Рассмотренные формы деформации правосознания — от правового нигилизма до правового дилетантизма — требуют системного противодействия. В качестве мер противодействия деаксиологическому правосознанию могут выступать: повышение общей правовой культуры; совершенствование законодательства; профилактика правонарушений и преступлений; упрочнение законности и служебной дисциплины среди должностных лиц, а также упрочнение правопорядка в обществе; подготовка высококвалифицированных, обладающих необходимыми компетенциями юристов; проведение мероприятий, направленных на воспитание уважения к праву и закону среди сотрудников правоохранительных органов; формирование патриотического духа обучающихся в образовательных организациях системы МВД России, способных повысить уровень правосознания и предотвратить появление его дефектов; улучшение воспитательного процесса и морально-психологического развития личности будущего полицейского.

Таким образом, в современных условиях жизни существуют предпосылки формирования деаксиологического правового сознания, которые приводят к разрушению личности и, как следствие, всего правового государства. Правовое воспитание и правовое просвещение должны быть направлены на повышение уровня правовых знаний и формирование внутренней убежденности личности в первостепенной роли права как важнейшего социального регулятора.

Деформация правового сознания, однако, выступает не только негативным психологическим или социокультурным явлением, но и представляет реальную угрозу для общественного порядка и стабильности государства. Её последствия проявляются во всех сферах общественной жизни, снижая эффективность правового регулирования и способствуя распространению антиобщественных и противоправных форм поведения. По мнению Р. А. Осипова, основное негативное последствие деформации правосознания состоит в том, что искажённое представление граждан о праве и законности неизбежно приводит к утрате авторитета права, снижению их доверия к государственным институтам и ослаблению правопорядка в целом. Правосознание является важным регулятором поведения индивида, направляющим действия и поступки в рамках правовых норм и установок. Если сознание искажено, человек или группа людей начинают воспринимать закон, как было сказано выше, в качестве препятствия, инструмента подавления, неэффективной или условной социальной нормы [17].

Литература:

1. Андреева, О. А. Политико-правовые деформации идеи патриотизма в условиях утраты традиционных ориентиров в процессе формирования правосознания и правовой культуры / О. А. Андреева, Е. А. Василькова. — Текст: непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2021. — № 1 (33). — С. 85–89.
2. Кордобовская, К. Е. «Правосознание»: подходы к определению понятия в юридической науке / К. Е. Кордобовская. — Текст: непосредственный // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 декабря 2021 года. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т М-ва внутренних дел Российской Федерации, 2022. — С. 109–113.
3. Ломакина, И. Б. Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму / И. Б. Ломакина. — Текст: непосредственный // Российский журнал правовых исследований. — 2019. — № Т. 6, № 3(20). — С. 23–29.
4. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. — Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. — 510 с. — Текст: непосредственный.
5. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. — М.; Мюнхен, 1993. — 24 с. с. — Текст: непосредственный.
6. Карпец, И. И. Правосознание и причины преступности / И. И. Карпец, А. Р. Ратинов. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1968. — № 12. — С. 47–54.
7. Грошев, А. В. Уголовный закон и правосознание: теоретические проблемы уголовно-правового регулирования / А. В. Грошев. — Екатеринбург: ЕВШ МВД России, 1994. — 223 с. — Текст: непосредственный.
8. Хасанов, Ш. К. Правовое воспитание как средство преодоления деформации правосознания осужденных: общетеоретический аспект: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хасанов Ш. К. — Душанбе, 2009. — 25 с. — Текст: непосредственный.
9. Вербицкий, Б. А. Правовой нигилизм и правовой идеализм как деструктивные элементы правовой культуры в современной России / Б. А. Вербицкий. — Текст: непосредственный // Word science: problems and innovations:

- сборник статей XLIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. — Пенза: «Наука и просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. — С. 89–98.
10. Марченко, Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания / Д. Э. Марченко. — Самара: НТЦ, 2006. — 113 с. — Текст: непосредственный.
 11. Петров, В. Р. Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Петров В. Р. — Нижний Новгород, 2000. — 222 с. — Текст: непосредственный.
 12. Захарцев, С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / С. И. Захарцев. — М.: Норма, 2014. — 207 с. — Текст: непосредственный.
 13. Огрызко, А. Деформация правосознания / А. Огрызко. — Текст: непосредственный // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. — 2015. — № 9. — С. 33–35.
 14. Ибрагимова, З. Н. Правовая культура Российской Федерации в схемах / З. Н. Ибрагимова. — Орел: Изд-во «ПЕРПЛЕТЧИК», 2017. — 64 с. — Текст: непосредственный.
 15. Ваян, К. Д. Правовой популизм: теоретико-методологический анализ / К. Д. Ваян. — Текст: электронный // dissercat.com: [сайт]. — URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-populizm-teoretiko-metodologicheskii-analiz> (дата обращения: 27.05.2026).
 16. Осипов, Р. А. Правовой дилетантизм как деформация правосознания личности / Р. А. Осипов. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-diletantizm-kak-deformatsiya-pravosoznaniya-lichnosti> (дата обращения: 27.05.2026).
 17. Бехруз, Х. Н. Истоки и источники права: генезис и эволюция / Х. Н. Бехруз, А. А. Бочков, Л. С. [и др.] Гайниев. — Текст: непосредственный — СПб.: Издательство Алетей, 2022. — С. 482 с.

Полномочия прокурора по надзору за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса

Притьмов Данила Евгеньевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются основные полномочия прокурора по надзору за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса. С учетом особой значимости надлежащего функционирования оборонно-промышленного комплекса, являющегося неотъемлемой частью национальной безопасности государства, сделан вывод о целесообразности повышения эффективности полномочий прокурора в рассматриваемой сфере посредством внедрения в надзорную деятельность технологий искусственного интеллекта, что соответствует взятому курсу на формирование высокотехнологичного прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурор, надзор, оборонно-промышленный комплекс, мониторинг, искусственный интеллект, высокотехнологичный прокурорский надзор.

Государственное регулирование развития оборонно-промышленного комплекса обусловлено необходимостью обеспечения национальной и экономической безопасности государства. Надлежащее функционирование оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК) и реализация его субъектами своего целевого предназначения возможны только при обеспечении высокого уровня законности в рассматриваемой сфере правоотношений, важнейшую роль в этом играют органы прокуратуры Российской Федерации. Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса, таким образом, можно рассматривать как неотъемлемый элемент в механизме обеспечения национальной безопасности государства. Учитывая столь высокую роль оборонно-промышленного комплекса и не-

обходимости обеспечения законности его функционирования, прокурор наделен широкими полномочиями при осуществлении надзорной деятельности в данной сфере.

При осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса прокурор наделен как общими, так и специальными полномочиями. Общий перечень полномочий прокурора при осуществлении надзорной деятельности закреплен положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 22) [1]. К их числу законодатель относит: право беспрепятственного прохождения на территории и в помещения поднадзорных объектов, иметь доступ к их материалам и документам; право требовать от руководителей и прочих должностных лиц предоставления необходимых для проведения надзорных ме-

роприятий документов, материалов, сведений либо их копий; право получать объяснения от должностных лиц и граждан по поводу выявленных нарушений; право возбуждать производства по делам об административных правонарушениях и передавать их для производства уполномоченным органам; опротестовывать незаконные правовые акты и вносить представления об устранении нарушений законов и проч.

Конкретизация полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса осуществлена в рамках Приказа Генпрокуратуры России от 02.11.2018 г. № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» [2]. Так, помимо общих надзорных полномочий прокурора, закрепленных на законодательном уровне, в названном Приказе Генеральный прокурор РФ ориентирует нижестоящих прокуроров об их обязанности осуществлять мониторинг состояния законности в сфере оборонно-промышленного комплекса, осуществлять мониторинг средств массовой информации и интернет-ресурсов для выявления информации о фактах совершения правонарушений в рассматриваемой сфере. В том числе, для осуществления сбора информации о состоянии законности в сфере ОПК прокуроры наделены правом на информационное взаимодействие с иными государственными органами с целью получения от них необходимой информации (например, в части исполнения государственного оборонного заказа).

Отдельно в рассматриваемом Приказе акцентировано внимание на наличие у прокурора обязанности незамедлительно пресекать факты использования контрафактных комплектующих изделий и материалов при изготовлении продукции для нужд обороноспособности страны, отступления от требований технических условий на продукцию военного и специального назначения и иных документов, в результате которых возможна утрата тактико-технических характеристик создаваемой продукции, в том числе снижение ее качества. Для эффективной реализации своих полномочий в части надзора за законностью в сфере ОПК, прокуроры также уполномочены обращаться в органы судебной системы с соответствующими исковыми заявлениями (заявлениями).

Так, например, прокурор обратился в суд с исковыми требованиями о взыскании ущерба, причиненного государству в результате ненадлежащего исполнения государственного оборонного заказа. В соответствии с обстоятельствами дела было установлено, что между Минобороны России и федеральным государственным унитарным предприятием был заключен государственный контракт на выполнение комплекса работ по оснащению техническими средствами охраны объектов воинских частей. Цена договора составила около 67 млн руб. Подрядчик произвел авансирование работ по договору на сумму свыше 5,5 млн руб., однако в нарушение принятых обязательств субподрядчик к выполнению работ не при-

ступил. В августе 2024 г. в целях устранения нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, повлекшее причинение государству ущерб в размере неотработанного аванса, Московская городская военная прокуратура обратилась с иском в арбитражный суд. Прокуратура попросила взыскать более 5,5 млн руб. ущерба и около 410 тыс. руб. процентов за пользование чужими средствами [5].

Нарушения в сфере оборонно-промышленного комплекса могут быть выявлены различными способами: при проведении прокурорских проверок, при получении информации от Минобороны России, при осуществлении мониторинга средств массовой информации и интернет-ресурсов, который прокуроры обязаны осуществлять на систематической основе.

На обязанности прокуроров осуществлять мониторинг соответствующих ресурсов представляется необходимым остановиться более подробно. Так, в научной литературе в настоящее время встречается точка зрения относительно возможности использования рассматриваемой технологии сотрудниками органов прокуратуры при осуществлении мониторинга информации в цифровом пространстве [7].

Так, например, судом было установлено, что во исполнение требований ведомственных актов Генеральной прокуратуры России, городской прокуратурой посредством мониторинга информационных ресурсов в сети Интернет была собрана необходимая информация о состоянии законности в сфере оборонно-промышленного комплекса, послужившая основанием для проведения надзорных мероприятий в отношении нескольких предприятий оборонно-промышленного комплекса, осуществляющих деятельность на поднадзорной территории [4].

Мониторинг является процессом весьма трудоемким, поскольку предполагает исследование огромного количества информации в сети Интернет. Прокурор должен тратить немало времени на мониторинг средств массовой информации и сети Интернет в поисках необходимых сведений. Думается, именно в этом мог бы помочь искусственный интеллект, отбирающий для использующего его прокурорского работника только те данные, которые касаются интересующей прокурора сферы, а также поднадзорных лиц и территории. Впоследствии такая информация может быть использована как для анализа состояния законности, а впоследствии для планирования работы органа прокуратуры, так и как основание проведения прокурором конкретных проверок. В целом, внедрение искусственного интеллекта в надзорную деятельность органов прокуратуры соответствует концепции формирования высокотехнологичного надзора [3].

Кроме этого, технологии искусственного интеллекта могут быть внедрены также в деятельность органов прокуратуры, связанную с проведением антикоррупционной экспертизы, поскольку в соответствии с положениями Приказа Генеральной прокуратуры России от 02.11.2018 № 723 установлена обязанность органов прокуратуры осу-

ществлять анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу оборонно-промышленного комплекса на предмет наличия в них коррупционных факторов.

В современных условиях имеют место такие негативные обстоятельства, как низкое качество отдельных антикоррупционных экспертиз, что обусловлено, в том числе, и высокой нагрузкой на органы прокуратуры в связи с производством таких экспертиз [6]. По данному вопросу обосновано высказывание Э. В. Талапиной о том, что «использование алгоритмов искусственного интеллекта для проведения антикоррупционной экспертизы позволяет минимизировать субъективизм, унифицировать подходы к толкованию коррупционных факторов,

снизить трудозатраты. Созданию алгоритма благоприятствует то, что коррупционные факторы сформулированы как типичные, имеют вполне конкретные индикаторы, обнаруживаемые непосредственно в тексте нормативного акта» [8].

Таким образом, можно говорить о том, что в современных условиях имеется перспектива существенного повышения эффективности надзорной деятельности прокурора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса посредством внедрения в надзорную деятельность технологий искусственного интеллекта, что соответствует взятому курсу на формирование высокотехнологичного прокурорского надзора.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 02 ноября 2018 г. № 723 (ред. от 16.07.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» // Законность. — 2019. — № 1.
3. Приказ Генпрокуратуры от 11 сентября 2025 г. № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Законность. — 2025. — № 11.
4. Определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2022 г. № 305-ЭС22-2290 по делу № А40-43655/2021 // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2025 г. № 305-ЭС25-9226 по делу № А40-189487/2024 // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
6. Долотов Р. О., Крылова Д. В. Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2019. № 10. Ст. 163–173.
7. Карпышева Ю. О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 4. С. 15–23.
8. Талапина Э. В. О применении алгоритмов искусственного интеллекта для проведения антикоррупционной экспертизы // Информационное общество. 2023. № 5. С. 100–106.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 10.06.2026. Дата выхода в свет: 17.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.